

КОСТЁР

6 ИЮНЬ 1988

КОСТЁР

6
ИЮНЬ
1988

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

Издается с 1936 года

© «Костер», 1988 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

В марте, в начале холмов очерк М. Белоусова	2
Барабан	6
Дары Архимеда очерк Н. Климовой	10
Базар отрывок из повести Ф. Камалова	12
Родник у Джамбул-горы очерк А. Стерликова	18
Узелок на память рассказ А. Дорофеева	21
Стихи Марк Вейцман	24
За строкой учебника	26
Жили-были очерк Н. Давыдовой	28
Беседы о музыке	33
Подарок от вороны рассказ В. Перепелки	36
Морская газета	38
Зеленые страницы	40
Веселый звонок	44
Арчбек	47

На обложке рисунок О. Филипенко

1 июня — Международный День

ЧТО ТАКОЕ МИР НА СВЕТЕ

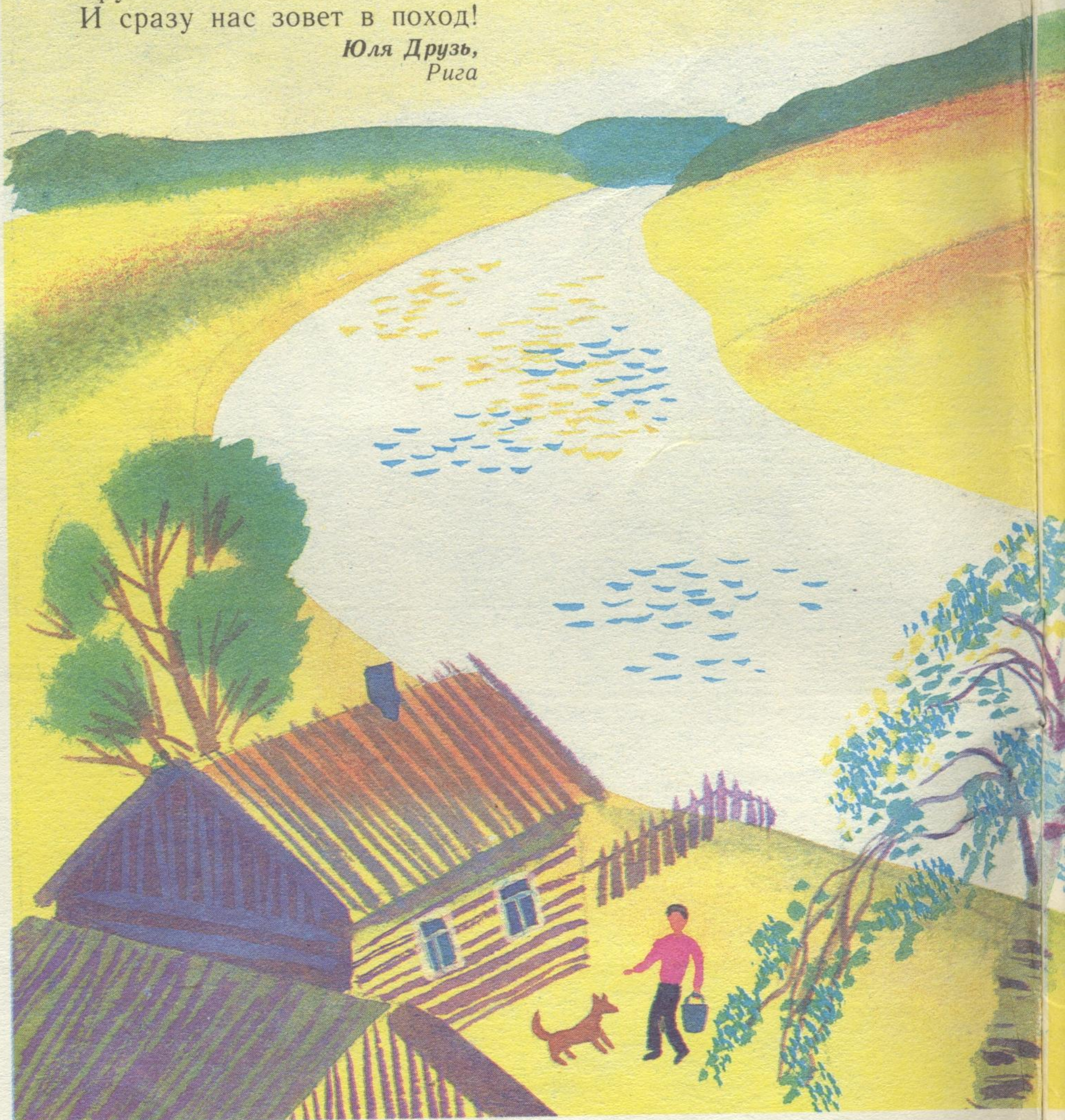
Что такое мир на свете?
Это взрослые и дети,
Это папа, мама, я —
Это вся моя семья,
Это улица и дом,
Белгород, где мы живем,
Где сестра моя и брат,
Это город Ленинград,
Его площади и парки,
И мосты его и арки,
Это небо над Невою
И над всей моей страной!

*Женя Богомазова,
Белгород*

ПЕРВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ В ЛАГЕРЕ

Как только солнышко встает
И волны моря золотит,
Горнист трубит!
Труба поет!
И сразу нас зовет в поход!

*Юля Друзь,
Рига*

ДОБРОЕ УТРО!

С добрым утром, моя планета!
Добрый светом земля согрета.
В этот добрый час на рассвете
Добрый смехом смеются дети.
Добрый ветер колышет пшеницу,
Ей под солнышком сладко спится.

*Оля Зверева,
Бронницы,
Московская обл.*

ЧТОБЫ СОЛНЦЕ СМЕЯЛОСЬ

Я хочу, чтобы солнце смеялось,
Чтобы небо с землею сливалось,
Чтобы дети росли без угрозы,
Чтоб гремели не взрывы, а грозы.

*Алена Гейне,
Волгодонск*

С ВЫСОТЫ

Солнышко, солнышко,
Золотой петушок,
Вышло рано-рано
На лесной лужок.
Огляделось и вот
Поднялось на небосвод.
А оттуда, с высоты,
Столько видно красоты!
Вон машина пылит,
Вон поселок вдали.
А по речке вперед
Катер быстрый идет.

*Юра Косицын,
Волгоград*

Рисунок К. Почтенной

В МАРТЕ, В НАЧАЛЕ ХОЛМОВ

Михаил БЕЛОУСОВ

История, которую я хочу рассказать, ни капельки не придуманная. С того дня, как я узнал ее и записал, прошел почти год. Я долго не трогал свои записки, потому что история эта очень грустная и даже страшная. Я думал, что детям она ни к чему. Но разве дети не должны знать о страшных событиях?

Красный междугородный автобус, в котором я ехал, тяжело взбирался на горный перевал. Это был уже третий перевал на пути. В конце каждого подъема шофер автобуса давал отдохнуть мотору и проверял тормоза. А я спрыгивал с подножки на обочину, где было ветрено и где можно бы-

ло глотнуть свежего воздуха. Мы стояли на перевале.

Как раз в это время по транзистору в шоферской кабине прозвучали сигналы точного времени, и диктор сообщил, что в тени сорок два градуса. Я обошел автобус со всех сторон, но тени не было. И лишь заглянув под кузов, заметил, где она прячется. Тонкая камера тени выглядывала из-под красного кузова.

Я двинулся к утесу, но в это мгновение услышал за спиной шум осыпающихся камней и быстро обернулся. Передо мной стоял незнакомец в полосатом халате и в тубетейке. Ручейки из песка и мелких камешков еще струились по откосу, обтекая сапоги незнакомца.

Рисунок А. Нелиной

Он внимательно посмотрел на меня и вдруг спросил:

— Ты едешь в Саргазон?

Я даже растерялся:

— Откуда вы знаете?

— Я учитель, — улыбнулся незнакомец. — Я все знаю. Правильно, ты обязательно должен поехать в Саргазон. Запомнил? Саргазон. Запомнил? Саргазон.

— Это недалеко? — спросил я.

— Сейчас мы спустимся в долину. В этой долине, поближе к горам, находится Саргазон. Это узбекское название: Саргазон означает «начало холмов». Холмы младшие братья гор. Меня зовут Джуманазар. Я учитель из Саргазона. Если ты ищешь героев, ты должен поехать в начало холмов.

Вот почему я не поехал дальше, а собрал свои вещи и сошел с автобуса. Решил заночевать в ближайшем селении.

На другой день я не пошел на автобусный вокзал. Было жарко, как накануне. В такую жару забираться в душный автобус и трястись три километра в облаке пыли я не хотел. А до Саргазона оставалось именно три километра. И я не торопясь зашагал по тропинке, протоптанной недалеко от шоссе.

Скоро путь мне преградил ручей. Когда таял снег в горах, здесь, конечно, была река. Я повернул к мосту, чтобы не мешать бегу ручья. Мост гудел и грохотал под колесами машин. К перилам на другой стороне моста был привязан ишак. Он немного косился на дрожащие перила и переступал передними ногами, недовольный местом остановки. Я посмотрел по сторонам, пытаюсь найти хозяина. Я вчера видел, как проезжали по улочке мимо гости-

ницы мальчишки на ишаках. Маленькие всадники легко управляли своими длинноухими лошадками. Первым хозяином ишака становится восьмилетний мальчишка. В каждой семье к этому возрасту покупают или выращивают ишака в подарок подрастающему мужчине. Подарок этот с секретом. Ишак — не велосипед, на котором можно весь день гоняться по асфальтовым дорожкам. Научиться управлять им гораздо трудней, чем велосипедом и даже скейтбордом. Ишака нужно кормить, следить за его здоровьем и копытами, чистить и учить домашней работе. Хозяин ишака каждый день нарезает травы для домашнего хозяйства, ездит за продуктами в магазин, например, за мукой, из которой пекут чудесный хлеб — нон.

Я искал глазами мальчишку, который, видно, трудился в зарослях густой травы. Но вдруг из зарослей поднялся с кипой

нарезанной травы совсем не мальчишка, а старик, дедушка, бобо, как говорят узбеки.

Старик подтащил траву к ишаку, вытер и засунул за голенище сапога небольшой серп и в этот момент увидел, что я рассматриваю его.

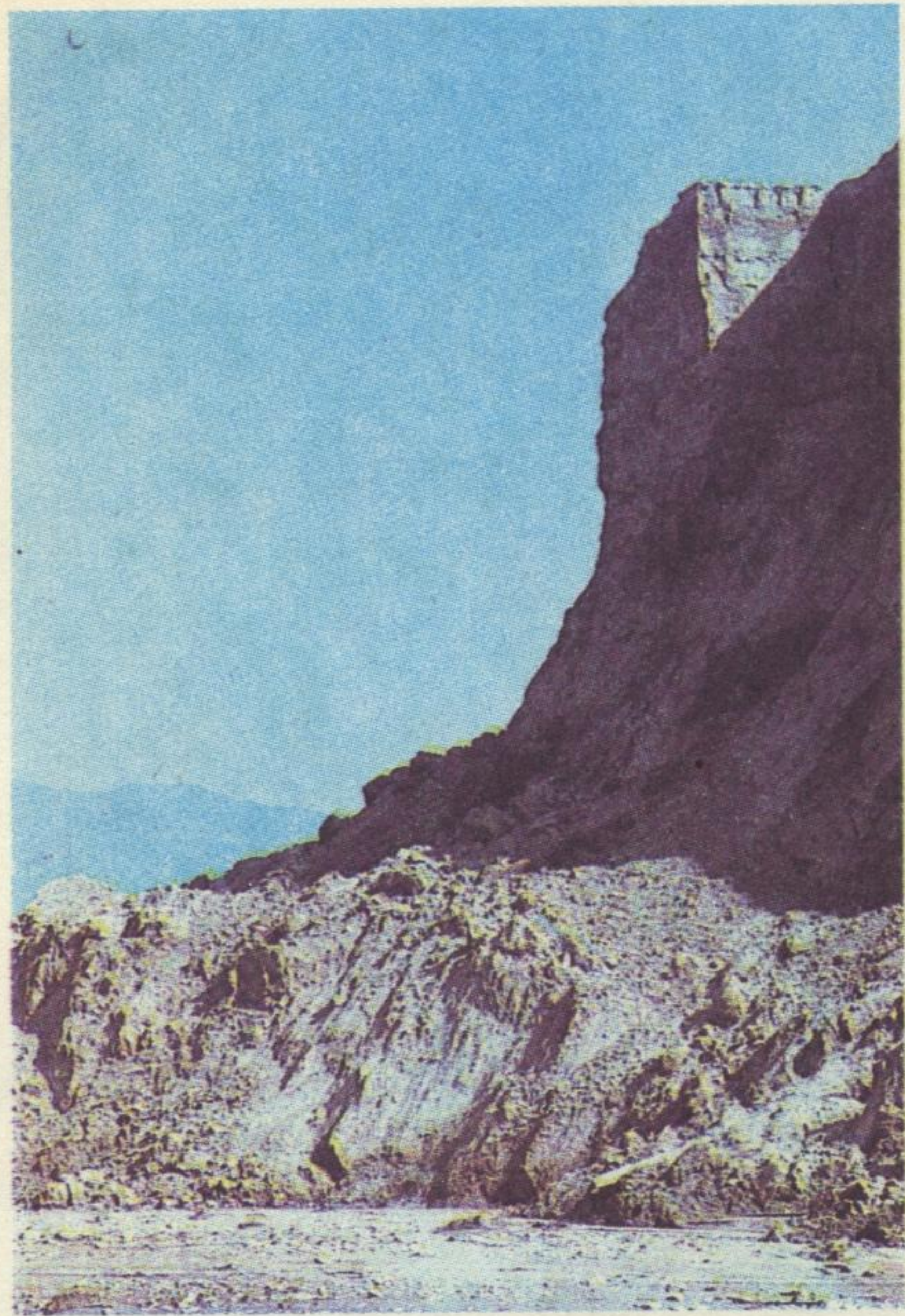
— Помоги, сынок! — тихо попросил он меня.

Все бобо говорят тихо, потому что привыкли к вниманию младших. Ведь все, что говорит бобо, он говорит не зря.

Я подбежал к старику, и мы вместе подняли на ишака его груз. Старик скупно поблагодарил за помощь и стал привязывать ношу, чтобы она не упала по дороге. От меня ничего больше не требовалось, и я уже хотел попрощаться со стариком, но решил спросить.

— А где хозяин ишака? — обратился я к бобо.

— Хозяина нет, — ответил старик, не останавливая работу. — Хозяин ишака мой внук. Но его нет. Его унесла вода.

Сель. Наводнение. Это было в марте. И вот уже второй месяц я сам режу траву.

— Я иду в Саргазон,— подойдя к бобо, чтобы он услышал, громко сказал я.— Я как раз хочу узнать, что там случилось в марте.

Старик задумался, потом посмотрел мне в глаза, как смотрел на меня учитель Джуманазар, и медленно произнес:

— Ты идешь не оттуда, сынок.

И он показал рукой, шоколадно-коричневой и поблескивающей на солнце, куда-то вперед, на холмы у самых гор, где скрывалась дорога и исчезали проносящиеся мимо нас машины.

— Иди оттуда, если хочешь все понять.

За моей спиной затормозила машина и, съехав с моста, остановилась. Приоткрыв дверцу, шофер крикнул мне:

— Ты почему стоишь?

— Мне надо туда, в Саргазон,— сказал я, показав в сторону холмов.— Но мне надо туда не отсюда, понимаете? Мне надо туда оттуда, с другой стороны, от начала холмов. Так мне посоветовал старик-бобо.

— Старый бобо прав,— подтвердил он.— Садись, я помогу тебе.

Я забрался на подножку самосвала, потом в кабину, на высокое и пружинистое сиденье.

Дорога рванулась мне под ноги, все быстрее и быстрее.

Машина поднималась в гору.

— Уже скоро,— сказал шофер.

Неожиданно мы сбавили ход. Машина съехала с дороги вправо. Асфальта под колесами уже не было, и я два раза ударился о дверцу кабины, так что пришлось искать рукой, за что держаться. Потом мы вдруг стали взбираться круто вверх, я даже вдавился в спинку сиденья.

Машина остановилась. Шофер отворил дверцу с моей стороны:

— Идем.

У меня едва не закружилась голова от высоты. Слева от меня зияла огромная чаша коричневого цвета. Она простиралась на километр. Это было дно водохранилища, еще не заросшее травой. То там, то здесь поблескивали на солнце чешуйки рыб, не успевших уплыть вместе с водой.

— Три миллиона кубических метров воды хранилось здесь до шестнадцатого марта,— сказал шофер.

Справа от меня, тоже глубоко внизу, где бежал, поблескивая, как змейка, едва заметный ручеек, убегало в сторону Саргазона, извиваясь между гор и холмов, русло, наверное, очень полноводной реки. Оно было в тысячу раз шире ручейка, журчавшего из глубины.

Здесь, между двумя утесами, еще совсем недавно, в марте, была огромная земляная плотина. По гребню ее бегали мальчишки из Саргазона с удочками и рыболовными сетками. Вся чаша слева была наполнена водой. И однажды ночью плотина не выдержала тяжести воды, и та вырвалась на свободу. Русло полноводной реки справа — это след, оставленный семиэтажным водяным валом, бросившимся с гор в долину.

Я смотрел на гигантские карьеры развороченной земли, на снесенный водой железобетонный мост. Он был гораздо больше того, на котором недавно я стоял. Сброшенный с опор, как пушинка, он уплыл далеко от своего места. Вода ударила

по мосту и дороге с высоты семиэтажного дома. Поток бешевал еще целый час, пока не разлился на миллионы ручейков по огромной долине. Но чтобы добраться до просторов долины, вода должна была пробежать несколько километров между гор и накинуться на кишлак, вставший на ее пути,— на Саргазон...

Кишлак безмолвствовал. Едва заметный ветерок несколько не спасал от зноя пустынные улочки и дворы, а только раздувал жар, поднимавшийся от земли. Я прошел уже сто шагов и еще никого не встретил. Вокруг меня были брошенные пустые дома. Глубокие черные трещины рассекали их стены. Провалившиеся крыши больше не защищали их от солнца и дождя. Я прошел еще

немного и оказался в поле. Но это было не поле. Разве может посреди поля громоздиться фундамент из камней и бетона? Один только фундамент, как будто прилетевший сюда по воздуху. А рядом с ним еще один. Здесь тоже были дома, но их унесла волна, вырвавшаяся на свободу. Она оторвала их от фундаментов и утащила неизвестно куда. Третий дом вообще исчез вместе с фундаментом.

Я шел и шел пустынной улочкой и вдруг услышал чей-то плач. Я остановился. Я вспомнил, как мне когда-то говорила мама: «Если услышишь плач, остановись и помоги». Но никого вокруг не было. Я подошел к развалившемуся забору и заглянул во двор. Среди обломков дома я заметил скло-

нившегося к земле человека в полосатом халате и в чалме. Я крикнул: «Здравствуйте!» И уже хотел спросить: «Что с вами?» Но человек поднял голову, и я узнал старого бобо, которому помогал нагружать ишака утром по дороге в Саргазон. Бобо тоже узнал меня:

— Ты все видел, сынок?

— Я все видел. И разрушенную плотину, и мост, и дороги, и эти дома вокруг. Но я хотел спросить вас, кто плачет в развалинах? Я увидел вас и подумал, что это вы.

Старик добавил чая в пиалы. Потом сказал:

— Я уже отплакал свое, сынок. Слез больше нет, ты сам это заметил.

Он показал мне улочку, поднимающуюся вверх, туда, где коричневая зарубка наводнения совсем сливалась с землей под ногами.

— Что там? — спросил я.

— Там школа, — тихо сказал бобо.

За оградой против школы, у обелиска со звездой, стоял мальчик в пионерском галстуке. Тень от поднятой для салюта руки падала на его глаза.

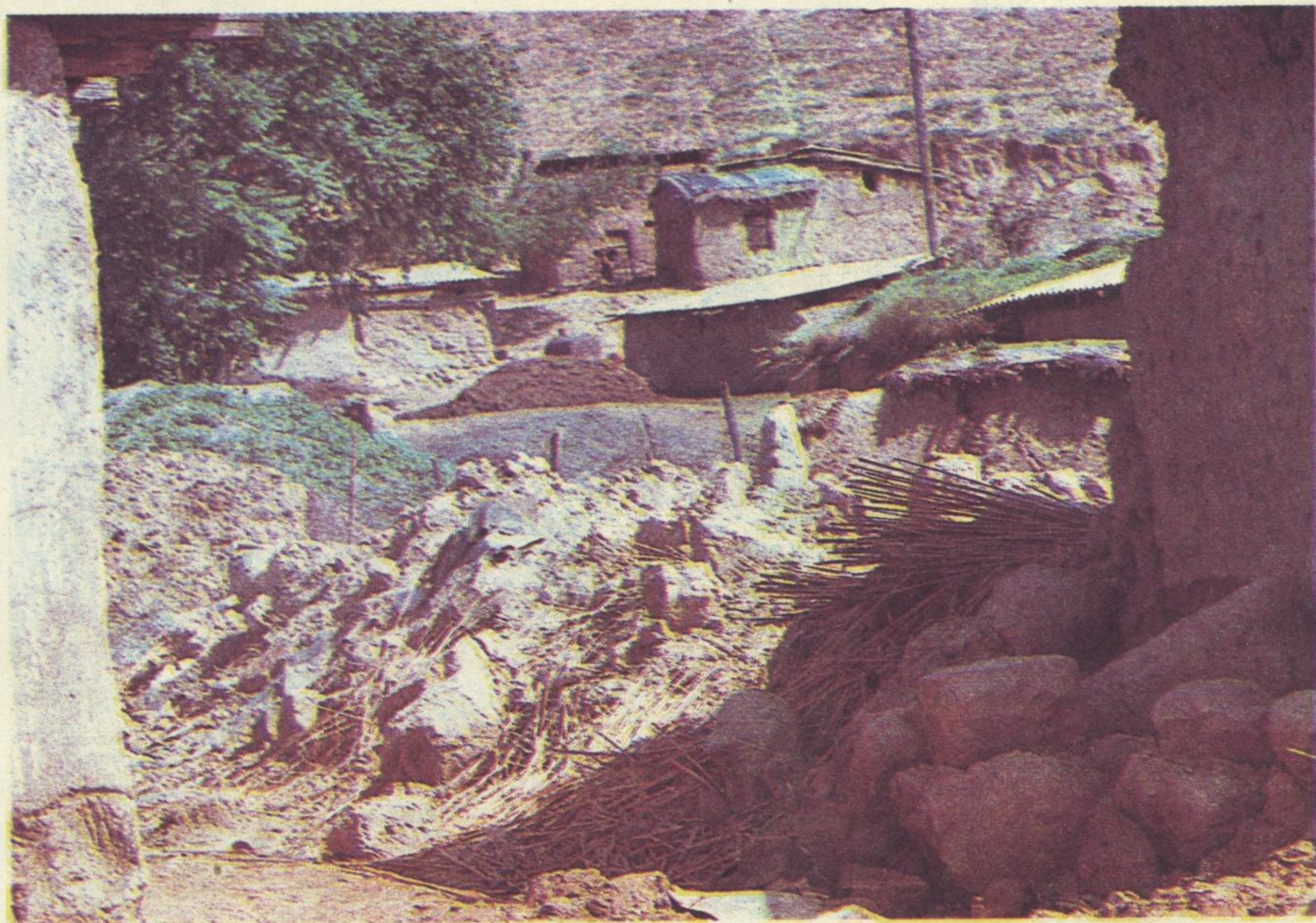
Я подошел к крыльцу со скамейками, на которых сидели взрослые люди, наверное, учителя. Один из них поднялся мне навстречу. Я сразу узнал его, это был учитель Джуманазар.

— Я ждал тебя.

Он повел меня вокруг школы. Во дворе на каждом шагу мы встречали детей. Была перемена. Дети играли за школой под деревьями, смеялись, бегали друг за другом. И только вокруг обелиска со звездой было торжественно тихо. Там стоял на посту мальчик, охранявший тишину.

Джуманазар показал мне большую трещину в стене школы. А когда мы вошли внутрь, я увидел, как дугами выгнулись деревянные балки под потолком. Это была не вода, а воздушный поток впереди бегущей волны. Он ударил в стену школы и согнул балки. С тех пор в этом классе отменены уроки — опасно.

Мы прошли к кабинету директора школы. Джуманазар

достал из кармана большой крючковатый ключ, вставил в замочную скважину, дважды провернул его и распахнул передо мной узкую дверь. На директорском столе лежал портфель.

— Это портфель учителя Хафарова. Учитель Хафаров погиб в Саргазоне, в ту ночь, когда прорвало плотину у озера. Открой его. Может быть, ты узнаешь то, чего не знает никто в Саргазоне.

Я сел за стол и сначала долго смотрел на портфель учителя Хафарова. Он был историком, этот учитель. Еще он был философом, то есть любил и уважал мудрые мысли. Он переводил на узбекский язык старые арабские тексты.

Я открыл портфель и стал осторожно вынимать из портфеля тетради, газеты, журналы, блокнот, конверт с бумагами, пачку листков, сшитых скрепками.

Учитель Хафаров был учителем и для десятиклассников, и для второклассников тоже. У старших он был историком. У младших он был просто учителем.

Я нашел в портфеле планы на 16 марта. Десятиклассников ожидал разговор о международном положении. А первый урок для малышей был посвящен Саргазону. Учитель так и назвал его: «Наш кишлак».

И написал даже несколько строчек для своего рассказа: «По обе стороны улицы построен новый кишлак. Это красивые дома. На деревьях поют птицы. Это соловьи. Почтальон разносит газеты. Все дети бегут к нему за газетами...»

Но эти уроки не состоялись. На одной страничке учительской тетради я заметил детские каракули. У учителя Хафарова было семеро детей. Трое ходили в школу. А самому младшему было всего три месяца. Все его дети погибли, как и отец. Остались только эти неумелые каракули в папиной тетрадке.

Когда я читал эти слова, скрипнула дверь в комнату. У дверей стоял мальчик в пионерском галстуке. Это был тот мальчик, которого я видел на посту у обелиска со звездой.

— Здравствуйте, — сказал он. — Меня зовут Исмаил. Я ученик Хафарова.

— Скажи, ты знаешь, как погиб твой учитель?

— Это знает весь Саргазон. Муаллим¹ разбудил людей. Он бежал по кишлаку и кричал: «Вставайте! Идет беда! Вставайте!» Река ударила в грудь учителю и убила его.

— А где был ты, Исмаил?

— Я боролся с водой. Я тонул. Но меня кто-то спас.

¹ Муаллим — учитель.

МАРШАЛЫ

Лето, здравствуй!

Наш КИД

Солнечный круг

Счастливейший день! Сегодня мы едем в пионерский лагерь «Солнечный круг» в Польскую Народную Республику. На автобусе.

Расстояние до границы измеряли песнями. Всем казалось, что она очень далеко, но через час езды кто-то воскликнул: «Граница!» Полоска взрыленной земли, пограничный столб с изображением герба нашей страны, пограничник, отдавший честь, и все. Впереди — нейтральная полоса, а потом Польша.

На нейтральной земле нас встретили польские пионеры — харцеры. Мы познакомились, вместе спели песню «Солнечный круг», уже давно ставшую международной, и, пересев в другой автобус, продолжили свой путь к лагерю, где будем отдыхать вместе с пионерами Польши и Болгарии.

Болгарские и советские ребята поселились в домиках, а хозяева — в палатках. Это тра-

диция летних харцерских обозов — так по-польски называются пионерские лагеря.

Лагерь расположился в городе Эльблгсе. Его самый красивый проспект назван Калининградским, в честь нашего города. Мы побывали в галерее Эло, где экспонируются картинны не только профессиональных художников, но и детей. Потом познакомились с библиотекой. В трех ее залах могут заниматься люди, окончившие школу. Особенно нам понравился музыкальный зал, в котором собраны коллекции записей музыки различных жанров. Можно не только послушать любимую мелодию, но и записать ее на магнитофон.

Говорят, больше всего запоминаются первый и последний день смены. Я рассказала о первом. Международная смена продолжается.

Анжелика Снитко,
член Калининградского
юнкоровского пресс-центра

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ.
СТИХИ.
РИСУНКИ

ОЛЕНЬКА

Петя Богачев, 8 класс, Ленинград

Бабушка - артековка

Мою бабушку зовут Галина Вениаминовна Стрекочинская. А в 1936 году ей было 13 лет, и была она просто Галя.

Однажды она дежурила по школе. Выглянув в окно, бабушка увидела, что напротив школы горит соборный храм. Подняла тревогу, побежала к директору, сообщила ему и одна из первых бросилась тушить пожар.

За находчивость и смелость бабушку наградили путевкой в Артек. Она была в одном отряде с будущим Героем Советского Союза Гулей Королевой и Мамлакат Наханговой, которая в 12 лет была награж-

дена орденом Ленина за рекордный сбор хлопка. У бабушки сохранилась фотография отряда. А слева во втором ряду — Рубен Ибаррури — сын Долорес Ибаррури, которая руководила коммунистической партией Испании, когда наши коммунисты помогли испанцам в борьбе против фашистов. А Рубен и многие другие испанские дети были привезены в СССР. Во время войны Рубен Ибаррури стал Героем Советского Союза.

Яна Коровина,
6 класс, школа № 38,
Иркутск

Салют, увлеченные!

Вы когда-нибудь приходили в школу летом? Пустые коридоры и классы, тихо. Но нашей школе и летом не отдохнуть от ребят. На два месяца она становится Малой академией наук (МАН) Крыма.

Это значит, что 200 ребят будут здесь отдыхать и учиться.

Графики, формулы, схемы. Доска исчерчена и исписана сверху донизу. Ребята старательно переносят все в тетради, проверяют вычисления на микрокалькуляторах. Физики? Кибернетики? Математики? Все мановцы давно освоили калькуляторы, даже юные педагоги используют их на своих занятиях.

Сегодня в работе секции химиков участвует кандидат медицинских наук С. Ю. Гизтин: «Главное не терять желания разобратся в непонятном. В природе все удивительно. И разобравшись в чем-либо, человек получает возможность управлять им».

Думаете, все мановцы — отличники? Нет. А вот ребята увлеченные, счастливые тем, что имеют друзей-единомышленников, — да!

Наташа Панушкина,
действительный член МАН,
Симферополь

Спасибо котелку

Мой дед Матвей Барсков отважно сражался в войну и получил много наград. А один раз дедушку чуть не убило. Он возвращался с разведки, как вдруг показался немецкий самолет. Дедушка залег и не двигался, но с самолета его, наверное, уже заметили — стали стрелять. Одна пуля попала в дедов солдатский котелок, а то бы ему не жить. Наши зенитчики увидели вражеский самолет и открыли огонь. А про дедушку уже думали, что он убит. А он раз — и пришел. «Спасибо котелку», — говорит.

Игорь Червоненко,
Биробиджан

«Братчанам» светит перебой!

Недавно мы с подружками кормили голубей у магазина. Они очень доверчивые и берут корм прямо из рук. А у двух птиц лапки были связаны, и они ковыляли, запутываясь в нитках. Одного нам удалось поймать. На лапках были не только нитки, но и проволока!

Маша Невоструева,
6 класс, Ленинград

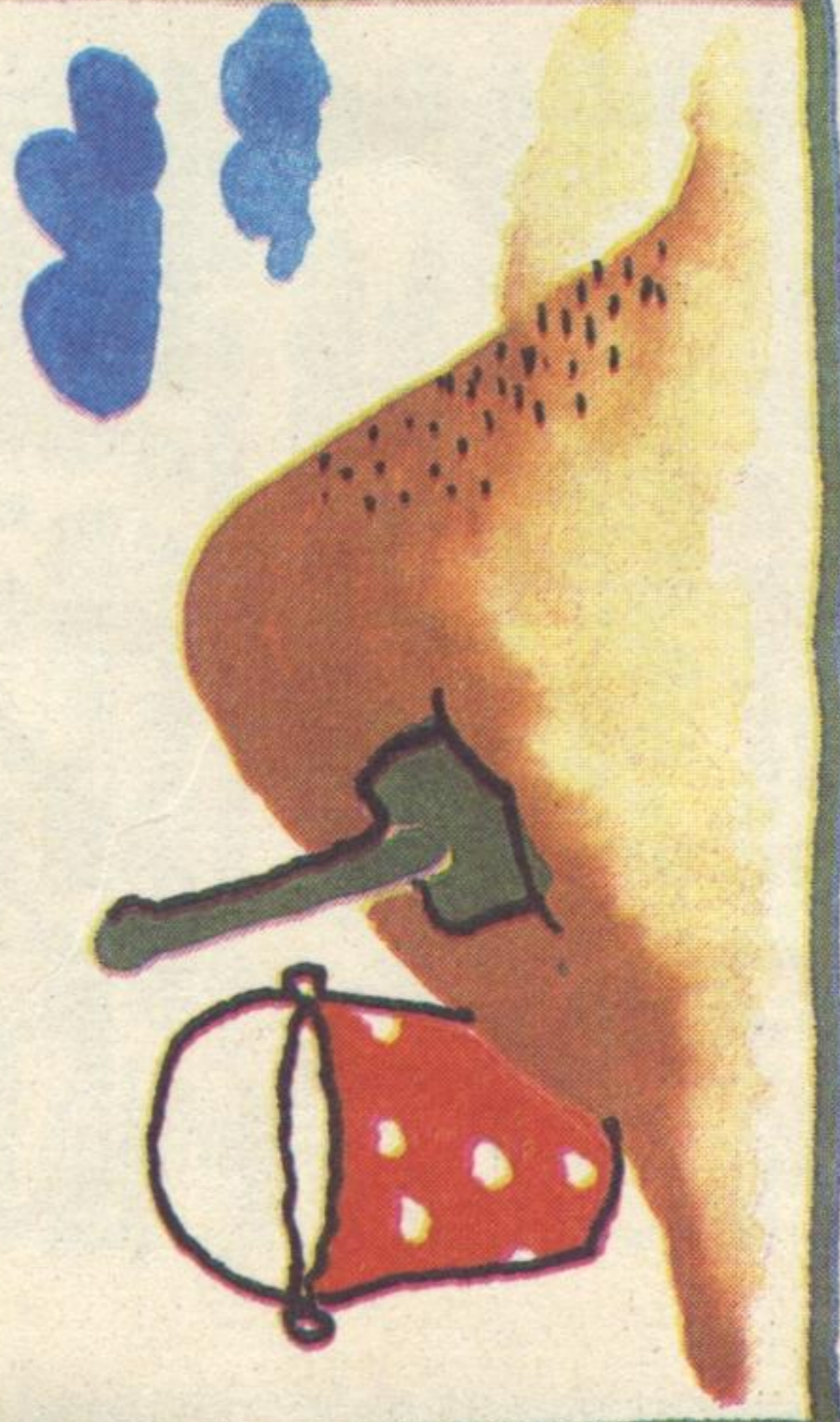

Смех во дворе

...А двор у нас раньше был пустой. Не только качелей, даже ни одного деревца.

И вот, почти как археологи, мы раскопали и расчистили песочницу для малышей. Потом вместе с мальчиками срыли бугры, разровняли площадку, вскопали землю и посадили несколько деревьев. А вечером позвали родителей, и они нам сделали скамейки. На следующее утро я проснулась от ребячьего смеха во дворе!

Марина Бочкарева,
6 класс, школа № 53, Орск

Вдыхайте запах хлеба!

Я узнала интересные сведения о хлебе. Оказывается, аромат — это душа хлеба и один из важнейших показателей его качества. Но самое примечательное, что хлебный аромат благотворно действует на наш

организм. Вот и получается, что вдыхать запах хлеба не только приятно, но и полезно. Так что вдыхайте на здоровье!

Оля Кузнецова,
Березовский,
Свердловская обл.

Мы рисуем

ТАНЕЦ ЯПОНСКОГО ЖУРАВЛЯ

Оля Андреева, 6 класс, Минск

ЗА ВЕТРОМ

Наташа Плотникова, 6 класс, Курск

Строчки из писем

...Летом школьники могут заменить взрослых на рабочих местах. И мы с подругами заменили в детском саду трех нянечек. Кормили малышей, укладывали спать, убирали и мыли посуду. Малыши очень привязались к нам. Этим летом мы тоже пойдем работать в детсад, а после школы решили поступать в педучилище.

Люда Сыромятникова,
Темиртау

...Мы организовали разновозрастный отряд по месту жительства. У нас большой дом и много ребят, которые не уехали в лагерь. Мы готовим концерты для жителей микрорайона. Наши выступления им нравятся. А еще собираем лекарственные травы, раскладываем в пакеты, вкладываем листочки с перечнем лечебных свойств и разносим пожилым людям.

Наташа Назаренкова,
Кулебаки,
Горьковская обл.

Реки, рыбы, родники

Наша речка называется Медведица. Наверное, когда-то она была большая и могучая, как медведица, а сейчас — робью по колено! И на дне чего только нет — всякий хлам. Мое звено решило помочь речке. Несколько месяцев подряд развешивали у реки объявление, чтобы не бросали мусор. Но их никто не читал. Что мы можем сделать еще?

*Лена Крашенинникова,
Петровск, Саратовская обл.*

Река Чемровка протекает через наш поселок. Люди не задумываясь сваливали в нее всякий мусор — унесет, мол. И в Чемровке уже невозможно стало купаться, гнила рыба... Мы с друзьями забили тревогу. Во многих местах поставили большие надписи: «Не кидайте мусор в реку!» Организовали «голубой патруль». А лес, который растет на берегу Чемровки, очистили от мусора и сухих веток.

Заботимся мы о нашей реке только второй год, и дела у нас еще много, но вода стала чище.

*Света Кузнецова,
6 класс, пос. Мирный,
Алтайский край*

РЕКА
Света Беломойкина,
7 класс, Астрахань

Не хотим
штат на стенах!

В наш дом пришли маляры. Мы с девочками очень обрадовались, так надоели всякие глупые надписи на стенах и облученная штукатурка. Некоторые слова были такие большие и черные, что мы побоялись — ведь просвечивать станут! Считать их было трудно, но мы с девочками постарались — очень хотелось ходить домой по чистой, красивой лестнице. Потом мы помогли красить качели в нашем дворе и посадили много цветов.

*Света Харламова,
7 класс, школа № 18,
Львов*

Рыба и телята

Утром Валя Заверткина, наш бригадир, распределила наряды: кому чистить ток, кому на поливку свеклы, а Березину и Федорову поручили перегнать колхозных бычков в новый телятник. Мальчишки подпрыгнули от радости: «Пусть будет дело, в полчаса управимся!» А дальше было так. Все уже давно с работы вернулись, только Березина с Федоровым нет и нет. Наконец появились — замученные. Оказываются, бычки у них разбежались: одни к реке, другие в лес, а один упрямый лег на дороге и лежал до вечера.

*Гаяла Залогина,
с. Нагово, Новгородская обл.*

Мы с папругой

Летом я отдыхаю в подмосковной деревне у бабушки и дедушки. Они на пенсии, но у них много дел: держат овец и кур, сажают картошку, морковь, свеклу. И для меня работа находится: пасу и загоняю домой овец, поляю и поливаю грядки. Для овец на зиму надо запастись сеном. Я помогаю его трусить, ворошить, копнить.

Моя подруга Наташа тоже помогает своим бабушке и дедушке. Два человека — тоже отряд, и дела наши — важные, ведь так трудно старым людям содержать хозяйство в полном порядке.

*Оля Володина,
4 класс
Москва*

БЫЧОК
Наташа Никулина,
7 класс, Йошкар-Ола

На лагерной линейке рядом со старшей пионервожатой стоял бородатый Архимед, закутанный в голубую мантию. Когда председатели советов отрядов отдали свои рапорты, он выступил вперед и заговорил густым басом:

— В этот высокаторжественный день радуется мое сердце при виде того, как много юношей рвутся к знаниям. Самых достойнейших среди вас я награждаю дарами.

Боря Дубров напряженно слушал. Непросто получить в пионерском лагере «Зубренок» награду. Сюда со всей

ши со всего мира. Они состязались в умении решать математические задачи. Победителем олимпиады стал минский школьник, наш зубренок Лев Борисов.

Дары Архимеда стали казаться Борису тяжелыми. Девять белорусских школьников, девять зубрят выезжали за границу и становились призерами международных олимпиад. Теперь пришел Борин черед.

РЕБЯТА

Каждый день в «Зубренке» начинался одинаково: Володь-

листке бумаги, а потом потерял. С тех пор уже много лет математики бьются, чтобы восстановить решение.

Боря Дубров помнит, как, впервые услышав о великой теореме, он схватил карандаш, чтобы немедленно посрамить всех математиков мира. Но после нескольких неудачных попыток отступился. Так же поступили и другие ребята. Только Володька заболел ферматизмом всерьез. Бедняга!

Ферматик в «Зубренке», к счастью, только один, но какими-нибудь исследованиями занимаются почти все. И не-

А. Кашин

Белоруссии собираются из лучших школ математики, физики и химии, победители республиканских олимпиад и лучшие ученики заочной физико-математической школы. И занятия здесь совсем не похожи на уроки в школе. Ведут их ученые — сотрудники Белорусской Академии наук и Университета.

— Боря Дубров! — зычно пробасил Архимед.

Боря подбежал к нему.

— За победу на Олимпиаде «Зубренка» по математике, — сказал Архимед.

Ребята зааплодировали, а Архимед вручил Боре почетную грамоту и книгу «Занимательная математика».

Радостно улыбаясь, Боря вернулся в строй. Казалось бы, все, достигнута вершина успеха. Но Архимед словно прочитал его мысли, сказал:

— За Геркулесовы столбы, на остров Куба приплыли юно-

ка Соболев, не дав ребятам как следует проснуться, торжественно сообщал, что доказал великую теорему Ферма. Весь день он ходил смурной и задумчивый, а к вечеру тихим, убитым голосом сообщал, что ошибся. Наутро все начиналось сначала.

Володьку жалели. Желанием доказать теорему Ферма, словно корью, в свое время переболели почти все. История эта в самом деле волновала воображение. Каждый школьник знает простенькое равенство $3^2 + 4^2 = 5^2$. Спрашивается, можно ли подобрать вместо тройки, четверки и пятерки какие-нибудь целые числа так, чтобы равенство выполнялось в случае, если они возводятся не в квадрат, а в куб или любую другую степень. Теорема утверждает, что нет. Говорят, сам Ферма считал доказательство простым, записал его на

которые очень успешно. Например, девятиклассник Саша Баран, победитель Всесоюзной олимпиады. Здесь в «Зубренке» всего за месяц он сумел найти красивое доказательство одной теоремы, которую обычно преподают на втором курсе университета.

Доцент Белорусского университета Игорь Константинович Жук, который ведет в «Зубренке» спецкурс «Решение олимпиадных задач», пришел в восторг и обещал даже, что на лекциях будет приводить студентам Сашино доказательство, вместо того, что в учебнике.

А вот Сережа Тозин увлекается черными дырами — самыми, наверное, загадочными объектами во Вселенной. Если остывает массивная звезда, то под действием собственной тяжести она начинает сжиматься. И может наступить момент,

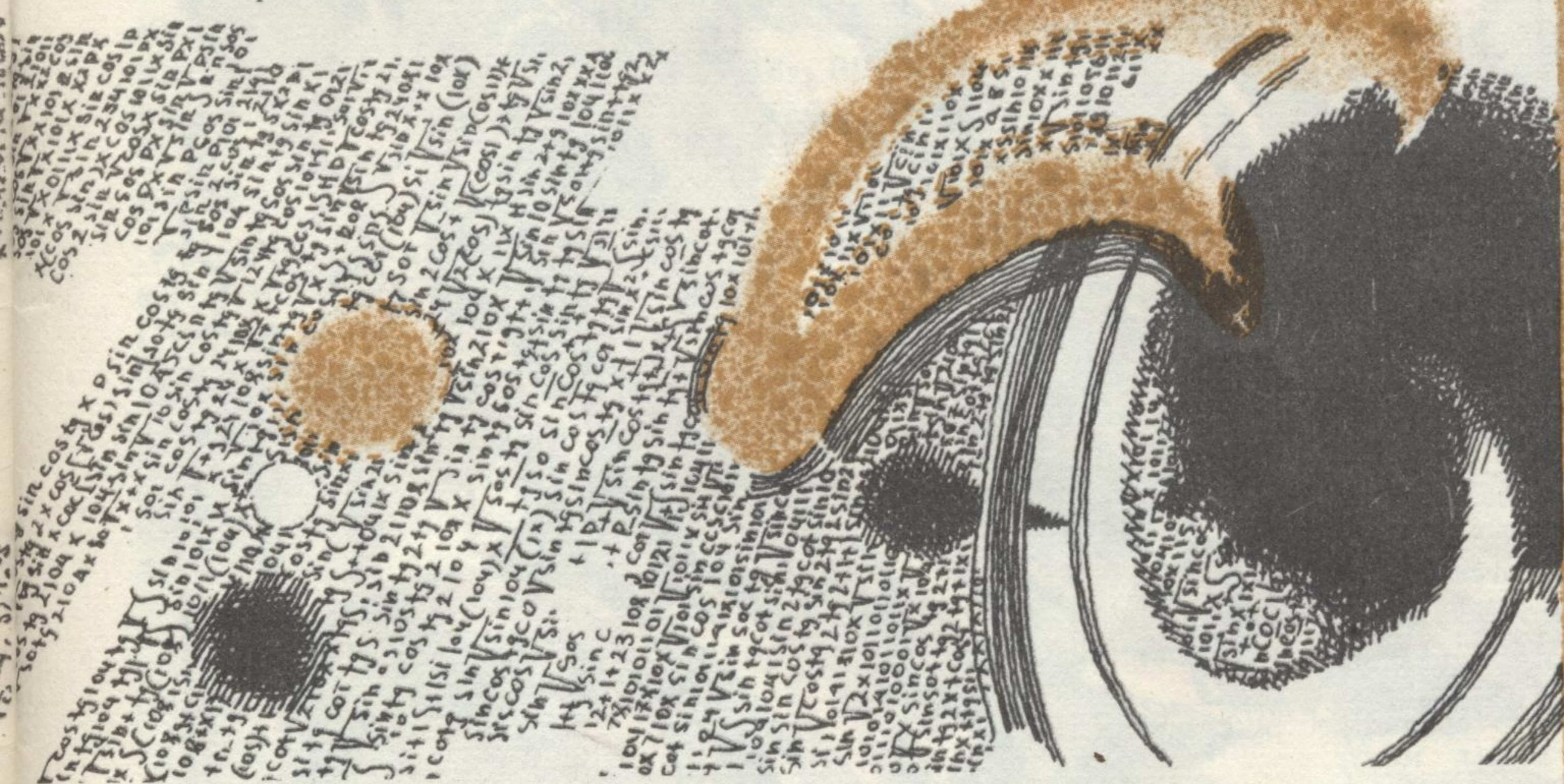
когда ни один луч света, ни одна частица не могут выбраться из нее наружу — столь сильно притяжение. Это и есть черная дыра. Она невидима и со стороны как бы не существует, но зато втягивает в себя все окружающие предметы.

Сережа считает, что свойство поглощать все подряд есть не только у звезд, и серьезно занимается «эффектом раковин». Если включить водопроводный кран и посмотреть, как вода, крутясь, втягивается в отверстие раковины, то, по мнению Сережи, можно получить полное представление о том, как

изусть сонеты Шекспира, свободно цитирует классиков.

Ребята — математики и физики — дружат, но с химиками у них нелады. Боря считает химиков странными и даже немного опасными людьми. Они постоянно возятся с какими-то реактивами и время от времени что-то взрывают. Однажды, после очередного взрыва, все на них обиделись. Чтобы отомстить, математики предложили химикам задачу, которую, как они считали, никто не сможет решить.

Задача такая. На листе бумаги в одну строчку печатными

«работает» черная дыра. Эта идея пришла ему давно в голову, и теперь он усердно трудится, чтобы подкрепить ее доказательствами. Каждый вечер в «Зубренке» вспыхивают дискуссии. Обсуждается будущее Вселенной, происхождение жизни на Земле, черные дыры и самые маленькие звезды — белые карлики. Не чуждаются ребята и гуманитарных наук — истории и литературы. «Чемпион» по начитанности среди них — Наташа Рыбко, скромная девочка из райцентра Осиповичи Могилевской области. На Всесоюзной олимпиаде по математике Наташа получила два специальных приза — «За оригинальное решение задачи» и «За волю к победе». Немногие мальчишки могут угнаться за ней на занятиях. А в знании литературы ей просто нет равных — она в курсе всех литературных новинок, знает на-

буквами написаны два слова: ЧАЙ и КОФЕ. Потом кто-то из математиков налил в пробирку таинственное прозрачное вещество (химики должны были догадаться какое). Если посмотреть на написанное через стекло пробирки (ее надо поместить горизонтально над бумажкой, не очень близко от букв), то слово ЧАЙ оказывалось перевернутым, а слово КОФЕ нет. Как объяснить это явление? Почему таинственное вещество предпочитает кофе и не любит чай?

К удивлению математиков, первый же химик решил задачу. Он сразу понял, что таинственное вещество — это обыкновенная вода и объяснил «необычное» явление.

ФИЗМАТБОЙ

К Дню Науки ребята из физико-математических и хими-

ческих отрядов готовились всю смену, и он удался на славу! Много интересного было в тот день в «Зубренке» — и выступление Архимеда, и урок «наоборот», на котором преподаватели отвечали на самые неожиданные вопросы ребят, и футбольный матч между преподавателями и учениками.

Но больше всего запомнился физматбой. Соревновались две команды — восьмых и девятых классов. Болельщики до отказа заполнили зал. Только успевал Игорь Константинович Жук прочитать условие задачи, как тут же кто-то из ребят бросался к доске, чтобы написать решение. Неудивительно, когда решается судьба своей команды, мозг работает особенно быстро. Победили восьмиклассники — Боря Дубров и его товарищи.

Посмотрите, ребята, по зубам ли вам задачи из «Зубренка».

1. Обыкновенную спичку магнит не притягивает, а вот сожженная, обгорелая спичка будет притягиваться магнитом. Почему?

2. Может ли воднолыжник, привязанный тросом к катеру, двигаться быстрее, чем этот катер?

3. В двух противоположных углах шахматной доски вырезаны два поля. Можно ли покрыть всю доску костяшками домино размером 1×2 ?

4. Есть десять мешков с монетами. Известно, что в девяти из них монеты настоящие, а в одном фальшивые, причем каждая фальшивая монета на 1 г легче настоящей. Как можно одним взвешиванием на чашечных весах определить, в каком мешке фальшивые монеты?

Оформление Н. Андреева

БАЗАР

ОТРЫВОК ИЗ ПОВЕСТИ

Ф. КАМАЛОВ

Рисунки А. Ивашенцовой

Утреннее солнце било в яблоки.

Покупателей в этот ранний час было немного. Каждый хозяин яблочной груды натирал свои яблоки бархатной тряпочкой до золотого блеска. Будь это даже белый налив — он начинал испускать слабое желтое мерцание.

В этом желтом сиянии все вокруг было красиво. Седой старик в темном, но с веселыми переливами цвета халате перегнулся через прилавок и сунул яблоко в руки беловолосой девчоночке. Она, наверное, приехала из России, впервые попала на восточный базар и поэтому держалась за маму. В глазах, как в круглых зеркальцах, отражались пестрые картинки базара.

Девчоночка прижала к груди нечаянное яблоко и понесла, как золотое яичко курочки Рябы. Старик проводил ее улыбкой и продолжал натирать блистающие яблоки.

Отец одиноко сидел за весами.

— Один только человек мимо прошел, косо посмотрел, — пожаловался он. — Нет покупателя.

Сали достал из сумки лепешку и кусок мяса.

— А что означает: «Проверено. Разрешено к продаже»? Кто проверял?

Отец нахмурился:

— Врачи должны смотреть — есть в дынях селитра или нет.

— Селитра — это плохо?

— До сих пор не знаешь, если спрашиваешь меня об этом, Сали, а? Любое лекарство, когда много, плохо. От селитры дыни растут ненормально быстро, как будто опухают. Интересно людям опухоль кушать, а? Бессовестные, кто хочет нажиться, даже уколы делают в каждую дыню или арбуз. Даже в помидор.

Сосед справа, так же одиноко сидящий за своими весами, пил чай, смачно прихлебывая, наливая из большого синего чайника. Отец покосился в его сторону, вслух подумал:

— Может, в чайхану сходить?

Сосед сполоснул пиалу, поднялся, подхватил чайник и подошел к нему.

— Пожалуйста, ака, попейте чаю!

Лицо отца прояснилось. Он степенно взял пиалу, вежливо поблагодарил. Из их неторопливой беседы Сали узнал, что соседа зовут Куддусом, он тут седьмой день, «торговля негодная». Например, вчера удалось продать сто килограммов. «Шесть тонн — по сто килограммов — два месяца сидеть», — подсчитал Сали.

И отец погрустнел.

Куддус, обтиравший поясным платком голову, обриту наголо, вдруг вскочил и бросился навстречу двум женщинам, направлявшимся к дыням.

— Любой нарез! — закричал он, хватая женщин за руки и поворачивая их к своей куче. — Сначала попробуй! Дынь сочный дальневосточный! Такой есть только в музее и у меня!

— Они же сюда шли! — возмутился Сали.

— У базара свой закон. — Отец махнул рукой. — Надо уметь продавать.

Женщины прошли мимо, неся в авоськах по дыне. Даже на вид можно было определить, что дыни Куддуса намного хуже, чем их дыни.

Опять подошел Куддус, ни капельки не смущенный тем, что перехватил покупательниц.

Сали попил чай. Куддус отошел к своим дыням, сел и, кажется, задремал.

— Сахир! Сахир! — внезапно встрепенувшись, закричал он. — Подходи, народ, свой огород! Сахир!

Отец взглянул на Сали, смущенно отвернулся и тоже закричал, сначала неуверенно:

— Мьод! Покупайте мьод!

— Сахир! Сахир! — твердил Куддус, как заклинание.

— Мьод! Мьод! — уже полным голосом кричал отец, поднявшись.

Несколько человек на площади, прислушиваясь к крикам, направились к ним. Куддус надал голосом, запел:

— Мои красномясые дыни твердые и сладкие, как шербет! Без обмана, красный сахир!

Отец покосился на него с усмешкой, словно хотел сказать: я ведь знаю, что не так, сосед! Слегка преувеличиваешь, брат!

— А мои желтые красивые и нежные, и с запахом, как у райских цветов!

— Мои дыни можно хранить до зимы!

— А мои подают за обедом, как последнее угощение, чтобы на языках гостей остался мьод!

Отец выкрикивал слова с закрытыми глазами, раскачиваясь, словно пел песню.

Человек пять-шесть уже стояли, посмеиваясь и ожидая, чем закончится состязание.

— Из моей дыни можно сделать лодку... нет, две лодки и без тревоги плыть по бурной реке жизни.

— С одним только запахом моей дыни могут пить чай десять... нет, двадцать человек!

Куддус, хоть и был запевалой, проигрывал. Подумав мгновение, он закричал:

— Зато мою прямо сейчас можно съесть! — выхватил нож из ножен на поясе и двумя взмахами отхватил от дыни длинную полосу. Было видно, что дыня чуть не созрела, однако Куддус, не смущаясь, вонзил зубы в розовый кусок. — Кто хочет попробовать?

— Ха-а! — ответил отец. — А мою разве нельзя!

Тоже отрезал полосу, цвета свежего сливочного масла, поделил ее на кусочки и стал предлагать окружающим.

Молодой парень, первым съевший кусочек и сладко жмурящийся, спросил:

— Почему?

— Семьдесят, дорогой! — вскричал отец, восторженно глядя на него. — Сам бы ел, деньги надо! Своими руками выращивал, как детей, честное слово! Продавать жалко!

Парень усмехнулся:

— Знаю, знаю все ваши песни. Мне вон ту!

— Пять пятьдесят, дорогой! — Отец снял дыню с весов. — Мелочи нет, но ты первый наш покупатель, бери за пять!

Дунув на пятерку — есть почин! — бережно сложил ее и сунул в карман пиджака.

И вторая дыня потянула ровно восемь кило.

— Мелочь есть? Э-э, ладно, бери за пять.

Народу еще прибыло. Возбужденный отец подхватывал дыни, хлопывал их, приговаривая:

— Мои дыни мужчине дают тяжелую силу, женщине легкий разум, детям утеху, а старикам сладкий покой. Подходите, люди!

В какой-то момент он сунул Сали пятерку и быстро, негромко проговорил:

— Разменяй на мелочь.

Сали побежал по базару, уже набравшему полные торговые обороты. В киоске «Союзпечати» ему дали рубль мелочью, еще рубль — в хлебом.

Вернувшись с трехрублевкой и горстью серебра, Сали не увидел возле отца ни одного покупателя. Отец заворачивал три красных червонца в поясной платок. Мягкие пятерки, трешки и рубли лежали в металлической коробке из-под конфет, которую они предусмотрительно захватили из дома.

— Одним махом на шестьдесят рублей продал! — с гордостью сообщил отец.

— Если бы так каждый час продавать, за неделю кончили бы, — подсчитал Сали.

Отец покачал головой:

— Неделю?.. Эх, думал, буду сидеть, как шахиншах, а люди сами будут выбирать, хвалить, какие мы сладкие дыни вырастили. Теперь что, опять всякие глупости кричать надо? Клоуном быть? Стыдно!

— Ой, Бузрук-ака! — позвал Куддус. — В чайхану пойдем?

— А дыни?

— Сали пока посмотрит.

Железную коробку с деньгами отец прихватил с собой.

— Сиди. Мы быстро придем. Мелочь и три рубля держи у себя.

— Если мои дыни придут покупать, тоже продавай, — сказал Куддус. — Только деньги отдельно держи.

Площадь наливалась зноем.

Конец августа вообще выдался жарким, солнце палило, как в июле. Не похоже было, что послезавтра наступает календарная осень. Солнце имело свой календарь.

Сали сидел под навесом, в тени вроде, а все равно одолевала духота. В движении, когда отвлекаешься от жары, она не очень-то и ощущается, но стоит сесть, как зной мягко, тяжело обволакивает, гнет к земле. Потянуло в дремоту. Хотелось либо в воду, либо лечь прямо на землю и уснуть.

— Мальчик, твои дыни?

Он быстро, испуганно вскинул глаза на женщину со строгим лицом учительницы.

— Я не продаю.

— Кто же продает?

— Отец, только он ушел.

— А что же ты не продаешь? — так же строго смотря на него, спросила она. — Считать не умеешь?

— Умею! — буркнул он. — А все равно не продаю.

Он сердился, что не может, просто не в состоянии объяснить ей свое нежелание продавать дыни. Он, как брат Валихан, был против этой базарной затеи отца. Вообще-то в городе ему побывать хотелось, и большой базар посмотреть он был не прочь. Но торговать при этом дынями? Брать за них деньги? — да никогда в жизни он не возьмет рубля за то, что бесплатно дарит им земля. Только с отцом не поспоришь.

Какое бы счастье было, привези они с отцом машину дынь и просто дарили бы их, вызывая удивление и радость людей. Сали не мог точно сформулировать, но ощущал, что есть в этих деньгах какой-то порок, такое зарабатывание денег ему казалось постыдным.

Вот в июне Сали с Хасаном, близким другом, заработали на велосипеды, формуя кирпичи. Работа мужская, тут и черт, если слабый, долго не выдержит, заплачет и убежит. Надо с вечера нарубить в яме глину, хорошенько залить ее водой, ведер, примерно, двести. На рассвете глину перемесить, подготовить формы — тяжелые, на четыре кирпича сразу — и площадку, где должен сохнуть сырец. Потом один накладывает, трамбуя, глину в формы, другой таскает их, переворачивает. Глина должна быть в самый раз, не густой и не жидкой, каждую перегородку в форме надо обсыпать сухим песком, через три-четыре раза тщательно промывать ее водой.

К восходу солнца они успевали сформовать около ста кирпичей. За рядом ряд... Каждые полчаса менялись, но в ушах все равно от напряжения нарастал звон. Глаза заливало горячим потом, а вытереться нельзя — руки то в песке, то в глине. Потом придумали надевать налобные повязки. Глине конца не видно, яма словно промокла насквозь.

Из утреннего замеса получается примерно четыреста кирпичей — почти три тонны глины...

И все же она кончается, нет, яма не бездонная. Теперь опять надо нарубить землю кетменем, залить водой — на вечер. Сложить часть высохших кирпичей в штабель, остальные поставить на ребро, чтобы сохли равномерно. И, торопливо поев, повалиться в тени поспать — чуточку передохнуть, переждать, пока солнце не покатится вниз.

Вот за такую страшную, изнурительную работу не стыдно получать деньги...

— Эй, ночью спать надо! Взвесь мне вон ту!

Сали очнулся. Первым желанием его было встать и отойти от навеса в сторону. Простейшая мысль остановила его: чем больше он будет отпугивать покупателей, тем дольше они с отцом обречены торчать здесь.

Дыня весила шесть с половиной кило.

— Четыре рубля, — сказал Сали.

Он успел продать три дыни. Вручил отцу восемнадцать рублей.

— Молодец! Может, устал сидеть? Походишь по базару?

Сали кивнул.

— Мои ни одну не продал, да? — заметил Кудус. — Наоборот говорил, наверное, эти дыни не покупайте, лучше в спортлото деньги проиграть, а?

Сали обошел дынную площадь и оказался среди арбузов. Если дыни лежали пологими холмами, то арбузы — горами. У подножия зеленых склонов сидели в основном старики.

— Тебе какой, самый лучший, да? — спрашивал один из них покупателя, мужчину в панаме.

— Да, самый лучший.

Старик повернулся к арбузам, раскинул руки, словно собрался обнять их все.

— Плохих не выращиваем, все лучшие! Домой придешь, если плохой будет, приходи обратно, ударь меня этим арбузом по голове!

Арбузы в крапинку, полосатые, темные и светлые, цвета малахита или яшмы. Старики, сидящие у подножий арбузных гор, имели темные, прокаленные на солнце лица. Сами выращивали эти арбузы, с великой охотой. Руки в твердых мозолях от кетменей.

Но есть, конечно, есть исключения. Вот сидит белолицый, под серой шляпой, со злыми глазами, на пальцах перстень. Видно же, что никогда не держал кетмень. А сидит на колхозном базаре, продает арбузы, вроде колхозник...

Возле арбузов, где сидел в серой шляпе, прохаживались двое мальчишек.

Серая шляпа злобствовал:

— Чего здесь ходите?

— Ничего, мимо идем.

— Ну иди, иди мимо! И не смотри так на меня, сопляк!

— Ах, так! — сказали мальчишки, отойдя.

Пошептались и разошлись: один как будто ушел, а другой опять вернулся к арбузной горе, стал посвистывать, глядеть в небо и задумчиво качать ногой. Серая шляпа вскочил с руганью, подбежал к мальчишке, размахивая руками.

— Не понимаешь, когда говорят, да?

— Что вы ко мне привязались! — закричал мальчишка. — Я вас трогаю? Стою, отца жду!

— Вон там жди! — схватил мальчика за плечо, показывая, где надо ждать. — Или там!

— Идите сами туда! Мы здесь договорились! Понятно?

Сали со стороны было видно, как второй мальчик, согнувшись, с тыла подобрался к куче, откатил два арбуза... Он шел за мальчишками до дальнего конца базара, где в тени старых тополей тек арык. Мальчишки устроились на берегу арыка, свесив ноги в воду и раскололи арбузы на четыре алых половинки. Мальчишки погружали в них лица, и, когда отрывались от арбузов, лица были влажные, розовые. Они смотрели друг на друга и смеялись.

Сали сначала удивился и позавидовал их беззаботности, а потом подумал, что его собственное детство нисколько не хуже, а может, лучше.

В центре базара бил слабенький фонтан, дающий все же ощутимую прохладу. Здесь, перегнувшись через низкую решетку, можно было сунуть в воду руки по локоть, сполоснуть лицо, да и просто отдышаться.

Сали хотел зайти в книжный магазин рядом с фонтаном, но громкие возгласы привлекли его внимание. Оказалось, всего-навсего встретились два приятеля.

— О-о, салом!

— О-о, вассалом!

— О-о, канда?

— О-о, якши!

— Ахволлар? Болалар? Ишлар? Мевалар?

— Рахмат, рахмат!

— Тинч-ма?

— Рахмат, рахмат!

— О-о, хайр!

— О-о, хайр!

Если перевести все эти восклицания не буквально, а лишь смысл, прозвучит до странности коротко: «Как дела?» — «Нормально». Нет, с таким азартом умеют говорить об обычном где-нибудь в Калуге или Финляндии, а только под южным солнцем. «О-о!» — и дружески крепко хлопнуть по плечу.

Но не все здесь ярко и шумно и не всегда злоба откровенна — с ножом в руках, хотя радость здесь — почти всегда с искренним криком. Восточный базар сложен, это не просто место купли-продажи.

Пробравшись среди лепешечных рядов, мимо россыпей помидоров и огурцов, груд зелени всевозможных оттенков, запахов и названий — петрушки, салата, киндзы, укропа, сельдерея — мимо, мимо, Сали оказался во фруктовых рядах с их дурманящим, тягучим запахом. Коричневые хвостики зеленоватых еще груш, сливы с ярко-синим блеском, благородно-желтые лимоны. Дальше — кучки алой малины, залежи нежных персиков, тугие гроздья винограда...

Рубиновые зерна разломанного граната прошлого года еще урожая завораживают глаза. Старик за прилавком, не глядя ни на кого, выкрикивал в пространство:

— Чустский! Чустский!

Значит — из Чуста. Лучшие в мире гранаты. А слышится — чудские, чудские!

Истинно — чудо природы — гранат! Дар и загадка!

Темно-красные зерна уложены в гранате так плотно, что кажутся приклеенными. Каждый драгоценный слой отделяет от другого полупрозрачная желтая пленка.

Что это за загадочное место — Чуст? Может, какое-нибудь заморье? Да нет, полчаса всего самолетом отсюда. И — лучшие в мире гранаты, сказочные плоды.

Когда Сали вернулся к отцу, тот перекладывал дыни, подолгу держа каждую в руке, словно прислушиваясь, что происходит внутри дыни.

— Еще восемь штук продал, — сообщил он. — Время уже обедать. Вечером люди с работы пойдут, может, больше продадим.

Сали высказал сомнение:

— Дорого по семьдесят. Арбузы вон по сорок продают.

— Арбуз что, сладкая вода!.. Можно бесплатно давать. Дыня есть дыня.

Снова отец принялся считать: если даже половину продать по семьдесят копеек, а оставшиеся по шестьдесят, в итоге они привезут домой около четырех тысяч. Этого хватило бы достроить быстро, до дождей новый дом для Валихана. В молодой семье старшего сына ожидалось прибавление, ради будущего внука и затеял отец строительство большого четырехкомнатного дома рядом с их старым.

А чтобы построить не из глины ляп-тяп, основательно, нужны немалые деньги. На лес для потолка и крыши можно пустить тополя у дома, специально для этого выращенные, — ну а все остальное?

— Надо продавать на десять копеек дешевле, чем у всех, — еще раз высказал мысль Сали.

Отец уныло оглянулся:

— Кому? Людей нету.

— Может, объявления написать, везде на базаре расклеить?

— Еще по радио выступи, по телевизору... Э-э, смотри!

По площади двигалась странная группа: только на одном из четверых мужчин были брюки, трое в шортах. У всех на головах одинаковые белые панамы, на морщинистых шеях висели фотоаппараты. Пожилая женщина с ними, одетая в длинное и узкое платье, стесняющее шаг, трещала как сорока.

Сали насторожился: иностранцы. Если кто-нибудь из них сейчас схватится за фотоаппарат, надо вскочить и отойти в сторону. Он смутно подозревал, что такой снимок — «колоссаль экзотик» — может появиться где-то за далеким рубежом в газетах: «Советские дети торгуют на базаре, чтобы заработать себе на жизнь».

Однако никто за аппараты не взялся.

— Сколко дэнги? — спросил голоногий старик, ткнув в дыню пальцем. — Сладки?

Отец неприязненно взглянул на его поросшие белыми волосами кривые ноги, молча вынул нож и отрезал от дыни, вскрытой утром, две полоски. Одну протянул женщине, а другую — одетому в брюки.

— Я дыни не ем, — сказал тот, — угостите иностранцев.

— Э-э, ты наш? — удивился отец.

— Я переводчик.

— О-о! — восхищенно произнесла женщина, распробовав дыню и пытаясь разделить полосу ломтиками и на спутников. С пальцев на босую ножку упало несколько тяжелых капель.

— Герман? Швед? — спросил отец переводчика.

Вместо него ответил голоногий старик, доброжелательно смотря сверху на отца:

— Канада. Очьиь далеко.

— Далеко, — согласился отец, отмякая лицом. Он повернулся к дыням, охлопал несколько, подкатил одну поближе. — Это вам.

— Сколько дьеньги?

— Нет, нет! — сказал отец. — Это подарок.

— Подьарока? — Старик присел на корточки, заглядывая отцу в лицо. — Ты хор-оший людь.

Канадцы заговорили между собой с оживленными улыбками. Еще один, нагнувшись, похлопал отца по плечу. Женщина раскрыла красивую сумочку, висящую на боку, и достала что-то блестящее.

— That's for you.¹

Отец замахал руками.

— Нет, нет!

Подарок оказался зажигалкой. Женщина щелкнула ею, высекая бледный огонек.

— Я не курю, — сказал отец, прижимая руку к сердцу и отрицательно качая головой. — Не надо.

— Лучше возьмите, — посоветовал хмурый переводчик, — а то и обидеться могут.

— Обид ньет, ест дружб! — заверил канадец, подхватывая дыню и пристраивая ее под мышкой. — Спьясибо!

Канадцы двинулись дальше. Отойдя, еще остановились, помахали руками. Отец снял тюбетейку и тоже махнул на прощание.

Подошел Куддус, полюбовался занятой вещишкой.

— Дать за нее пять рублей?

— Нет, — сказал отец, ревниво наблюдая, как Куддус щелкает.

— Шесть дам!

Отец взял у него из рук зажигалку, с любопытством покрутил в пальцах и сунул в карман.

— Подарки не продаю.

— Вы же табак не курите!..

— Я не курю, а Валихан курит — ему будет.

Куддус сожалеюще поцокал языком, предложил:

— Десять не могу, а восемь дам. А?

Отец сердито сказал:

— Нет! И хватит об этом!

Куддус отошел с обиженным видом.

Площадь до краев налилась тягостно-вязким зноем.

¹ — Это вам! (англ.)

**ТВОЙ
СТАРШИЙ БРАТ.
КОМСОМОЛ**

**КОМУ НУЖНЫ
НОВЫЕ ИДЕИ?**

В дни работы XX съезда Ленинского комсомола в павильоне ВДНХ в Москве работала выставка научно-технического творчества молодежи. Почти четыре тысячи экспонатов! Новые приборы и машины, станки и проекты космических станций. Все это молодые конструкторы, инженеры, рабочие и студенты предлагали промышленности как образцы новых изделий. Восемьдесят министерств были приглашены на выставку-ярмарку. Откликнулись на приглашение — пятнадцать, пришли представители восьми... Вот такая невестая поначалу была арифметика.

«Что нового могут предложить самодеятельные конструкторы, у которых и оборудования-то приличного нет — напильник, да руки!» — наверное, так рассуждали они.

Но вот по решению Госплана СССР портативный пульсомер стал госзаказом для одного из заводов медицинского оборудования. Отличный прибор! Маленький, компактный. Нажал на кнопку — и на табло тут же высвечиваются частота пульса и давление крови. А вот автомобиль «Ока» или перспективная модель «Москвича». Все это создано руками молодых конструкторов.

Взгляните на этот легкий мотодельтаплан. Он может пригодиться геологам и лесникам, чабанам и объездчикам линий электропередач и газопроводов. Прошел год — и эта модель принята к серийному производству на одном из наших заводов.

РОДНИК У ДЖАМБУЛ-ГОРЫ

Анатолий СТЕРЛИКОВ

Утро. Обычное июньское утро. Прохладное, однако обещающее жаркий полдень.

Собираемся в дорогу — навьючиваем мотоциклы. К двум «Иж-планетам» присоединяем платформы — дощатые настилы, привинченные болтами к колясочным рамам. Тщательно укладываем, старательно увязываем сумки с продуктами, а также канистры с водой, бензином. Накануне вечером у Михаила Зонина — он и проводник, и лидер нашей группы — мы пили чай с сотовым медом, обсуждали предстоящую поездку к Джамбул-горе, затеянную по моей просьбе.

И вот зачали, затрещали все три мотоцикла, водители торопят пассажиров — а их четверо, и я в том числе, — занимать свои места на задних сиденьях или прямо на дощатых настилах, где уложены и увязаны тюки с одеждой и канистры.

Отсюда, с прибережного вала староречья и до самого кряжа Джамбул-горы нам предстоит километров шестьдесят — семьдесят ехать по такырам да по щебнистой равнине. Словом, предстоит пересечь край пустыни.

Джамбул-гора в этих краях — надежный ориентир. Случалось, заберешься в пески Муюнкум, подзаплутаешь малость, тут уж стараешься найти бархан повыше и, взойдя на него, высматриваешь силуэт Джамбул-горы. Найдешь чуть приметную прорись кряжа на горизонте и успокоишься.

Примерно за два часа мы проскочили суглинки.

Свой первый бивак разбили в зарослях Сарыбулак-сая¹, ручья, соименного долине Сарыбулак. Расположились в тени тамариска.

¹ Сай — ручей у основания горы.

Мотоциклисты достали сидоры с едой, нарезали возле родника стеблей мелкого зеленого тростничка и, как на скатерть, принялись выкладывать вареную картошку, яйца, огурцы, редиску, перья лука. А мальчишки, Вовка Зонов и два его дружка, тоже сыновья мотоциклистов, — тем временем с гиком и ликованьем ринулись на ближайшую горюшку конической формы, словно сошедшую с графических листов японского художника Хиросиги.

Я представляю читателю свояка Михаила Зонина и его сына Вовку. Такая вот семейственность проглядывает в моем очерке с самого начала. Кроме моего племянца, с нами еще два подростка — Серега Кашев и Павел Смоляной. Вчера вечером и речи не было о том, что с нами поедут подростки. Михаил даже Вовку не хотел брать. Мотоциклы и без того навьючены сверх меры: на одном бензин и техническое масло, на другом — канистры с водой и сумки с едой, на третьем — спальники и ватники. Продуктов и топлива взяли с расчетом на трое суток, хотя предусмотрена только одна ночевка в «щели» Джамбул-горы. Зонов всегда придерживается старого доброго правила: едешь в Бетпак-Далу или в пески на сутки — еды, бензина и масла бери на трое суток... Казалось, на мотоциклах нет места даже для водителей, но подростков все же взяли, вняв их просьбам.

Полежав в тени тамариска часик-другой, водители мотоциклов стали сигналить, объявляя сбор. Мы снялись и запылили дорогой, петляющей по широкой долине Сарыбулака.

Но вот все позади: и гряды конических горюшек, словно сошедших с листов Хиросиги, и красные или фиолетовые ска-

лы — все это погружается в густо-синюю дымку марева. Мы продолжаем свой путь. И, наконец, приезжаем в урочище Молалы.

В Молалах подтвердились опасения, которые возникли у меня еще возле бочагов Сарыбулак-сая. Первые минуты пребывания на урочище ознаменовались тем, что наши юные спутники убили двух розовых скворцов. Подкрались к упавшей иве и все вдруг, по условному знаку, обстреляли из рогаток стаю скворцов. Обстреляли и погубили двух птиц. Рогатки-то у них отличные, с широкой, весьма эластичной красной резиной. Само собой разумеется, до этого они успели головешками кострища расписать железобетонное кольцо колодца, а также ближайшие чемоданоподобные камни — начертали имена и фамилии. И прозвища не забыли запечатлеть.

Это меня страшно разозлило, и я заявил их папашам, что если так и дальше будет продолжаться, то возьму баклагу с водой и уйду в Фурмановку на своих двоих.

Взрослые спутники не видели особого криминала в поведении своих отпрысков. Более того: сами же они, в чем-то иногда и весьма строгие родители, помогали им доставать отличную резину для рогаток. Все объясняется просто: летом мальчишкам они поручают «шугать» вблизи тугайных пасек симпатичных щуров, ярких, красивых в полете птиц. «Семиреки», занимающиеся пчеловодством, этих самых щуров не любят. По их мнению, щуры — вредители, которых надо распугивать, а гнезда вблизи тугайных пасек уничтожать. Возможно, на это у пчеловодов есть какие-то основания. Щуры, случается, атакуют пчел, груженных взятком, глотают их на лету. Размеры ущерба, который причиняют щуры, никто не может назвать, но ярлык «вредителей» прочно приклеен к синезеленым крылышкам этих красивых птиц. Кроме того, мальчишки, опять-таки вооруженные рогатками, обязаны ох-

ранять огороды в степи, на которые иногда совершают налеты черные тучи среднеазиатских воробьев.

Взрослые мальчишек не осуждали, но, видя мое негодование и понимая, что тут все же не пасека в тугае и не огород в степи, Михаил собрал огольцов у колодца и твердо им заявил, чтобы они впредь вели бы себя хорошо: не гневил бы дядю Толю, то есть автора этих строк. При этом он переадресовал мою угрозу, предупредив, что в противном случае они будут отправлены в Фурмановку на своих двоих.

— А и пойдём! — весело заявил Вовка — судя по всему зачинщик всех непотребных дел. — Че, думаешь испугаемся? Домой-то под горку.

— Ты поговори-ка мне! — рыкнул на Вовку отец, обрвав таким образом наметившийся диалог.

Видимо, такыры и многокилометровые глинистые поляны, лишь кое-где пересыпанные невысокими барханчиками, Вовке совершенно не представлялись опасными, тем более что мы их промчали на большой скорости. Обратный путь пешком Вовке казался чем-то вроде веселой прогулки. Но, возможно, он просто хорохорился перед своими товарищами, которых, надо полагать, именно он надоумил пристроиться к нам на Джамбул-гору.

Рогатки убрали подальше с глаз, но я все же кипел от негодования. Возможно, я в тот момент быстрее успокоился бы, если бы рогатки уничтожили на моих глазах. Но их только спрятали.

До примирения было далеко, и поэтому на обследование ручья я отправился один. А начал я его с колодца, который, надо заметить, торчал прямо в русле. Перегнувшись через верхнее кольцо обсадки, я замерил глубину. Столб воды оказался примерно в полтора метра. Стены этого водопойного сооружения были покрыты космами водяной плесени, и в источнике плавала всякая всячина: палки, доски, куски

пенопласта, тушки мелких птиц и грызунов.

Какому-то умнику однажды пришлось в голову бурить колодцы прямо в родниках. Потому что здесь, собственно, и бурить-то нечего. Выкопал яму, бросил в нее два обсадных кольца — вот и готов «колодец». После чего в нарядах остается только указать глубину, гарантирующую хороший заработок и приличную премию. А на схемах обозначить место колодца, жульнически сместив его на километр и даже на три-четыре сотни метров в сторону, где водоносные жилы находятся на большой глубине. Кто будет проверять и уточнять фактическое местонахождение колодца? Грозное-то начальство в Алма-Ате или даже дальше...

Разглядывая водопойное сооружение, я заметил дыру, пробитую в бетоне на уровне земли. Она была хорошо забита — вода чуть-чуть сочи-лась. Опустив руку в «колодец» (лучше все-таки это слово в данном случае закавычить), я провел ладонью по осклизлой стенке, где колыхалась сине-зеленая нечисть, и вытащил затычку. Вода тотчас хлынула в ручей, который подпитывался двумя-тремя весьма слабыми родничками несколько выше колодца.

Зазвенели склянки-банки, разбросанные по руслу. Вода в бетонной обсадке сошла до уровня земли, но истечение не прекратилось. Колодец с затхлой водой на глазах превратился в источник с весьма приличным дебитом (так говорят гидрологи).

Однако если бы я не вынул затычку, то источник мог бы заглохнуть, заилиться — судя по запаху и качеству воды, она уже загнивала. Зонов высказал замечание, что роднику недолго жить: верхний слой земли разворочен, разрушен, водоносная жила источника передавлена бетонными кольцами.

Поразмыслив, я пошел к мотоциклам за кетменем. У нас есть настоящий кетмень, острый, увесистый, выкованный

из диска какого-то сельскохозяйственного агрегата. Кетмень-то не лишний инструмент, когда странствуешь по Бетпак-Дале. Он необходим хотя бы для того, чтобы нарубить кустиков боялыча для костерка. И ему всегда можно найти место в багаже мотоцикла, если несколько укоротить ручку.

Вернувшись к источнику, я принялся расчищать его, кетменем выгребая ил, овечий помет, бутылки, ржавые консервные банки. Странное дело — вокруг нет ничего подобного, никакого хлама или мусора. Я имею в виду склоны ближайшей горы и холма. Такое впечатление, будто именно русло ручья — самое подходящее место для мусора.

Мальчишки, вновь забравшиеся на гребень горы, видно, заинтересовались моими изысканиями и стали спускаться вниз.

— Дай-ка, дядь Толь, я немного поковыряюсь, — попросил Вовка.

Я ничего не ответил истребителю скворцов и продолжал махать кетменем. Но Вовка не ушел, а принялся советовать:

— А если тут вот ковырнуть — может, ключ и обнаружится...

Я покачал головой, хмыкнул, однако же хватил кетменем место, куда мне указал племянник.

Ямка наполнилась свежей водой, которая непрерывным ручейком потекла вниз, осветляясь на глазах. Я потрогал дно ямки — ручеек замутился. Убрал руку — вода в ямке посветлела, а через две-три минуты она совсем очистилась от взмученного ила, только на дне ее, конечно, пульсировал ключик, иногда взметывая щепотки намытого песка. Воды все больше и больше в русле ручья, однако течение пока незаметно — этому мешает всякий хлам.

— Дай-ка, дядь Толь, и я все же немного погреюсь, — снова настойчиво попросил Вовка.

Я вручил ему кетмень, но прежде наказал где-нибудь в сторонке выкопать яму для мусора.

Вовка пошел к зарослям чингиля в голове ручья и, покрякивая, словно настоящий «семирек», который на своем огороде углубляет арык или отсыпает земляную перегородку, принялся махать кетменем. Дружков же его, оставшихся без предводителя, я повел на расчистку русла. К нам присоединились и другие спутники, которые, раскатав брезент, выкладывали на него ватники и спальники, а также и сидоры с едой — еще было светло, но солнце скатилось за гору.

Мы торопливо выгребали ил и тину, кто как приспособился: консервными банками или палками. А Павлик Смоляной и Сережа Кашеев соорудили из проволоки волокушу, и она сразу же повысила производительность труда. И весь хлам и мусор, накопившийся в русле ручья, мы стаскивали к яме, которую выкопал Вовка. Прошло немного времени — часа два, не больше. И вот видим, как очищаются бочажки ручья там, где стояла тухлая, загнивавшая вода. Вижу, отложились частицы песка и грунта, образовались излучины, чистые заводи, засверкали камешки на перекатах.

У истока же ручья вода теперь не сочилась сквозь щели бетонных колец и толщу навозного киселя, ее не подпирали завалы тряпично-полиэтиленово-жестяного хлама. Чуть слышно журчавшие ручейки сливаются в единый поток с водами источника, нами очищенного. Тут и там завихряются водовороты, и видно, как на дне ручья расцвелись камешки. И все мы, взрослые и мальчишки, охвачены каким-то радостным возбуждением, улыбаемся, шутим. Расчистка русла помирила меня с ребятами.

Мы ничего такого особенного не говорили друг другу, посидели возле ручья, послушали бульканье светлых струй его да пошли к биваку. Надо было ужинать, укладываться на ночлег. Утром предстояло восхождение на Джамбул-гору...

Оформление А. Голованова

УЗЕЛОК НА ПАМЯТЬ

А. ДОРОФЕЕВ

РАССКАЗ

Рисунок А. Лямина

Не могу сказать, что это мой конек — вязать узлы. То есть пока я научился завязывать шнурки на ботинках, немало было слез пролито. Да и по сию пору ботиночные бантики расползаются у меня каждые полчаса.

Зато у меня есть дядя, который может завязать такие бантики, что их хочется поставить, например, в вазочку или носить в петлице — вроде цветка. Впрочем, дядя мой, за что ни возьмется, все у него ловко увязывается и споро бежит, как этакий резвый конек-горбунок. Словом, у дяди любое дело — конек. А дел у него по горло и, выходит, — коньков целый табун. Некоторыми дядя особенно гордится. Например, кактусами. Ну, а к узлам у него, наверное, страсть, нежное и трепетное отношение.

Когда-то юный дядя работал в геологической

партии, в песках Кызылкума. Однажды понадобилось сходить в соседний поселок, не дожидаясь машины. И дядя собрался в дорогу. Кругом был тихий-тихий песок и маленькие кустики верблюжьей колючки. Дядя шел себе и шел, полагая, что ноги выведут куда нужно. А ноги рассудили иначе. В общем, попросту и безо всяких рассуждений увели они дядю в сторону.

Конечно, это обычная история. Всегда одна нога у человека оказывается торопыгой, опережает другую. А дядя тогда еще не знал, у какой его ноги какой характер, — и долго петлял по пустыне.

В конце концов он увидел неподалеку мираж — под тремя пальцами у водокачки стоял паровоз, заправляясь водой, — и понял, что заблудился. Отчаявшись, дядя пополз на четвереньках. Навер-

ное, одна из рук уравнивала одну из ног, и путь выпрямился. Но к тому времени он был уже так искривлен, что дядя выполз обратно к палаточному лагерю.

— Понавязал узлов?! — встретил дядю начальник экспедиции, уже собиравшийся высылать людей на поиски.

— Ничего я не вязал, — хмуро ответил разгоряченный песками дядя.

Тогда он еще не знал, что «связать узел» — значит заблудиться, вернуться, напетляв, на прежнее место.

На другой день прилетел вертолет. Для аэрофотосъемки. И дядя как-то сразу понял, что его, дядино, место, конечно, в небе, а не в песках. Когда вертолет набрал высоту, дядя вдруг увидел из иллюминатора весь свой замысловатый путь, сохранившийся на песке.

— Гляди-ка — коровий узел! — крикнул пилот.

Дядя было обиделся, думая, что над ним смеются. Но, когда они приземлились, пилот достал трос и завязал узел, очень похожий по рисунку на дядин след в пустыне.

— Я коровьим узлом вертолет привязываю к столбу, когда песчаная буря, — объяснил пилот. — В общем-то простой узел. Вот если б ты чертил на песке «баранью ногу» или «южный крест», дня два-три бродил бы. Пришлось бы вместо аэрофотосъемки тебя искать.

Дядю поразили «коровий узел», «баранья нога» и «южный крест». Наверное, думал тогда юный дядя, так уж устроен человек — вяжет узлы там и сям, когда надо и когда не надо: завяжет, а потом не знает, как распутать...

С тех-то самых пор дядя собирает-изучает узлы. В его квартире с дверных притолок свисают, как занавески, бельевые веревки, на которых понавязаны всякие узлы. И каждому есть свое назначение.

Узлы шахтерские и курьерские, докерские и бурлацкие, мельничные и пожарные, пиратские и боцманские, скорняжные и охотничьи, хирургические и много-много морских.

Есть у дяди акулий узел и щучий, змеиный и верблюжий, устричный и черепаший. Есть «мартышкина цепочка» и «кошачья лапа», «травяная» петля и «мокрый» полуштык.

Дядя собрал и выучил наизусть сотню узлов. Да это, оказывается, только малая часть известных человечеству.

Зато дядя успел выучить узелковое письмо. Только покуда ему не с кем переписываться. Но если кому-то нужно надежно упаковать вещи, завязать галстук или попросту красивый бантик, обращаются к дяде.

Однажды в доме случился пожар. Сию секунду дядя сплел узелковую лестницу и спускал по ней людей из окон, пока не приехали пожарные.

Когда я прихожу к дяде в гости, он сразу же раскладывает на столе веревки.

— Вот, гляди-ка, — беседочный узел!

Веревка мелькает в руках. Дядя закрывает глаза, как пианист-виртуоз, и отворачивается, что-

бы я не думал, будто он подглядывает. Раз-два, и на веревке узел с плавной петлей.

— Король узлов! — любит дядя. — Такая петля никогда не затянется — любую тяжесть выдержит. А ведь узлу-то — пять тысяч лет! Еще древние египтяне его вязали.

Дядя откладывает беседочный узел в сторону.

— Кинжальный! — громко объявляет он следующий номер, высоко подняв две веревки. Пальцы его пробегают туда-сюда — и уже вместо двух веревок одна с узелком посередине. — Быстро! Удобно! Надежно!

Дядя тянет веревку за концы. Узел трепещет, но держит крепко.

— Прямой узел! — хватается дядя еще одну веревку. — Древние греки называли его геракловым — вот так он завязывал на груди лапы львиной шкуры. А римляне затягивали этим узлом повязки на переломах.

Дядя поглаживает прямой гераклов узел и счастливо улыбается.

— Нет-нет, не обойтись человеку без узлов. Лук на охоте не натянешь. Под парусом в море не выйдешь. Рыбу и ту не поймает без хорошего узла!

— Все-таки узлы — это седая история, — говорю я. — Сейчас-то они кому нужны?

Дядя слова вымолвить не может и завязывает от волнения несколько замысловатых узлов.

— Да как же! — говорит он, чуть успокоившись. — А морякам? А пожарникам? А скалолазам и монтажникам? А строителям, такелажникам, конюхам и рыбакам? А космонавтам?! Даже космонавтам без узлов не обойтись!

Дядя протягивает мне веревку и подмигивает.

— Ну-ка, завяжи узелок для души!

Я отнекиваюсь, а потом завязываю один-единственный, который знаю. Узел как узел.

— Это же бабий! — вскрикивает дядя. Он хватается веревку и тянет концы в стороны. Узел мой крутится, скользит по веревке.

— Предатель! — рычит на него дядя. — Сколько бед понаделал!

Он швыряет веревку на пол и топчет ногами, как змею.

— Им только платки подвязывать — потому и называется «бабий». Да хоть рифовый покажи, — умоляет дядя. — Которым шнурки на ботинках завязывают.

Тогда я охотно поднимаю ногу в ботинке с «молнией».

Дядя вздыхает, машет на меня рукой и переходит к кактусам. Он сует мне в нос колюче-лохматый булыжник с черным цветком на макушке, от которого исходит подозрительный, не цветочный запах.

Я вежливо нюхаю, киваю головой и думаю про себя... Где же, думаю я, в каких заповедных лугах бегают сейчас мой конек? Доберусь ли я до него когда-нибудь, признаю ли в нем своего?

И еще думаю я — уж не дядя ли мой конек? Все я о нем знаю. И где бы ни был, куда бы ни пришел, сразу о нем рассказываю, сплетничаю вроде, — «узлы вяжу», как говорят в народе.

Бесславная слава

Дорогая редакция! Вчера вечером мы с братиком Колей читали «Пионерскую правду». Сразу обратили внимание на стихотворение «По доске носился мел». Несколько месяцев назад в вашем журнале я читала стихотворение Олега Сердобольского «Мел», строчки из которого мне запомнились:

По доске носился мел,
Словно угорелый,
Извивался как умел
Ниточкою белой...

Я страшно удивилась, что автором этого стихотворения является теперь Оля Савина...

Юля Бойко,
6-б класс, школа № 20,
станция Новопокровская,
Краснодарский край

Десятки писем в день, сотни в неделю — таков поток нашей редакционной почты. Очень большая ее часть — детские стихи, рассказы, сказки. Но как-то раз литконсультанты подсчитали: на 50 писем юных поэтов и прозаиков приходится одно такое письмо, автор которого присылает в редакцию не свое произведение, а чужое, списанное у известного писателя, а то и у своего ровесника. 1 из 50. Много это или мало?

силы напечатать это стихотворение за их подписью.

Что произошло?

А вот что: простодушные читатели (один мальчик и две девочки), прочтя «Январь», решили, видимо, что они и сами вполне могли бы сочинить такой симпатичный стих, только вот времени не хватило, или умения, или еще чего-нибудь. Но они искренне готовы подписаться под любимившимся им сочинением. Они даже согласны, чтобы стихотворение снова напечатали, но только под их подписью.

Забавная история, не правда ли? Забавная, да не очень.

А вы представьте себе, что те же самые любители напечататься оказались не столь простодушными и послали этот самый «Январь» в газету или в другой журнал.

А стихи-то хорошие.

И вот журнал или газета публикует уже напечатанные однажды стихи, но только не за подписью их настоящего автора, а подписанные... Ужасно хочется в этом месте назвать фами-

И всем становится неудобно: журналу, напечатавшему присвоенные стихи, родителям, учителям и знакомым тех, кто это сделал, да и всем, узнавшим подобную историю, становится весьма неприятно.

Я бы, пожалуй, и не стал рассказывать вам об этом странном случае, если бы случай этот был единичным. Увы, это не так. Попытки литературных заимствований — явление довольно распространенное и даже имеет звучное латинское название — плагиат!

В «Словаре иностранных слов» против слова «плагиат» мы можем прочесть сначала весьма мягкое — «выдача чужого произведения за собственное», затем более суровое — «присвоение чужого авторства», и, наконец, хлесткое и жесткое — «литературное воровство».

Однако в этом довольно емком толковании плагиата отсутствует одно весьма характерное его свойство — это обман, который обязательно откроется, будет разоблачен. Обязательно! На сто процентов! Либо сотрудниками журнала или газеты, либо читателями.

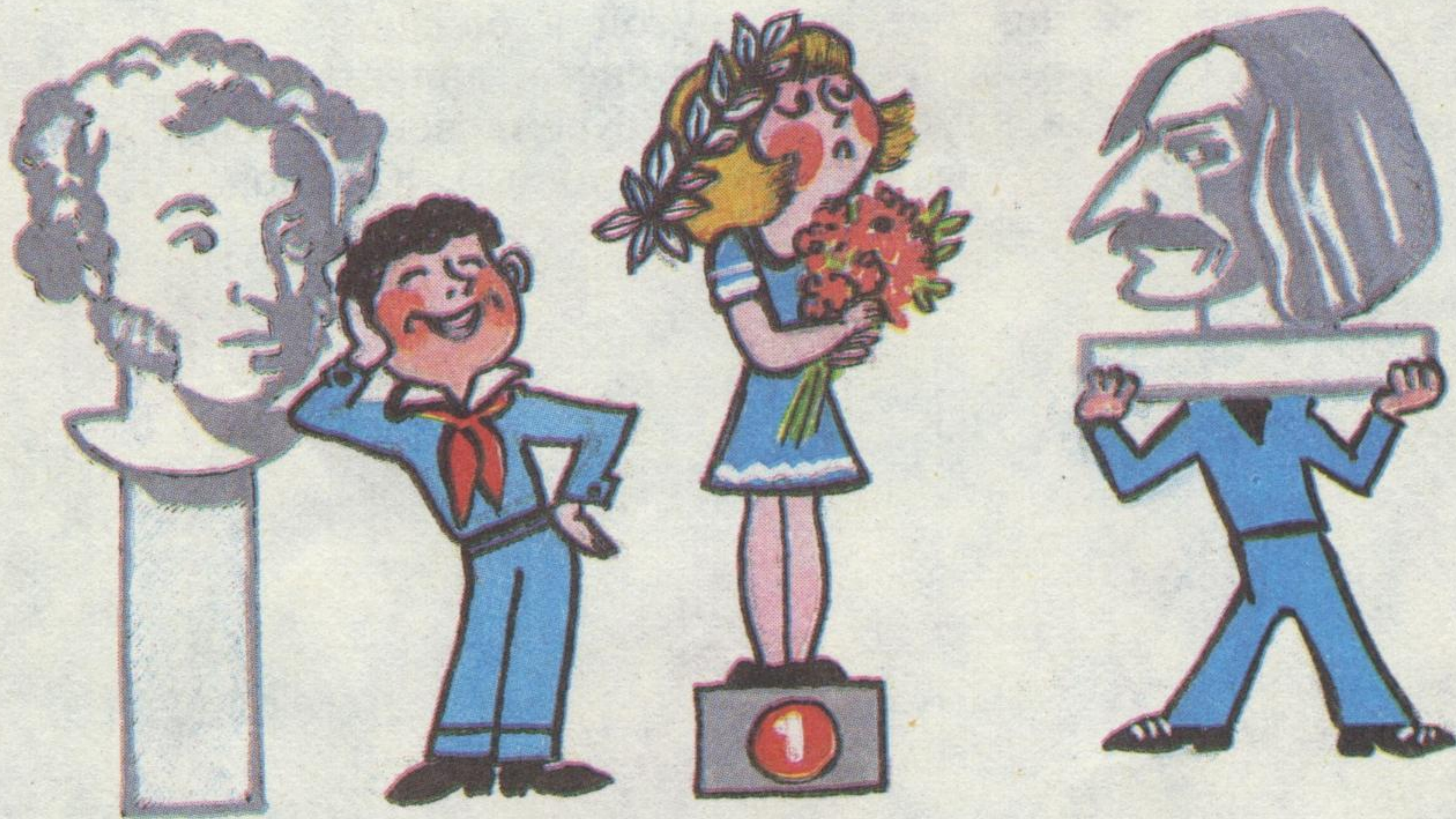
Самое же обидное, что после каждого такого случая начинаешь с легким сомнением воспринимать все более или менее сносные стихи, присылаемые в редакцию, — вдруг обман?!

Но вот однажды мы опубликовали небольшое стихотворение, которое прислал один мальчик. А оно оказалось из неведомой нам книжки-раскраски. И, конечно, тут же его прочли люди, у которых была эта книжка. Прочли и прислали нам укоризненное письмо.

Мы понимаем, насколько может иногда увлечь желание славы. Еще бы, ты напечатан — и ты в центре внимания, о тебе говорят, тебя хвалят, в пример приводят. И это прекрасно, когда слава добыта честным трудом, помноженным на талант.

Но слава, добытая подлогом, плагиатом, — некрасива, быстротечна и, в конечном итоге, бесславна.

В. ЛЕЙКИН

В нашем журнале, на страницах которого часто появляются стихи ребят, не так давно было опубликовано стихотворение пятиклассницы Инны Г. «Январь». Скромное, милое стихотворение.

И вдруг произошло нечто совершенно неожиданное: в течение месяца в газету пришло три письма, в которых было то же самое стихотворение. При этом авторы писем, две девочки и один мальчик, про-

ли двух девочек и одного мальчика, претендующих на незаслуженное авторство, но как-то жалко их. Тем более что в редакционном письме им все объяснили, и будем надеяться, что мнимые авторы кое-что поняли.

Но продолжим наше, к сожалению, вполне допустимое предположение. Журнал печатает эти стихи и тут же получает письма от тех, кто уже раньше прочел их.

Марк ВЕЙЦМАН

КАВКАЗ

Все горы да горы, да горы,
и каждая — тайну таит.
Кавказ — как учебник,

который

еще одолеть предстоит.

И все в нем настолько в новинку,
что кругом идет голова.

Прекрасны цветные картинки,
но так непонятны слова!

ДЕВОЧКА ИЗ ГОРНОГО АУЛА

Шерстяную кофточку вязала,
на плече несла кувшин тяжелый
и в прищельца странного вонзала
взгляд свой любопытный и веселый.

Рыжего ягненка обнимала,
юбкою цветастой шелестела,
что я говорил, не понимала,
а быть может, слушать не хотела.

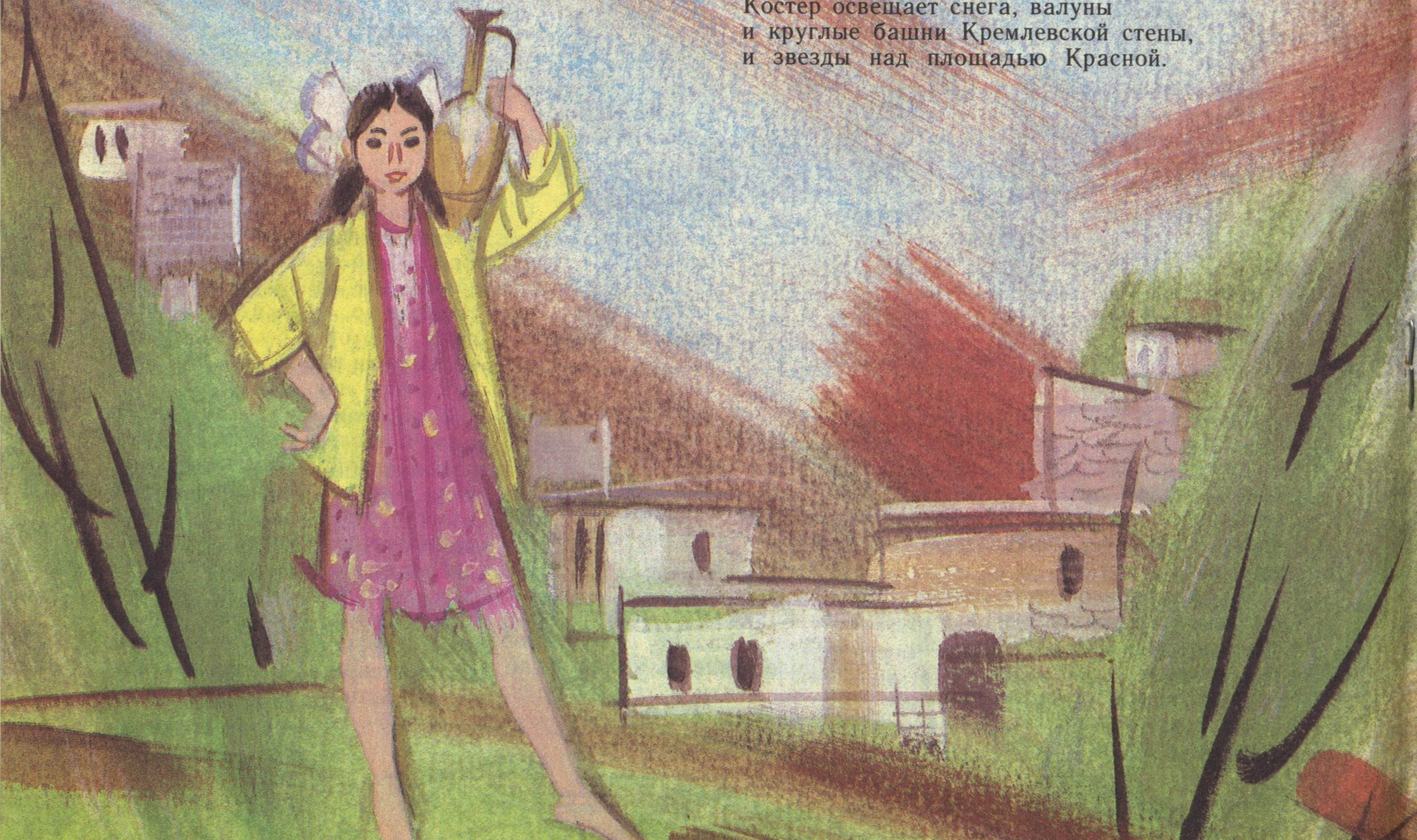
На подносе вынесла, смущаясь,
сыр и кукурузную лепешку.
И пожал я бережно, прощаясь,
жесткую и теплую ладошку.

КОСТЕР В ГОРАХ

Рахаев Батыр не слюнтяй и не трус,
но вряд ли бы снова полез на Эльбрус,
когда б не столичные гости.
Он крепко запомнил коварный ледник
и галок альпийских пронзительный крик,
и ветер, визжащий от злости.

Но гости хотят, — значит, надо идти,
отец — впереди, а Батыр — позади,
приезжие люди — меж ними.
Им трудно дышать на такой высоте,
но пики на Главном Кавказском хребте
они называют родными.

Они приглашают Батыра в Москву —
и он уже грезит о ней наяву
над бездной крутой и опасной.
Костер освещает снега, валуны
и круглые башни Кремлевской стены,
и звезды над площадью Красной.

ЧЕРНЫЙ АЛЬПИНИСТ

Над ущельем ветра вой
переходит в свист.
Словно тень, скользит за мной
Черный Альпинист.
Холодны его глаза,
а во тьме горят.
На него глядеть нельзя,
горцы говорят.

Так ведь я и не гляжу,
вежливо молчу,
к перевалу путь держу
и рюкзак тащу.

Словно замерший прибор,
встали валуны.
Я не знаю за собой
никакой вины...

Над ущельем ветра свист
переходит в стон.
Входит Черный Альпинист
в мой тревожный сон.

А преследовать меня
вроде ни к чему,
я ведь зла не причинял
вроде никому,

пред родною стороною
и друзьями чист...
Что же ходишь ты за мной,
Черный Альпинист?

Безотраден, как закат,
среди нагих камней,
одинокий, бедный брат
совести моей.

Черный Альпинист — герой легенды,
родившейся в горах Кавказа.

Живет Черный Альпинист среди
скал. Следует за путниками. Хорошим
людям помогает, бесчестных — сбрасывает
в пропасть. Не любит, когда его замечают.
Поэтому, если идешь по горной тропе,
лучше не оглядываться.

ПЕС

Пса бродячего приятно
угостить или погладить,
приманить его нетрудно,
а попробуйте отвадить —
да еще когда он с вами
весь поход прошел бок о бок,
поднимаясь к перевалам
по спиралям узких тропок,
и о грозах предстоящих
извещал тревожным лаем,
а ведь время-то приходит
расставаться с горным краем.
И тогда с притворным гневом
прогоняешь прочь его ты,
потому что не пускают
псов бродячих в самолеты,
и в глаза тебе глядит он
человечьими глазами,
и скулит, и даже плачет
настоящими слезами,
никого не осуждает
и смиряется с судьбою,
лишь понять не может, чем же
виноват перед тобою...

Рисунок А. Борисенко

В этом году русская православная церковь отмечает тысячелетие принятия Русью христианства.

Что знаменует собой эта дата? Каково ее значение в истории развития нашего государства?

На эти и другие вопросы нашего корреспондента отвечает доктор философских наук Николай Семенович Гордиенко, автор книги «Крещение Руси»: факты против легенд и мифов».

Корреспондент. Николай Семенович, почему в названии вашей книги выражение «крещение Руси» взято в кавычки?

Гордиенко. То, что произошло в Киеве в 988 году по повелению князя Владимира, можно назвать крещением киевлян, а еще точнее — принятием Русью христианства в качестве официальной идеологии. А Русь, то есть восточно-славянские племена и княжества еще долго поклонялись языческим богам — Перуну, Дажьбогу... Верования в русалок, леших, домовых, водяных благополучно жили до девятнадцатого века. Помнили люди и языческих жрецов — волхвов. Эти персонажи живут в произведениях Пушкина, Гоголя. Они не требовали объяснений, перевода.

И сейчас — это любимые герои народных сказок.

Корреспондент. Итак, языческая Русь становится христианской... Зачем? И почему в своем выборе князь Владимир остановился именно — на православном христианстве?

Гордиенко. В те времена Владимир мог выбирать только между мусульманством — то есть верой в аллаха и христианством. Мусульманские центры находились далеко от сферы внешнеполитических интересов киевского княжества. В таком случае Русь оставалась одна в окружении христианских государств.

Но и в христианстве было два крупных течения — католицизм и православие. Глава католической церкви — папа римский — требовал полного подчинения себе королей и императоров. А византийский православный патриарх был всего лишь высшим церковным чиновником при дворе Константинопольского императора. С Византией у Руси были давние связи — через Киевскую Русь пролегал «путь из варяг в греки», среди киевских бояр и дружинников к тому времени было немало людей, принявших христианство.

И дату крещения, говоря современным языком, князь

выбрал в очень благоприятной внешнеполитической обстановке. В это время Византию потрясло мощное восстание. Империя нуждалась в помощи могущественного соседа — князя киевского. В благодарность за военную поддержку Владимиру было обещано содействие церкви в крещении киевлян, а сестра императора — становилась женой князя.

Хочу заметить, что поначалу Владимир пытался создать церковь на основе языческих верований, даже, как пишут летописи, «поставил за теремным двором кумиры — Перуна с серебряной головой и золотыми усами, Хорста, Дажьбога... И приносили им жертвы и называли богами». Но вскоре он понял, что для укрепления единой власти князя нужна и религия единобожия. В Древней Руси зарождались новые — феодальные отношения. Принятие новой религии дало мощный толчок развитию этих отношений. Такая религия идеологически закрепляла власть князя, проповедуя послушание, смирение.

Корреспондент. Пока мы говорили о социальном и политическом значении введения на Русь христианства. А каково влияние новой религии на культуру русского народа?

Гордиенко. Конечно, появление церкви вызвало к жизни появление новых ремесел и видов искусства. Вначале с помощью византийских мастеров, а затем и самостоятельно были сооружены каменные храмы, созданы первые фрески, мозаичные панно. Введение великого поста, когда верующим не разрешалось есть мясную пищу, послужило развитию огородничества, выращиванию овощей, которые почти не водились до того на русском столе. Появились книги. Создавались первые библиотеки. Развивалось искусство живописи. Появилось духовное пение. Во всем этом русские мастера, живописцы, композиторы достигли удивительных высот!

Но я не могу согласиться с утверждением церкви, что до принятия христианства русский народ был темен и безграмотен. Русские мастера умели изготавливать сталь... Я не оговорился — сталь, а не только железо. Курганские находки говорят о высоком развитии других ремесел. Но беда в том, что мы неплохо знаем, что дала в этом смысле нам церковь, но еще мало — о доцерковном периоде — особенно тщательно служители христианства боролись с проявлениями язычества именно в искусстве!

Вся культура была пронизана требованиями следовать церковным канонам — установлениям. Преследовалась церковью и народный театр, скоморошество, не развивалась инструментальная музыка.

А главное — те, кто насаждал христианство, вовсе не собирались поощрять развитие живописи, музыки, внедрять новые культуры в земледелии, развивать архитектуру и строительное дело. Все это было побочным результатом утверждения христианства.

Корреспондент. И все-таки историки говорят о прогрессивной роли новой религии. В чем же она заключалась, если говорить коротко?

Гордиенко. Короче, чем в школьных учебниках истории,

не скажешь. Христианство было прогрессивно ровно в той мере, в какой в то время был прогрессивен феодализм. В своих учениях оно полнее отражало мир, чем язычество, — не только природу, но и социальные, классовые отношения, государство... Это было тоже фантастическое, искаженное отражение действительности, но, повторю еще раз, несомненно, полнее.

Нужно четко представлять, что прогрессивная роль христианства, как и любой другой религии, исторически ограничена. И прогресс прекращается тогда, когда в обществе зарождаются новые капиталистические отношения.

Не секрет, что в послепетровскую эпоху ни один служитель официальной церкви не осудил рабство — крепостничество. Более того — церковь всячески противодействовала отмене крепостного права в России, поддерживала телесные наказания, бесправие женщин... Духовная цензура душила прогрессивную мысль, не допускала издания научных и общественных трудов, которые могли хоть как-то поколебать учения церкви. Примеров тому немало. В начале века в России не было ни одного интеллигентного человека, который бы не осудил предание церковному проклятию Льва Николаевича Толстого!

Корреспондент. Наши читатели интересуются современным положением церкви, и не только православной. Что практически означает отделение церкви от государства?

Гордиенко. Отделение церкви от государства привело к тому, что вероисповедание стало делом совести каждого. Ведь до революции церковь выполняла множество государственных функций: заключение и расторжение браков, регистрация новорожденных. Без церковного освящения нельзя было построить дом, вырыть колодец, заключить сделку. Сейчас этих обязанностей у церкви нет — они переданы государству.

Православная церковь суме-

ла приспособиться к новым для нее условиям.

Мы ведь уже говорили, что, веками борясь с язычеством, церковь тем не менее не смогла его искоренить полностью. Вынужденное принимать во внимание силу народных верований, православное христианство даже ввело в церковный обряд многие языческие праздники — масленицу, например. А скольким святым русское православие переделало имена, сделало их ответственными за те земные дела, которыми раньше «ведали» языческие боги! Так римского императора Диоклетиана Георгия Победоносца, жившего в третьем веке, народная фантазия сделала «святым Егорием», покровителем скотоводства, земледелия и охоты. Да и сам Иисус Христос стал «Спасом-покровителем», который, по мнению русских христиан, заботился не столько о спасении души, сколько о житейских делах прихожан. У «Спаса-заступника» искали поддержку в трудную минуту... Праздники, посвященные Христу на Руси, отмечались не как дань событиям земной жизни «сына божия», а как повод просить благополучия для верующих, не скупящихся на жертвы ему, — и свечку надобно поставить, и деньги на обновление храма, то есть дома, где обитает бог, внести... Типично языческое обращение с божеством: ты — мне, я — тебе.

Так менялись суровые поначалу догматы религии под влиянием народных верований.

Хочу особенно подчеркнуть, что право исповедовать любую религию — есть одно из прав советского гражданина, закрепленное Конституцией СССР.

Православная церковь сегодня активно участвует в самом массовом международном движении — борьбе за мир и разоружение. И к этой ее роли в нашем современном обществе даже самые убежденные атеисты относятся с пониманием и уважением, потому что это совпадает с интересами всего нашего народа.

Вел беседу Л. БОГАЧУК

ДОРОГА К СКАЗКЕ

Жили-были в литературном клубе Московского Дворца пионеров юные поэты — Маша Берман, Алеша Задорожный, Света Чесновицкая, Дима Литвинов, Наташа Дубсон и Тимка Князев. Однажды решили они отправиться в фольклорную экспедицию — песни да сказки собирать по селам.

Меня назначили научным руководителем экспедиции.

И повела нас дорога в Вологодскую область, в далекую северную Русь.

С поезда на катер пересели, потом пешком добрались до села Аристово и поселились в школе, что стоит на крутом берегу Северной Двины. Вокруг даль неоглядная. На сто верст вперед видно.

Постепенно налаживается наша походная жизнь. Завхоз хозяйством заведует. Завпит на кухне распоряжается. Я в их дела не вмешиваюсь. У меня свои обязанности.

— Наталья Владимировна, что на ужин готовить?

— Со Светой посоветуйся.

— Можно, я завтра в Павшино пойду?

— С командиром говори.

С каждым днем самостоятельнее, выносливей становится отряд.

Из записей Маши в отрядном дневнике:

«...Взрослые часто не доверяют нам серьезных дел. А потом говорят: «Ничего не умеете делать и не хотите». В экспедиции мы выполняли задания научных институтов. Институт русского языка дал нам задание по диалектологии, кафедра фольклора Московского государственного университета — по демонологии, то есть собрать сведения, сказки, по-

верья о русалках, домовых. И мы, кажется, справляемся с работой. Но в экспедиции приходится заниматься не только этим.

Вот сказали мне: «Завтра ты дежуришь». Пришлось срочно узнавать, как варить кашу. Не оставлять же отряд без завтрака. Представляю, как удивится мама, когда спросит, что приготовить поесть, а я отвечу: «Сама сварю».

ПОД ДОЖДЕМ В ПОГОРЕЛОВО

Ночью лил дождь. Дорога стала вязкой. Шли молча, сосредоточенно выбирая, куда можно ступить.

Два раза останавливалась, ломалась наша цепочка: сперва Дима в луже растянулся, потом Тимка из сапога воду выливал. Но снова вытягивалась струной и упорно шла вперед. Наконец, сквозь сетку дождя проступили темные домики.

...Двери домов распахнуты. Окна раскрыты. Растерянные, бредем вдоль улицы, а деревня, словно пустыня безжизненная. Вдруг занавески увидели на окне одного дома и хоженую тропинку, что вела к крыльцу. Бросились с надеждой к калитке. На крыльцо толстый дядька в майке вышел, встал перед дверью.

— В деревне нет никого, — сказал. — Уехали все. Кто жить-то здесь будет? Хлеб, и то не каждую неделю в магазин привозили. И мы в город переехали. А сюда на лето приезжаем. Дача здесь у нас.

И мы уныло побрели назад, мимо заброшенных, осиротевших, сгорбившихся домов.

— Эй, стойте! — кричит дачник. — Вы в тот конец пойдите.

Там живет еще старушка, бабка Маня. Может, она что расскажет.

Дом бабы Мани стоит на самом краю деревни. Одними окнами в лес смотрит, другими — в поле. Покосившийся забор, разрушенное крыльцо, тропинка к дому едва заметная... Жива ли еще эта баба Маня?

Но дверь распахнулась, и на пороге появилась старушка.

— Ой, гостей-то сколько! Ну, в дом заходите! — будто и не удивилась нашему приходу. — А сказки-то я, детушки мои, позабыла. И песни давно не пою. Какие теперь песни? До огорода едва дохожу. Прялку еще кручу. Но прясть не пряду. Один глаз плохо видит, другой совсем ослеп. Так кручу, чтобы хоть какое движение живое было...

Весь обратный путь хлестал дождь. И казалась та же дорога в два раза длиннее. Не только от холода, дождя и усталости был тяжел обратный путь, но и от какой-то непонятной вины перед забытой всеми бабой Маней.

СКАЗКА ДЕДУШКИ ЗОСИМЫ

Дед Зосима сидел на верхней ступеньке крыльца и разглаживал на коленке заготовленную для корзины бересту. Дима пристроился с блокнотом ступенькой ниже. Слушает.

— Расскажу тебе сказочку. Правду, значит, про жизнь нашу.

— Да разве сказка — это правда? Это же выдумка!

— Выдумывать, сынок, некогда было, да и незачем. Нам и без этого есть что рассказать. Сказочка значит — сказанная правда. Раньше по всей округе росли у нас звонкие сосны...

— Почему звонкие?

— Потому, что ветер дул и, словно серебряные, звенели их иголки, а высокие стволы гудели. Люди слушали и подпевали певучим соснам, все — и малые, и старые, и мужики, и бабы. И за эти сосновые песни называли нашу деревню Пенне.

Да война пришла. Вместо песен вдовый вой да плач стоял в деревне. А как люди петь перестали, так и сосны замолчали. А вскоре падать начали. Не вынесли они горя людского. Лишь три самые стойкие до Победы дожили. Видишь, стоят, да никто не слышит теперь их песен.

Так вот сказочка моя о чем. Все вокруг единой жизнью живет, все одним миром. Люди, деревья, реки... Замолчали люди, и деревьям не до песен. Обезлюдела деревня — сосны пали.

Из записей Димы в отрядном дневнике:

«...Слушая деда Зосиму, я понял: лишь когда люди перестанут разрушать старые дома, вырубать старые парки, а будут восстанавливать их, записывать и сохранять древние сказки и песни, тогда и людей старых не смогут оставить, забыть».

СТЕПАНОВНА

— Девочка, кого ищешь? — словно из-под земли выросла старушка.

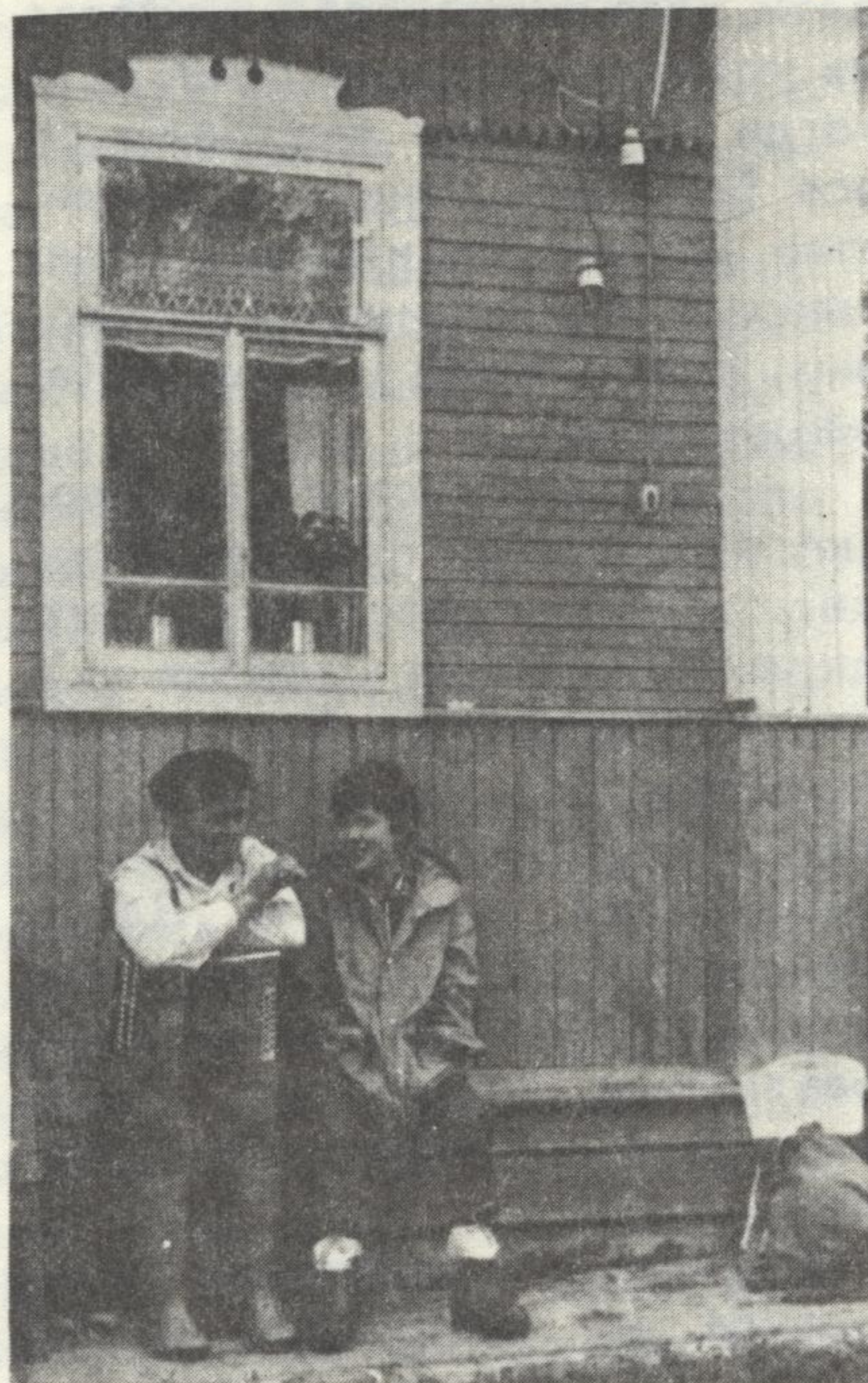
— Я за песнями пришла. Скажите, пожалуйста, кто у вас тут старые песни знает?

— Спросила б не меня, люди добрые сказали б: «Степановна». И ко мне послали. Пойдем, я тебе песен напою, спляшу и сыграю. А больше петь некому. Это раньше в каждом доме певуны были. Теперь-то в деревне все молча делают. Только я все пою. Без песни совсем одна останешься. Может, снова наши песни вспомнят, запоют? И опять веселье по деревне пойдет. Будешь песни наши петь?

Света молчит, сидит за столом, пьет чай из чашки. А Степановна звонко из блюда отхлебывает.

— Плясать-то давно не плясала. Ноги болят. Видно, много лет на свете живу. Семьдесят, а может, больше. Но тебе спляшу. Жди-ка.

И вот поспешно скрылась за тряпичной занавеской, чтобы появиться в раскрашенных, пестрых лаптях. Развела руки, приплясывая, пошла по избе.

Стой, мой милый хоровод,
Стой, не расходись!
Как во этом хороводе
Скакала, плясала.

Вдруг на стул тяжело опустилась, вздохнула.

— Жаль, плясать трудно стало. А лапти-то сама плела и расписывала. Ни у кого в деревне таких ярких да разудалых не было.

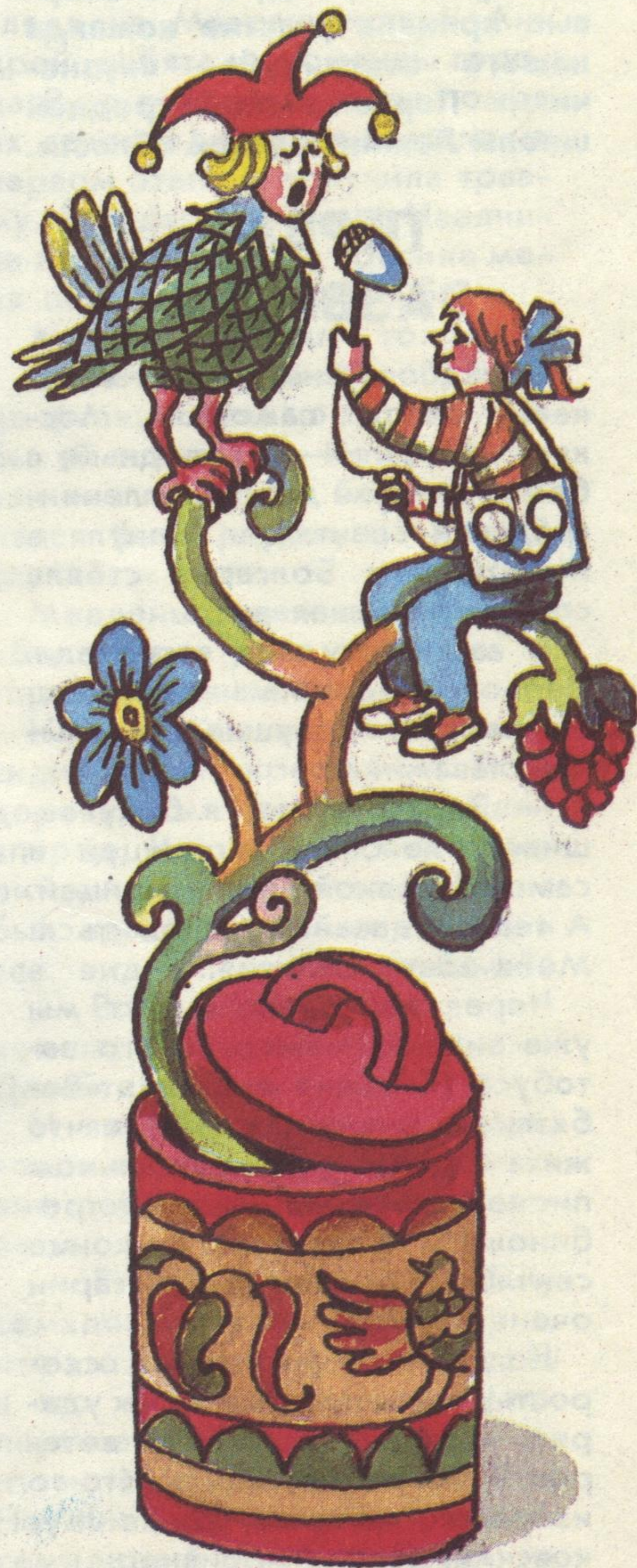
Потом нагнулась, лапти сняла и гостье протянула.

— Возьми себе. Мне-то не плясать в них больше, а ты песни мои пой и пляши. Мне спокойней доживать будет.

Затем вышла проводить Свету до калитки и долго на дорогу смотрела. Девочку уже давно и видно не было, а старая женщина все стояла, стояла и о чем-то думала...

Н. ДАВЫДОВА

Оформление В. Шаронова

ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ „КУЗНЕЧИК“

«Шесть ястребят» и «Юный олимпиец» — так называются детские легкоатлетические соревнования, которые проводятся в Болгарии.

С 1983 года эти соревнования стали международными.

В прошлом году в них впервые приняла участие команда нашего спортклуба — «кузнечики» Первомайской средней школы Ленинградской области.

ПЕРВАЯ РАЗВЕДКА

Поезд «Ленинград — Москва», потом самолет «Москва — София» — и холодный, с бесконечными дождями ленинградский сентябрь канул в небытие — в Болгарии стояла сорокаградусная жара.

В аэропорту нас встречали. Первой подошла невысокая, симпатичная девушка с веселыми глазами:

— Здравствуйте, я буду вашим гидом, переводчицей и самой главной болельщицей. А теперь давайте знакомиться. Меня зовут Сильвия...

Через несколько минут мы уже знали и номер своего автобуса (Сильвия сказала: «Ребята, это очень важно!»), и что жить будем в Национальном пионерском комплексе «Ястребино». И что такая жара в конце сентября бывает в Болгарии очень редко.

Когда автобус набрал скорость, и в открытые окна ударил летящий навстречу ветерок, стало легче дышать. Кто-то из ребят, кажется, Дима Жуковский, весело произнес:

— Ничего, перезимуем. И вот мы в «Ястребино».

«Ястребино» — это небольшое старинное село, белые, увитые виноградными лозами домики среди садов и огородов, и — рядом с ними — из стекла и бетона — Национальный пионерский комплекс, где для ребят построены учебные и жилые корпуса, здания театра и музея, стадион, игровые и спортивные площадки.

А еще — это живая история. Боль и память народа о своих юных героях.

Декабрь 1943 года. В село Ястребино входят каратели. Они требуют, чтобы жители села им сказали, где партизаны. Но все молчат. Молчат даже дети, хотя знают, где находятся их отцы и старшие братья. И тогда загремели выстрелы. И вся Болгария узнала о мужестве Ценки Димитровой, Цветанки и Димитринки Стоичковых, Ивана, Нади и Стойне Калайджийских.

— Строительство пионерского комплекса продолжалось десять лет, — рассказывал его директор Стойчо Стойчев. — У нас его называют болгарским Артеком. Так же, как и в Артек, сюда приезжают лучшие пионерские активисты. Здесь они учатся вести и планировать пионерскую работу, выполняют различные поручения, занимаются в кружках по интересам.

Встреча с директором комплекса и посещение музея

«Шесть ястребят» — единственные на весь день мероприятия. Все остальное время — отдых после перелетов и переездов, знакомство с будущими соперниками, обмен сувенирами, совместные прогулки и тренировки.

За окнами наших комнат, на главной площади «Ястребино», на высоких мачтах — флаги Болгарии, Венгрии, Чехословакии и СССР.

Вечером, после ужина, капитан команды Ира Чепурнова делится первыми впечатлениями:

— Венгров и чехов видели?

— Видел, а что?

— К этим соревнованиям они все лето готовились, тренировались, а мы все лето совхозу помогали, то на прополке, то на уборке.

— И правильно делали.

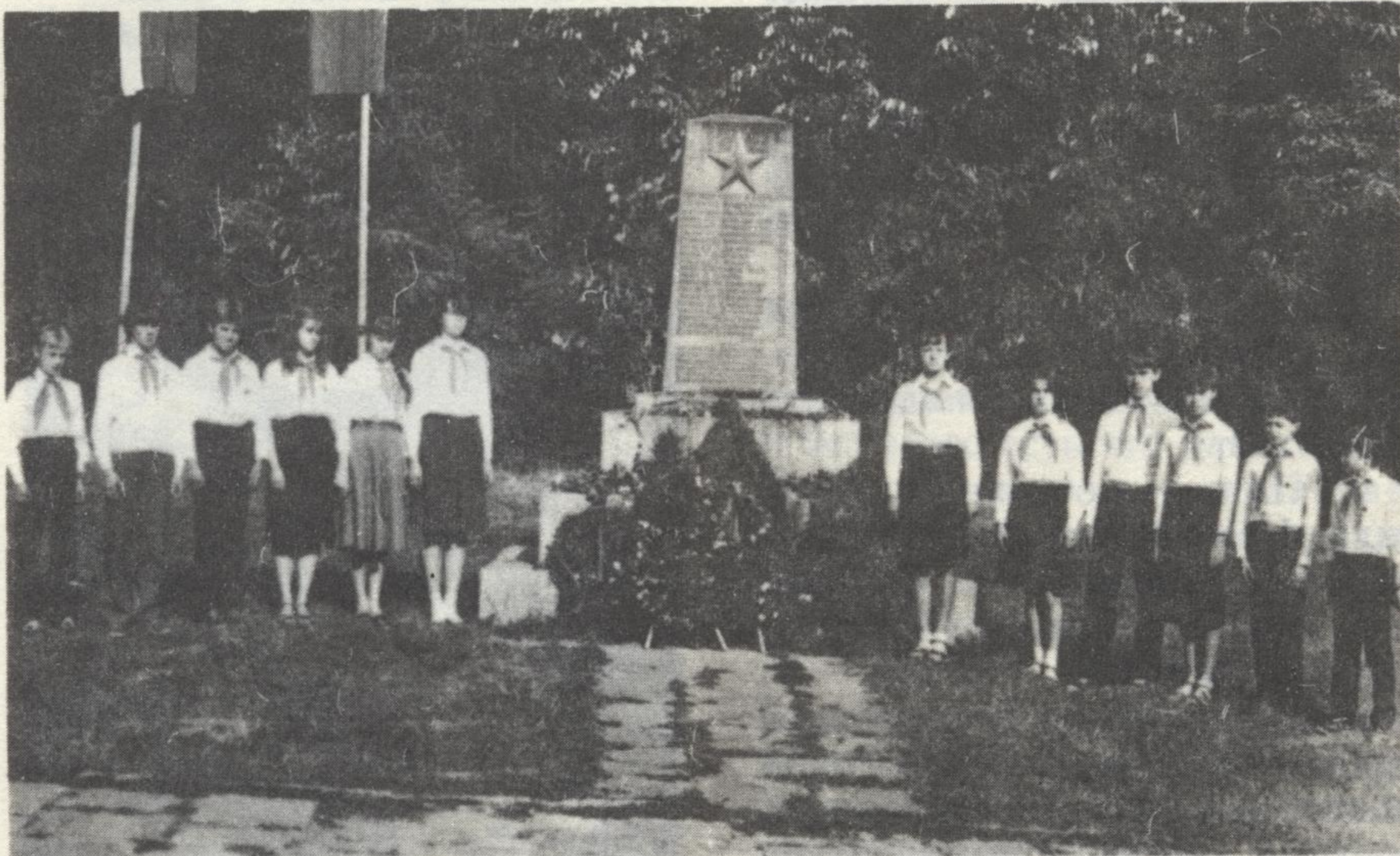
— Что правильно? Они даже ростом нас на две головы выше...

— Что же ты предлагаешь?

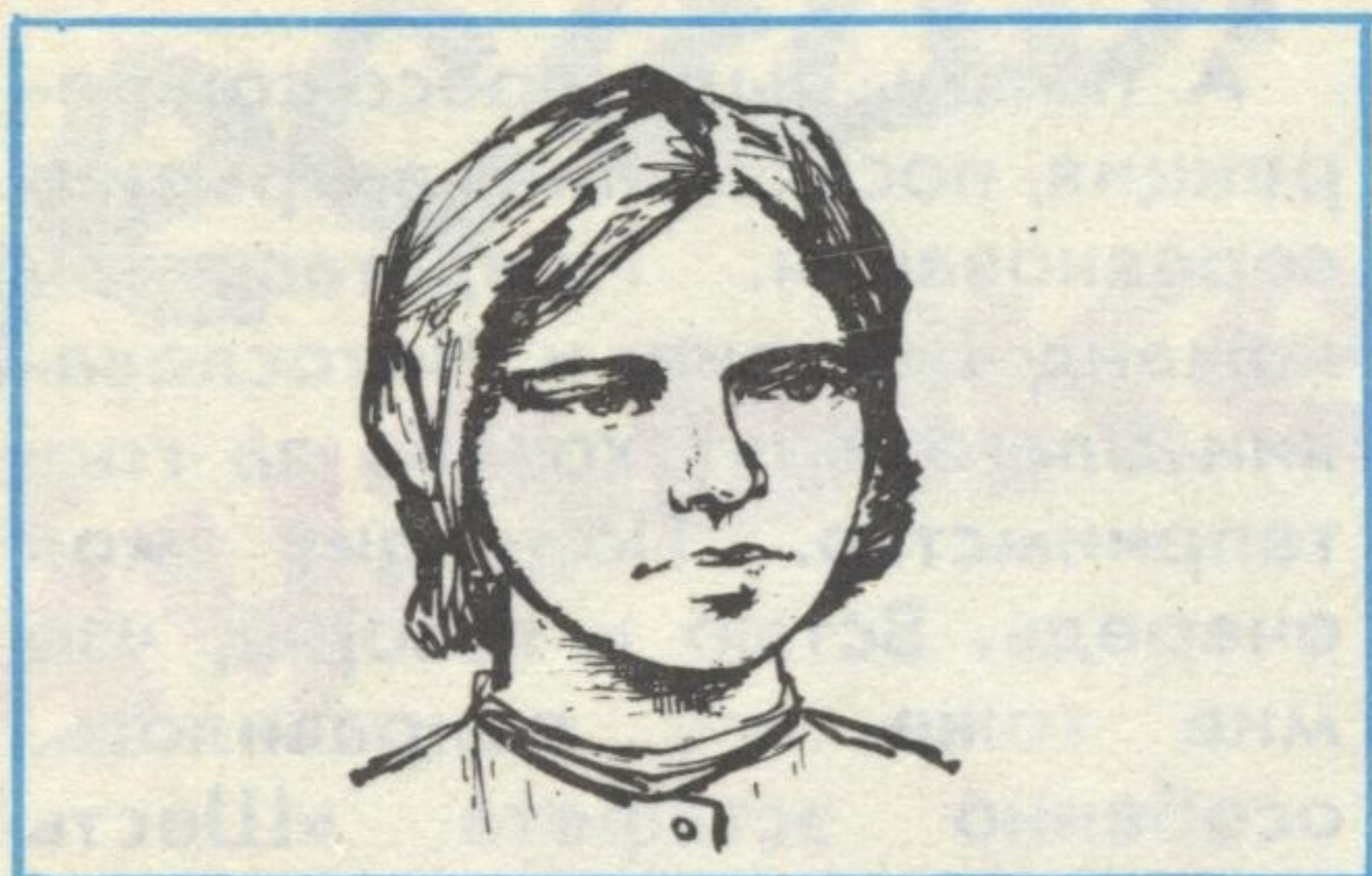
— Не знаю. Только все ребята расстроились. И Валентина Ивановна тоже...

Сообщение Иры для меня не новость. И, конечно, надо что-то придумать, чтобы мальчишки и девчонки не волновались. Но что? Перед отбоем решил откровенно поговорить. Сказать, что Совет спортклуба не ждет от них побед, и что их участие в соревнованиях — это только разведка.

Выхожу в коридор, стучу в одну дверь, в другую — ни

«Кузнечики» у памятника погибшим героям

Димитринка Стоичкова

Ценка Димитрова

Цветанка Димитрова

Иван Калайджийский

Надя Калайджийская

СТРАНИЦА НА МАЛКИЯ
СТОЙНЕ ПЕТРОВ КАЛАЙДЖИЙСКИ
/18.III.1936 - 19.XII.1943/, ОТ КОЙТО НЕ Е
ОСТАНАЛА ДОРИ СНИМКА

ответа, ни привета. Заглядываю в комнаты и ничего не понимаю: все двенадцать «кузнечиков» куда-то исчезли вместе с Валентиной Ивановной.

Через полчаса появляются: потные, возбужденные, взъерошенные.

— Вы где были?

— На тренировке.

— Но ведь на улице давно темно. Какая в темноте тренировка?

— Не волнуйтесь, все нормально. Дистанцию эстафеты мы еще днем раз пять пробежали. И теперь можем бежать с закрытыми глазами.

— Ладно, спокойной ночи.

Поворачиваюсь, ухожу к себе. Думаю: что же получается? Уговаривают не волноваться — отлично. Все понимают и не сдаются — это тоже отлично. Но может ли обыкновенная команда сельской школы, не лучшая и не худшая среди участников всесоюзного конкурса «Костра» вести спор с сильнейшими командами Венгрии, Болгарии, Чехословакии?

На следующий день два неразлучных приятеля Вова Ларьков и Дима Жуковский перед самым началом соревнований ответили на этот вопрос так: «Если повезет, может...»

Эстафета «Шесть ястребят». Она проходит по главной улице Ястребино. Сперва проходит мимо домов, где жили юные герои, потом — мимо

школы, в которой они учились, и заканчивается на окраине села, у памятника погибшим.

На старт вышли 27 команд. В каждой команде по 6 человек — два мальчика и четыре девочки. Первый номер нашей команды — Андрей Малевинский. И мы на него здорово надеялись. Но с ним произошло нечто непонятное. Когда по команде судьи все бегуны устремились вперед, Андрей остался на месте. А потом, когда бросился в погоню и на середине дистанции догнал одну из соперниц, снова почему-то притормозил. Короче, свой этап он закончил предпоследним. И как потом ни старались Наташа Субботина, Дима Жуковский, Ира Белканова, Оля Новикова и Ира Чепурнова, упущенного было не вернуть. Команда показала только девятый результат.

Опустив голову, Андрей стоял и слушал, как его ругают.

— Стойте! Не горячитесь! — вмешалась Сильвия. — Это я виновата, забыла предупредить. Он ждал команду «марш!» по-русски, а команду дали по-болгарски. Поэтому так и получилось.

Подобное объяснение было для всех неожиданным. Мы-то думали, что все предусмотрели, но о самом главном забыли. И значит, любой из нас, окажись он на месте Андрея, так же бы растерялся в момент старта.

— Но это не все, — продолжила Сильвия, внимательно глядя на Малевинского. — Андрей, ребята из команды города Русе говорят, что ты помог их девочке, которая бежала на первом этапе и получила травму. Эту девочку зовут Ивелинка Методиева. Она просила меня передать тебе спасибо.

Андрей поднял голову.

— Нет, она сама добежала до финиша. Она не хотела, чтобы ей помогали. Но я видел, как она плачет от боли, и старался быть рядом, на всякий случай.

Медленно идем по селу. До обеда еще уйма времени и торопиться нам некуда.

На скамейке возле магазина сидит старый крестьянин. Поздоровались. Немного прошли вперед. Костя Воробьев говорит: «А что, если этот дедушка был здесь во время войны и все видел своими глазами?»

— Все может быть, — ответила Валентина Ивановна. — Давайте узнаем.

И вот мы сидим на траве, возле этого дедушки, а Сильвия переводит вопросы и ответы.

— Его зовут Петр Буков. Ему семьдесят лет. Он говорит, что это был самый черный день в его жизни. Каратели искали партизан. Они думали, дети испугаются и скажут, как их найти. Но никто не испугался. Даже семилетний Стойне. Когда их

расстреливали, Стойне держал в руке маленький мячик. Их расстреляли на той самой поляне, где сейчас стоит памятник. Там же закопали, а ночью увезли в другое место и сожгли. Дедушка Буков спрашивает, были ли вы в музее. Если были, то, наверное, заметили, что там нет фотографии Стойне. Ее нет потому, что родители не успели сфотографировать своего младшего сына. И теперь только самые старые жители села помнят, каким был этот мальчик. Дедушка говорит, что желает вам и вашим родителям счастья в жизни и хочет каждому из вас пожать руку.

А на обед мы все-таки опоздали. Но мы опоздали не потому, что слушали рассказ дедушки Букова, а потому, что искали Ивелинку. Хотели узнать, как ее самочувствие, давно ли занимается спортом.

Но Ивелинки мы не нашли. Нам сказали, что ее можно будет увидеть только завтра. Их команду поселили в гостинице города Тырговищ, и они уже туда уехали.

Ничего, завтра — так завтра. После соревнований «Юный олимпиец», во время награждения победителей ей будет вручен приз спортклуба «Кузнечик» «За волю к победе».

Ивелинку я разыскал утром на стадионе. Она сидела на ступеньках судейского домика и была очень печальна...

— Много тренировалась, хотела хорошо выступить, а

тут...— Она показывает на забинтованную ногу и тяжело вздыхает. — Доктор сказал, хромоть буду не меньше месяца.

— Но у тебя, наверное, есть и другие любимые занятия?

— Да, у меня их очень много. Увлекаюсь историей. Нравится помогать маме по хозяйству. Учю свою младшую сестру — ей шесть лет, — читать и писать. Нравится ходить на фабрику и работать вместе со взрослыми. Там работают все мальчики и девочки нашего класса.

Тут я увидел, как она смеется.

— Болгарские компоты, джемы, варенье любите?

— Кто же их не любит?

— Тогда знайте, продукцию этой фабрики отправляют во многие страны. И в Советский Союз тоже.

Наконец и на нашей улице праздник. На дистанции 500 метров Наташа Субботина обогнала всех своих соперниц. Со стороны казалось, что все они стоят на месте, а бежит только она — так велико было ее преимущество в скорости.

— Ну, ты, Субботина, даешь! — обращается к Наташе Лена Серова, — стала финишировать за четыреста метров. Разве так можно? Могла не выдержать...

— Победителей не судят. Все можно! — не скрывая радости, говорит Валентина Ивановна.

— Боялась, что обгонят, — оправдывается Наташа.

А потом была пресс-конференция, посвященная закрытию соревнований. Представители команд Венгрии и Чехословакии благодарят хозяев за гостеприимство. Подходит моя очередь. Встаю и говорю, что мне тоже все понравилось, особенно эстафета «Шесть ястребят». И что я завидую человеку, который придумал такую эстафету, и хотел бы с ним познакомиться.

Пресс-конференция закончилась поздно вечером. Выхожу на улицу. Но спать идти не хочется, решаю посидеть на скамейке. Подходит какой-то незнакомый человек. В темноте я не вижу, как он улыбается.

— Простите, вы только что сказали, что мне завидуете. Меня зовут Васил Тошев. Если не возражаете, давайте вместе помечтаем, какими должны быть детские соревнования...

В. ВЕРХОВСКИЙ

ВНИМАНИЕ!

Управление легкой атлетики Государственного комитета СССР по физической культуре и спорту, редакция журнала «Костер» и Совет спортклуба «Кузнечик» приняли решение о проведении всесоюзного конкурса на лучшую школьную команду.

Для участия в конкурсе необходимо провести соревнования по программе СК «Кузнечик» — бег на 60 метров, прыжки в длину и высоту.

В школьную команду входят 6 человек — 3 девочки и 3 мальчика — чемпионы 5-х, 6-х и 7-х классов.

Протоколы соревнований, подписанные учителем физкультуры и заверенные школьной печатью, присылаются в редакцию не позднее 15 октября сего года.

Лучшие школьные команды будут приглашены для участия в X всесоюзных соревнованиях СК «Кузнечик», которые пройдут в Ленинграде в январе 1989 года, во время каникул.

Команда, показавшая в Ленинграде лучший результат, станет кандидатом № 1 для участия в международных соревнованиях 1989 года.

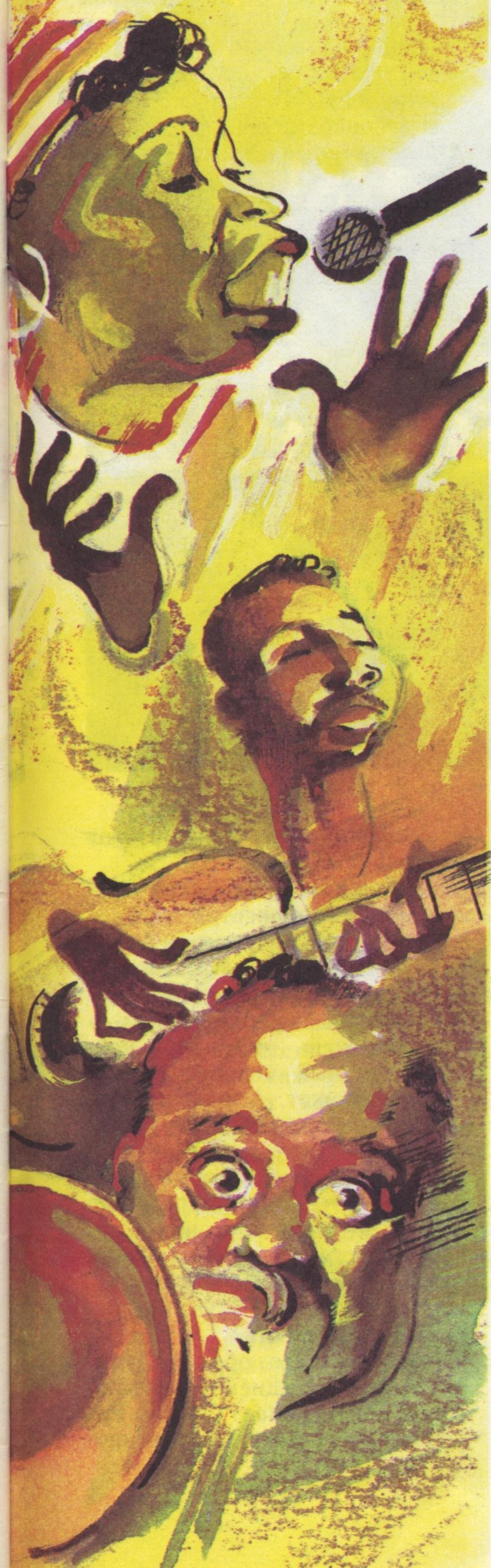
За успешное выступление на международных соревнованиях в Болгарии команда Первомайской средней школы Ленинградской области и тренер команды Валентина Ивановна Карабанова награждены памятными медалями и грамотами Всесоюзного спортклуба «Кузнечик».

Адрес СК «Кузнечик» — 193024, Ленинград, Мытнинская улица, дом № 1/20, редакция журнала «Костер».

В первый же день все подружилось с командой Чехословакии

БЕСЕДЫ О МУЗЫКЕ

Ребята! В своих письмах вы часто просите рассказать о джазе. Сегодня мы постараемся частично выполнить вашу просьбу.

Родиной джаза принято считать Новый Орлеан — крупный портовый город на юге США. Именно там в начале двадцатого века стали образовываться первые джазовые оркестры. Музыкантами были негры. Они почти не знали нотной грамоты и подбирали мелодии на слух. Репертуар был весьма разнообразным — марши, кадрили, вальсы, народные негритянские мелодии. Музыканты из Нового Орлеана еще не знали, что играют джаз, название для новой музыки было придумано значительно позже.

Своими корнями джаз уходит в африканскую музыку, ведь американские негры — потомки африканских рабов, насильственно переселенных на другой континент. В Америке негры познакомились с европейской музыкальной традицией, научились играть на инструментах, завезенных из Старого Света (тромбон, кларнет, гитара), научились говорить по-английски. Возникла новая народная музыка — трудовые песни, религиозные гимны (спиричуэлс), баллады и блюзы.

В двадцатые годы джаз начинают играть уже за пределами США. Весь мир охватывает «джазовая лихорадка». Появляются первые джаз-оркестры и в нашей стране.

Активным пропагандистом джазовой музыки был Леонид Осипович Утесов, удостоенный почетного звания «Народный артист СССР».

Менее чем за сто лет джаз прошел удивительный путь: от бытовой, а потом развлекательной музыки — до серьезного искусства, без которого уже невозможно представить себе культуру двадцатого века.

Когда говорят о классике джаза, неизменно вспоминают прославленных музыкантов: Луиса Армстронга, Дюка Эллингтона, Каунта Бейси, Бенни Гудмена, Диззи Гиллесли,

Чарлза Паркера... Их влияние на развитие джаза огромно.

Мы просто не имеем возможности рассказать в журнале о всех джазовых стилях. Поэтому наш сегодняшний разговор посвящен биг-бенду. А почему, вы поймете, дочитав этот материал до конца.

Биг-бэнд

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Первые биг-бенды появились в конце 20-х — начале 30-х годов. Сначала черные и белые музыканты не выступали вместе. Преодолея расовый барьер кларнетист Бенни Гудмен, пригласив в свой оркестр музыкантов-негров. Благодаря «большим оркестрам» круг любителей джаза значительно расширился. И уже не только знатоки стали прислушиваться к мощному и слаженному звучанию биг-бенда. Для того чтобы лучше понять своеобразие этой музыки, следует обратиться к специальным терминам. Вот некоторые из них:

СВИНГ — это особая ритмическая пульсация. Она основана на постоянных отклонениях ритма от опорных долей, создающих ощущение динамичного «раскачивания» звуковой массы. Но есть и другое значение термина **свинг**. Так стали называть музыку, которую играли биг-бенды. Важнейший ее признак — сочетание сольной импровизации, исполняемой на фоне оркестровых **риффов**.

РИФФ — короткая двух-четырёхтактовая мелодическая фраза, легко запоминающаяся, неоднократно повторяемая группой инструментов во время импровизации солиста. Когда во время концерта начинает играть солист, он обязательно встает или выходит вперед.

ХОРУС — так называется часть музыкальной пьесы, равная по продолжительности основной теме, во время которой солист импровизирует. После того как он отыгрывает **хорус** (или несколько **хорусов**), публика награждает музыканта аплодисментами. Но биг-бэнд

при этом не останавливается и продолжает играть дальше. Использование р и ф ф о в придает музыке эффектность и торжественность. Из истории джаза известно, как темпераментная публика, любящая подзадоривать исполнителей, иногда восклицала: «Не останавливайся! Продолжай! Играй до 2000 года!» Риффовые партии в биг-бенде обычно исполняют духовые инструменты, либо секции саксофонов, тромбонов и труб поочередно, либо все вместе (т у т т и).

можно было бы попробовать, а уж в Кривом Роге...»

Вообще-то, идея создать детский джазовый оркестр пришла к нему совершенно случайно. «Раньше я был преподавателем по классу баяна,— вспоминает он.— В свое время серьезно этим занимался и слыл неплохим баянистом. Но однажды я почувствовал, что не могу себя в этом выразить. И тут помог случай...

Один из преподавателей нашей школы попросил меня позаниматься с его сыном, на-

успешным — биг-бенд получил звание лауреата. Потом было много других концертов — у себя дома, на джазовых фестивалях в Донецке, Ленинграде, Тбилиси, Москве. Сейчас оркестр из Кривого Рога знают многие любители джаза.

Мы сидим с Александром Робертовичем в небольшом учебном классе. Время от времени заходят ребята, берут инструменты и уходят готовиться к оркестровой репетиции. Обыкновенные мальчишки, и не

В наше время джаз стал другим, и мода на биг-бенды прошла. Ну что ж, мода модой, однако для истинных ценителей джаза выступление хорошего биг-бенда — это настоящий праздник.

Джаз из Кривого Рога

Когда Александр Робертович Геббель решил организовать при детской музыкальной школе № 10 джазовый оркестр, к его идее многие отнеслись скептически. «Ничего у вас не получится, только время зря потеряете,— говорили ему авторитетные, знающие люди.— Еще в больших городах, в Москве, в Ленинграде, там

учить его играть на саксофоне. Скажу честно, я не думал о джазе и не ставил перед собой цели научить Олега играть джаз. Однако в процессе обучения пришлось использовать пьесы из джазовых сборников, а мальчик оказался очень способным и через два года прилично стал играть на инструменте. Тогда я решил подобрать ему аккомпанирующий состав, ведь одному играть трудно. Одного из своих учеников я посадил за барабан, другого на бас-гитару. Так постепенно подобрался маленький ансамбль».

Потом ансамбль превратился в оркестр. В 1983 году биг-бенд (большой оркестр) из криворожской музыкальной школы принял участие во взрослом джазовом фестивале в Днепрпетровске. Дебют оказался

подумаешь, что они играют джаз.

— Скажите, как происходит набор в оркестр?

— Честно говоря,— Александр Робертович улыбнулся,— я стараюсь взять к себе озорных, веселых ребят. Джаз — музыка очень эмоциональная, флегматичный человек ее играть не может. А в общем-то, особого отбора нет, я беру практически всех, у кого есть данные. Самых способных не выискиваю. Вот, к примеру, еще совсем недавно у меня в оркестре играл парень с очень слабым чувством ритма.

— Как же так? Музыкант — без чувства ритма?

— А он зато обладал удивительной реакцией и ею многое компенсировал. Он так выучивал программу, что реагиро-

Трубач Паша Соколов

вал буквально на все — на взгляд, на жест...

— Сколько человек в вашем оркестре?

— Сейчас 18. Пятеро трубачей, пятеро саксофонистов, четверо тромбонистов, пианист, бас-гитарист и два барабанщика. Один из них, тот, что постарше, скоро закончит школу и уйдет, поэтому я ему готовлю замену.

— Ребята приходят на репетицию после школы и после занятий по специальности. Они не устают?

— Вы знаете, я иногда сам не пойму, как они все выдерживают. Особенно перед поездками, тут мы занимаемся каждый день. Но им все это очень нравится, понимаете? Им нравится в оркестре. Они все дружат, летом мы вместе в пионерлагере, репетируем там каждый день.

— Возраст ваших ребят — от десяти до четырнадцати. Какие взаимоотношения между старшими и младшими?

— Прекрасные. Старшие помогают, показывают, как лучше сыграть. А еще у нас в оркестре — здоровая конкуренция.

— То есть?

— Ну, например, я даю груп-

пе трубачей разучивать соло. Потом его играет тот, у кого лучше получается. А если уж приходится выбирать, то младшие получают предпочтение. С этим правилом все согласны, нет никаких споров и обид.

— Вы часто ездите на гастроли?

— На гастроли нет. Нас часто приглашают на джазовые фестивали. А вот один раз попали на гастроли, правда, случайно это получилось...

— Не тяжело было?

— Тяжело. Мы поехали на зимние каникулы в Астрахань, и вдруг произошел казус. Я думал — мы дадим один концерт, ребята отдохнут, город посмотрят... И вдруг выясняется, что повсюду развешаны афиши и уже проданы билеты на целую серию концертов. Мы выкрутились, конечно, хотя ребята тогда здорово устали, ведь вместо отдыха им пришлось работать по-настоящему.

Началась репетиция, и я увидел, что они в самом деле работают по-настоящему. Репетиция была долгой, но никто не думал об этом, они азартно, увлеченно отшлифовывали свою программу. Сначала повторяли отдельные фрагменты, останавливаясь, возвращаясь к начальным тактам. Что-то не получилось у ударника. «Давайте повторим, — говорит Александр Робертович. — А вот сейчас, пожалуйста, отдельно пусть сыграют саксофоны. Так. Уже лучше. Еще разок с самого начала! Раз, два...»

Потом оркестр стал играть целые пьесы. Что-то опять не совсем так, как нужно. Александр Робертович строг, придирчив, но в паузах любит пошутить. Все посмеются — и опять за работу. Нормальная, деловая, по-настоящему творческая атмосфера.

Я видел, как барабанщик Валерий Неговора ведет за собой оркестр, поддерживая четкий ритмический рисунок. Рядом стоит его младший коллега Володя Пех и внимательно наблюдает, как играет его

Саксофонист Андрей Дармостук

старший товарищ. А сам при этом весь погружен в ритмическую стихию, будто это он сидит за барабанами. Андрей Дармостук готовится играть сольную партию на саксофоне и следит, когда дирижер даст знак. Вот, пора. Андрей встает и начинает играть — самозабвенно, темпераментно. А все остальные заняты своим делом, и каждый помнит, что он не один, что все — вместе. Потому что они играют в биг-бенде, в настоящем большом оркестре, где от усилий каждого зависит, какой будет их общая МУЗЫКА.

«Знаете, я не ставлю перед собой задачу научить их чему-то сверхсложному, — говорит Александр Робертович. — Я хочу, чтобы каждый из них научился владеть инструментом, чтобы все умели играть музыку. Многие из тех, кто закончил нашу музыкальную школу, стали настоящими музыкантами. И эти ребята тоже будут продолжать заниматься музыкой. И я в них верю. Поэтому и существует наш джазовый оркестр!»

А. ГУНИЦКИЙ

Рисунок А. Старостина

Подарок от вороны

В. ПЕРЕПЕЛКА

Рисунки Н. Куликовой

Бурили мы с Василием Ивановичем скважины на лесной реке. Из глубины отбирали образцы пород, по которым потом геологи и инженеры-проектировщики смогут определить — можно ли здесь строить мост для будущей автомобильной дороги. Листьев еще не было на деревьях, а весеннее солнце хорошо пригревало. С солнцем работает веселее. И сквозь осиновый лес с зеленоватыми стволами видна нам вдаль деревня и совхозные раздольные поля с тракторами, похожими издали на красных гудящих жучков. А в верхушках деревьев вороны галдят и хлопочут.

Василий Иванович, человек крепкий и веселый, — он знатный буровой мастер — никогда не выглядит усталым, хоть и нелегкая работа у буровиков. Внимательно смотрит на крутящийся бур, время от времени трогает и растирает в пальцах глину, выдавленную из глубины. По его лицу кажется, что серьезные мысли одолевают. А он тут же подшучивает надо мной, над своим помощником:

— Нам бы с тобой, Петя, не перестараться, — подмигивает мне лукаво. — А то вылезет бур с другой стороны Земли — международный скандал выйдет!

Я смеюсь его шутке, и он всю заливаюсь. И, думается, откуда у него седина в голове?

А тут еще шланг вырвало под давлением сжатого воздуха — как выстрел из ружья! И с головы до ног окатило жидкой глиной: глаза да зубы только белеют. Глядим друг на друга — хохочем. Вороны от выстрела взмыли черной тучей и солнце заслонили. У нас на площадке даже стало темно.

Василий Иванович губы обтер от глины, кивнул на буровую машину:

— Она ведь тоже знает: в жару и душ не мешает. — И как ни в чем не бывало продолжает со мной наращивать обсадную трубу.

Галдят, надсаживаются вороны. И наконец, оглянувшись на них, Василий Иванович замечает:

— Видно, кормежки много на полях остается — вишь, сколько расплодилось! Лишние твари тоже во вред. — Я верю ему: он родился в деревне, знает.

— А знаешь, что они кричат? — серьезно обращается он ко мне. — Время пришло нам перекусить! — поглядел на ручные часы, к уху приставил. Он всегда так: если на часы посмотрит, то обязательно и послушает.

Часы у Василия Ивановича необычные: вместо цифр на циферблате иероглифы. Из его рассказа я знаю, что их подарили ему в заграничной командировке за хорошую работу.

— Давай, Петя, кипятить чай. А я мыться пойду.

Накачал я паяльную лампу, голубой факел направил на походный чайник и тоже спустился к реке.

Солнышко в воде играет зайчиками по камням, бледные форельки замерли против течения. Хорошо так смотреть и отдыхать!

Василий Иванович, раздевшись по пояс, склонился над водой и тщательно промывает уши.

Вдруг вижу — он что-то заволновался, оглядывается вокруг, взад-вперед зашагал по берегу, в воду заглядывает.

— Ты подшутил? — спрашивает меня с улыбкой.

— Чего? — не понимаю я.

— Часы мои спрятал...

— Что вы! Я подошел только что.

— Вот на большой камень платок постелил, а на нем часы оставил. — Огляделся растерянно и я вокруг, в темную глубину реки заглянул: мало ли, скатились. Нет часов!

Случайно я вверх по деревьям глянул: а над берегом на суку сгорбилась черная здоровенная карга, и в увесистом клюве у нее что-то блестит.

— Василий Иванович! Вот они! — глазами вверх показываю.

— Точно! Они! — он даже подпрыгнул от удивления.

Ворона держала за ремешок часы, крутила стекляшками глаз и как бы раздумывала: а что же с добычей дальше делать? Не медля, Василий Иванович выдрал корневище из обрыва и, полный решимости, руку отвел для броска. Но замер! Подумал и снова глянул на ворону. Упадут часы в воду — вовсе не найдешь. А упадут на камни — встряхнутся. Ведь смысл часов — в точности.

Отбросил Василий Иванович сук с досадой, закричал на ворону, в ладоши захолопал — а она ни с места! Нахалка, да и только!

Смотрю, разувается Василий Иванович, брючный ремень вытаскивает и направляется к вороне. Пристегивает ремень вокруг гладкой осины, обхватывает ствол руками и — заскользил вверх с легкостью мальчишки. Босыми ногами ремень вверх подтягивает и, опираясь ступнями на него, перебирает руками все выше и выше. Мне даже завидно стало, что я такой молодой, а не умею.

Совсем близко он подобрался к вороне: еще немного — и рукой дотянуться можно. Ворона повесила часы на сучок, выжидающе взирала сверху на Василия Ивановича.

— Ученая она, что ли! — кричит мне сверху раскрасневшийся Василий Иванович. И только потянулся, чтоб сук к себе пригнуть и часы снять, ворона как долбанет его клювом в крепкую рабочую ладонь. Василий Иванович дернулся от неожиданности и чуть не сорвался с осины.

— Это ж железный паяльник, а не клюв! — взбесился он. — погоди же. Сверну я тебе его!.. Петя, подай-ка ножовку или топор!

Мигом достал я из буровой машины ножовку, ручкой на сухой шест надел, протянул Василию Ивановичу. Он осторожно принимается подпилить сук, а ворона снимает с сучка часы и выжидает.

Только сук обвалился вниз — ворона спланировала на растопыренных крыльях и взгромоздилась на другую осину, толще первой. Боком походила по толстой ветке с мохнатыми почками и опять повесила часы на сучок. Да как разоралась, растопырила крылья: то ли дразнится, то ли ругается.

Молча мы принялись за бурение, и все поглядывали в ту сторону, где сквозь веселое птичье пение прорывалось надсадное карканье.

— Орет вовсю, — досадовал Василий Иванович. — А часики-то мои небось рядом висят там.

И в другие дни, приезжая к реке на работу, мы беспомощно поглядывали по деревьям: всюду топорщились прутьяные гнезда. Так и смирился Василий Иванович с пропажей. А через неделю мы уехали на другую работу.

Года через полтора я снова приехал сюда с бригадой (но уже без Василия Ивановича) — рубить просеку для будущей дороги. Лето было знойное, все грибы попадались сухие и червивые. Палаточный лагерь мы разбили у реки, в тени шестящих осин. И когда мне встречались оплывшие скважины на берегу, где мы бурили с Василием Ивановичем, я невольно вспоминал нахальную ворону и поглядывал на высокие зеленые кроны, защищавшие нас от жары. Я заметил, что в лесу совсем стало мало ворон. Из деревни за совхозными полями приходили к нам мальчишки порыбачить и полюбопытствовать, что мы строим на реке.

Однажды в свое дежурство я пошел мыть посуду к большому камню. На нем, притихший, сидел с удочкой голый мальчишка и, уставившись в воду, плавными движениями свободной руки придавливал комаров на голом теле. И мне сразу

же бросилось в глаза: мальчишка голый, а на руке — часы! Что-то знакомое они мне напомнили. Я даже приблизился, чтоб разглядеть: на циферблате были иероглифы! Как бы это мне его расспросить, не спугнуть, — думаю. И окликаю дружелюбно:

— Малыш!

Он повернулся ко мне и огрызнулся:

— Не малыш я уже! — и смотрит выжидающе.

— Это что у тебя за компас на руке? — начинаю я дипломатичное расследование.

— Не компас это. Часы заграничные! Подарок от вороны.

— Как подарок?..

— Да так вот просто! Подарила ворона... Может, из заграницы принесла. Там украли — сюда перелетела.

Мальчишка выдернул на камень пятнистую форельку, снял с крючка и пустил в ведро с водой.

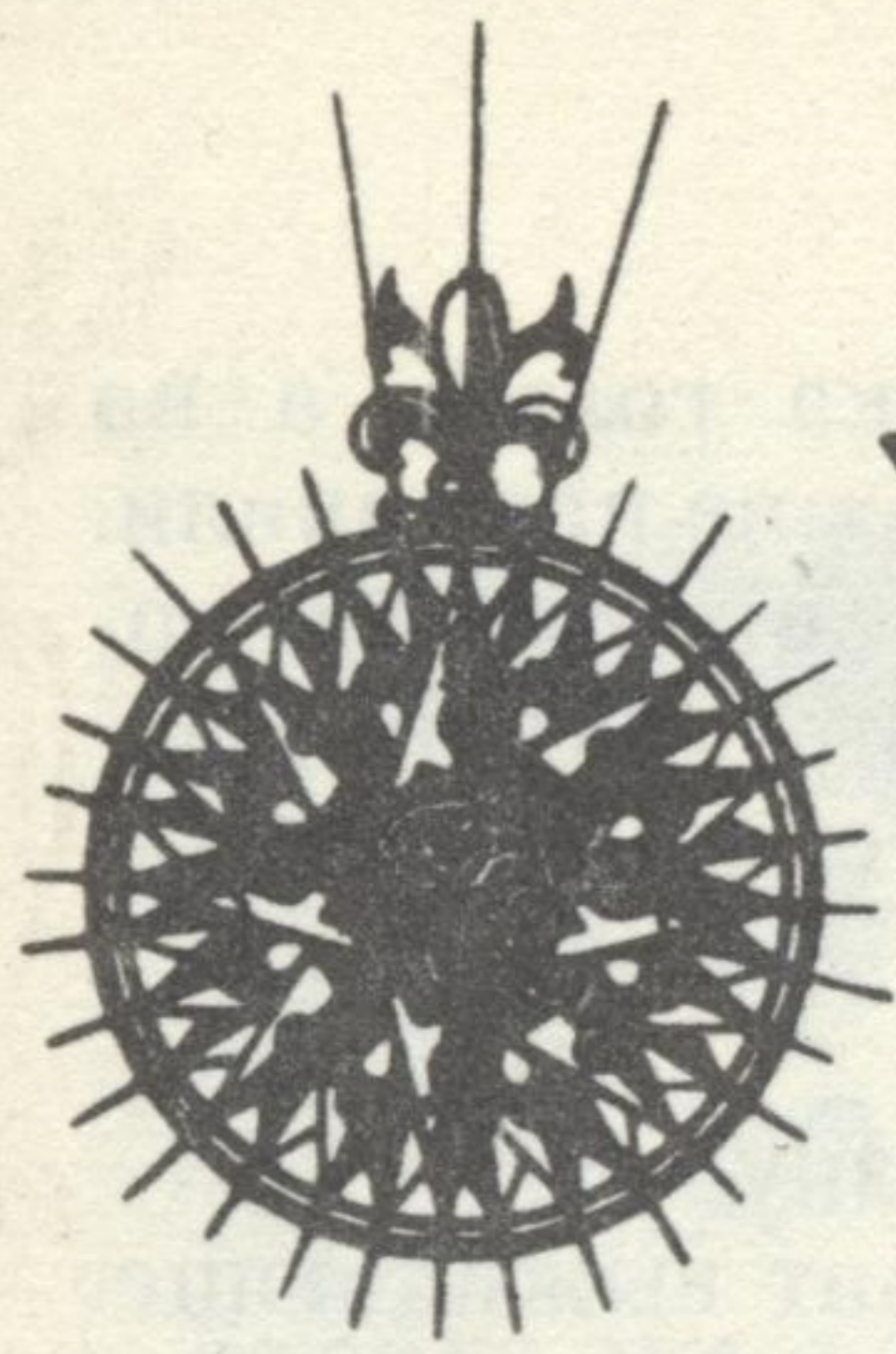
— У нас ворон здесь тьма непроглядная. Председатель совхоза зовет их «вражья стая». Воют он с ними. Как из леса тучей поднимутся — солнца не видно! Напасть какая-то. На пахоту набросятся — и давай всходы выщипывать. Летом огромные плешины на полях. На дармовых хлебах наплодились! — по-взрослому заключил мальчишка. И опять уставился на поплавок.

— Так подарок тут при чем? — подгонял я свое любопытство.

— А при том, что председатель с разрешения охотхозяйства упросил нас вороньи гнезда поразорять. Нет, — говорит, — равновесия в природе — значит, вред! Мы, кто самый смелый, и согласились — мальчишки наши. А я первый! Высоко забираться надо — мне ничего не стоит: я легкий и ловкий. Я этих вороньих корзин, пока птенцов не было, кучи поскидал на землю!.. А к одному подтянулся — гляжу: на сучке что-то блестит. Глазам не поверил! Часы с ремешком на сучке висят. Наверно, особая ворона была, раз по часам жила. Только в подарок мне достались... за охрану наших посевов!

Подпорожье, 1980 г.

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Год издания — 32-й

Оформление
Л. Московского

МИНА НА ШЕСТЕ

/ Из рассказов об адмирале Макарове /

...Как Макаров задумал, так все и произошло. Маленькие катера с минами на шестах стали воевать с большими броненосцами.

Летние ночи на Черном море — темные. На город Сухум, на набережную, на морской рейд надвинулся с гор туман. На рейде на якорях стоят турецкие корабли. Дальше всех от берега — «Ассари-Шевкет».

Хоть и темна ночь, хоть и туман идет и нет опасения, что русские нападут, но турки наготове. На палубе «Ассари-Шевкет» в обнимку с заряженными ружьями дремлют солдаты. Часовые на корме и на носу корабля — те не спят и не дремлют. Поглядывают на море и окликают всякую проходящую лодку.

Огни на турецких кораблях погашены. Тихо. Темно. К полуночи идет время...

Вдруг часовые заволновались, закричали: «Алла! Алла!» Повскакали солдаты на палубе, высунули с бортов ружья: «Алла! Алла!»

Что такое?.. А в это время к «Ассари-Шевкет» слева и справа быстро подходили русские катера с минами на шестах. Когда, наконец, турки поняли, что катера — русские, они подняли стрельбу.

С турецких кораблей тоже начали стрелять и сигналить фонарями: «Что случилось? В чем дело?»

С «Ассари-Шевкет» тоже фонарем начали отвечать по азбуке Морзе: приоткроют огонь — закроют, приоткроют — опять закроют. Передают: «Русские напали... Русские...»

Однако больше передать турки не успели, потому что на весь рейд прогремел взрыв, и эхом откликнулось в горах... Потом еще взрыв. И еще...

На «Ассари-Шевкет» вспыхнуло пламя, и он начал оседать в воду широкой кормой...

А некоторое время спустя минные катера потопили другой турецкий корабль — «Интибах». Но на этот раз Макаров придумал кое-что новое. К днищам катеров были приделаны железные широкие трубы, а мины заложили в эти трубы. Мины были такие, что могли двигаться под водой с помощью винтов. Винт начинал крутиться, и мина выскакивала из трубы и неслась к броненосцу. Для самих катеров так было гораздо безопаснее, а удар мины был надежнее.

Макаров, задумывая минные катера, словно заглянул в будущее. Ведь то, что он сконструировал, позднее моряки станут называть торпедными катерами.

После нескольких нападений турецкий флот укрылся в хорошо защищенных портах. Турки, опасаясь новых атак русских маленьких катеров, перестали выходить в море...

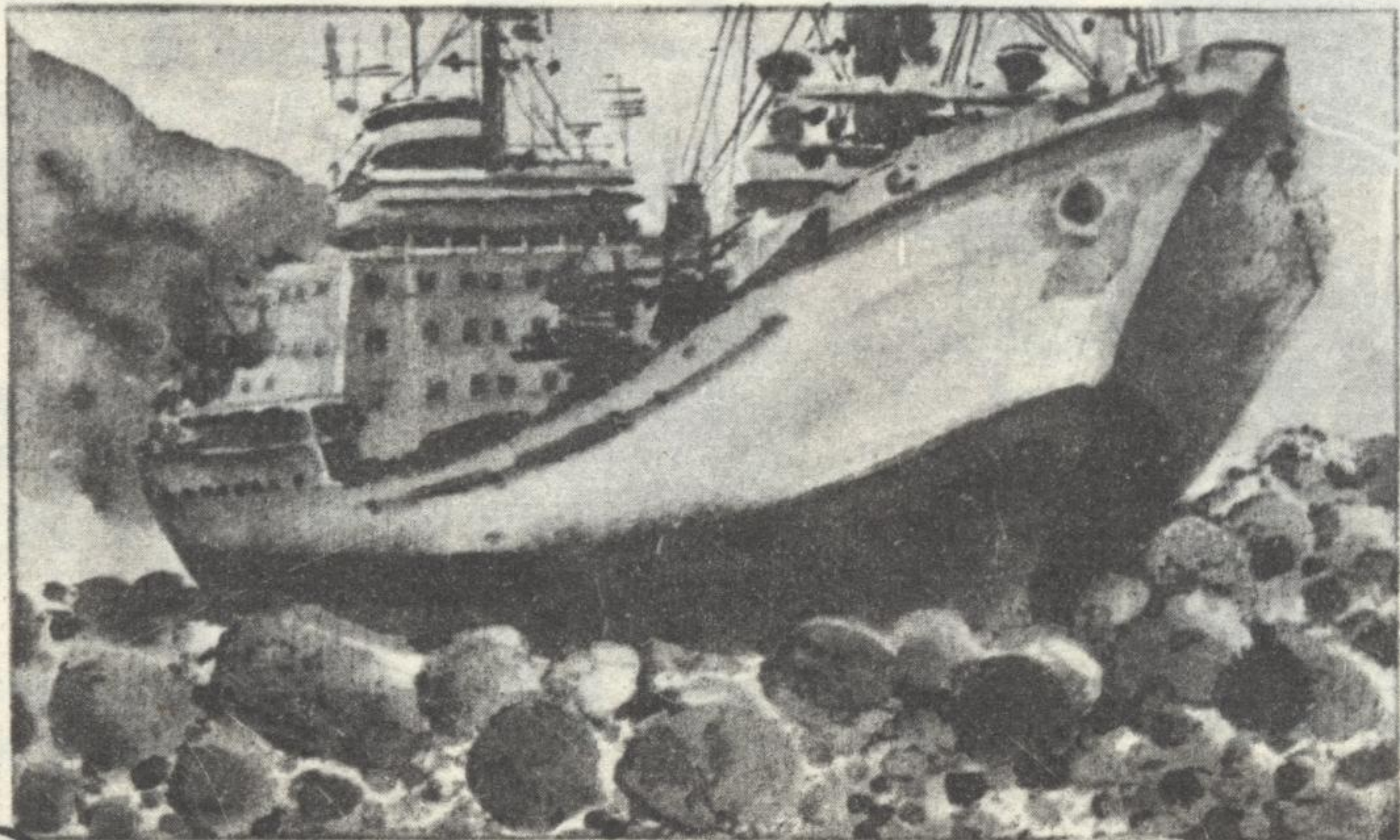
А тут как раз и русская армия разбила турок на суше. Путь к турецкой столице Константинополю был открыт. Султан запросил мира...

За смелые действия против турецкого флота Степана Осиповича Макарова наградили орденом и повысили в чине. А еще ему вручили золотой кортик с надписью: «За храбрость!»

Не много было моряков, у которых был такой кортик...

О. ОРЛОВ

Окончание. Начало см. в «Костре» № 5.

ВОТ ЭТО ДА!

Глядя на фотографию, можно подумать, что перед вами — готовое к спуску новое судно. Но это не так. Сильный ураган и высокие волны выбросили на берег этот современный теплоход. По счастью он не получил больших повреждений и мог бы плавать.

Но вот беда: от теплохода до глубокой воды два километра!

Теплоход весом в несколько тысяч тонн по суше не повезешь. Может быть, прорыть от моря к теплоходу канал? Подсчитали: это будет много дороже, чем построить новый теплоход... Так и оставили на берегу...

С. ЮРЬЕВ

австралийского порта Сидней отправились в Англию шесть клиперов. Капитан «Катти Сарк» не спускал паруса даже в самый сильный ветер! И пришел на семьдесят третий день плавания раньше других кораблей...

А на обратном пути вот какой был случай. «Катти Сарк» нагнал быстрейший в то время пассажирский пароход «Британию». Вахтенный помощник «Британии» разбудил капитана: — Сэр! Выйдите на мостик! Происходит что-то необыкновенное! Нас обгоняет парусник!

Капитан вышел и увидел «Катти Сарк».

— Тягаться с ним бесполезно... — сказал капитан. И знаменитый клипер прибыл в порт на четыре часа быстрее самого прыткого парохода того времени.

Саша Варюхин,
Северодвинск Архангельской обл.

Здравствуй, «Морская газета»! В старых выпусках за прошлые годы я прочитал заметку про корабли-музеи. И мне захотелось рассказать про «Катти Сарк», что знаю я сам. Наверное, это будет интересно и другим ребятам...

Это был английский клипер. Его называли «выжиматель ветра». Площадь его парусов была около трех тысяч квадратных метров! «Катти Сарк» принял участие в проводившихся тогда гонках-соревнованиях клиперов, доставлявших чай из Китая в Лондон. Корабль, приходивший быстрее всех, получал премию. В гонке участвовало 70 кораблей, и «Катти Сарк» часто побеждал другие клипера.

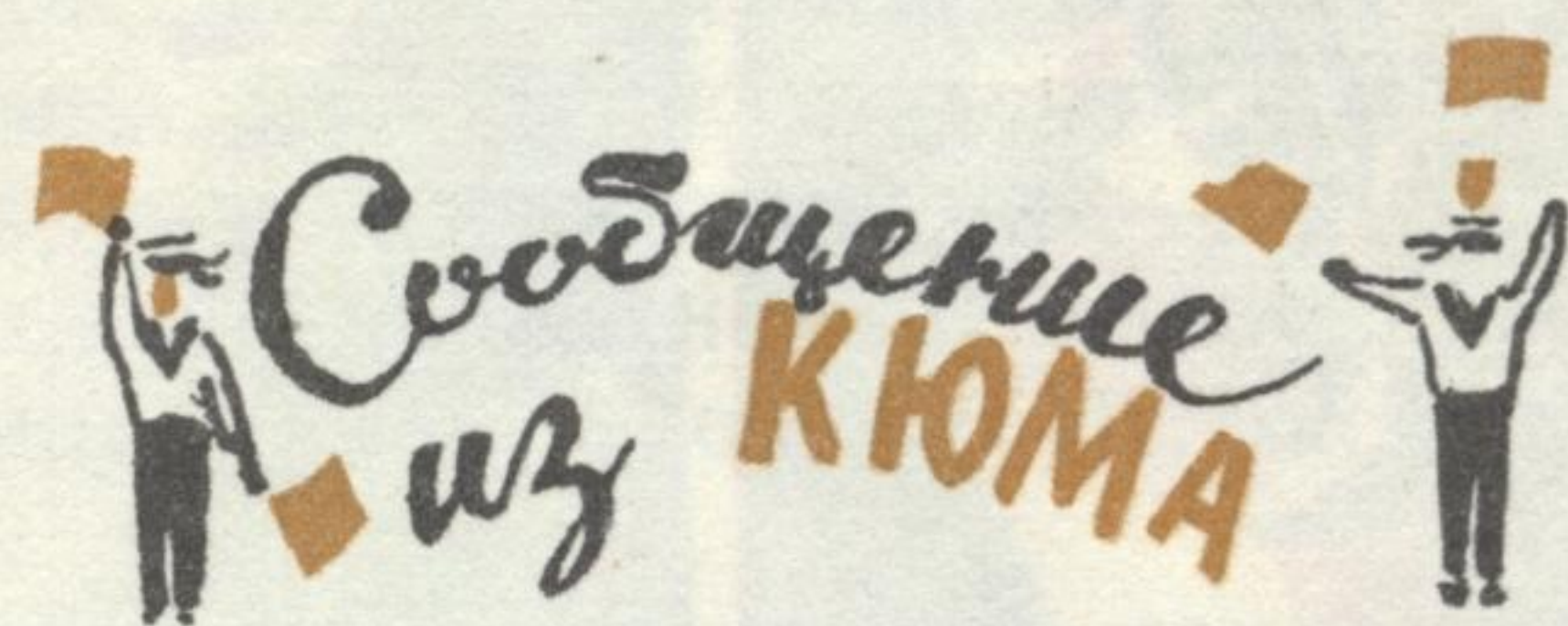
Если чай возили из Китая, то шерсть — из Австралии. Путь был еще больше и опаснее. В октябре 1885 года из

Сейчас корабль сохраняется в Лондоне. Это корабль-музей. На современной фотографии можно видеть легендарный клипер.

ВЫСТАВКА
ПИНГВИНА

ЭСМИНЕЦ
«РАЗУМНЫЙ»
И. Гунько
Оренбургская обл.

«Морская газета», спасибо за флажный семафор и азбуку Морзе, которые вы нам прислали. Наш КЮМ «Бригантина» пополнился новыми ребятами. Теперь нас стало двадцать три человека. Морскую практику будем летом проходить в Одессе.

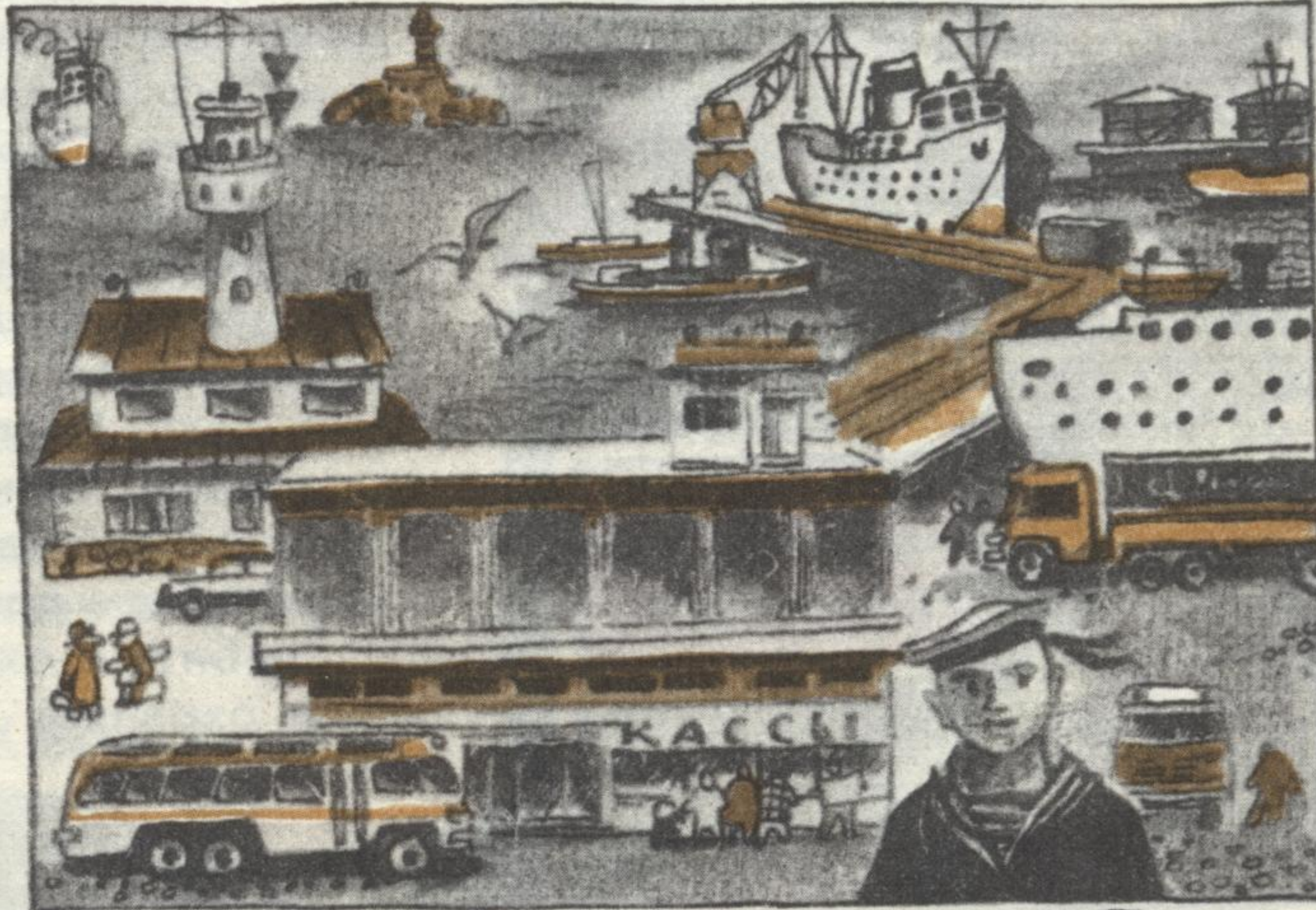
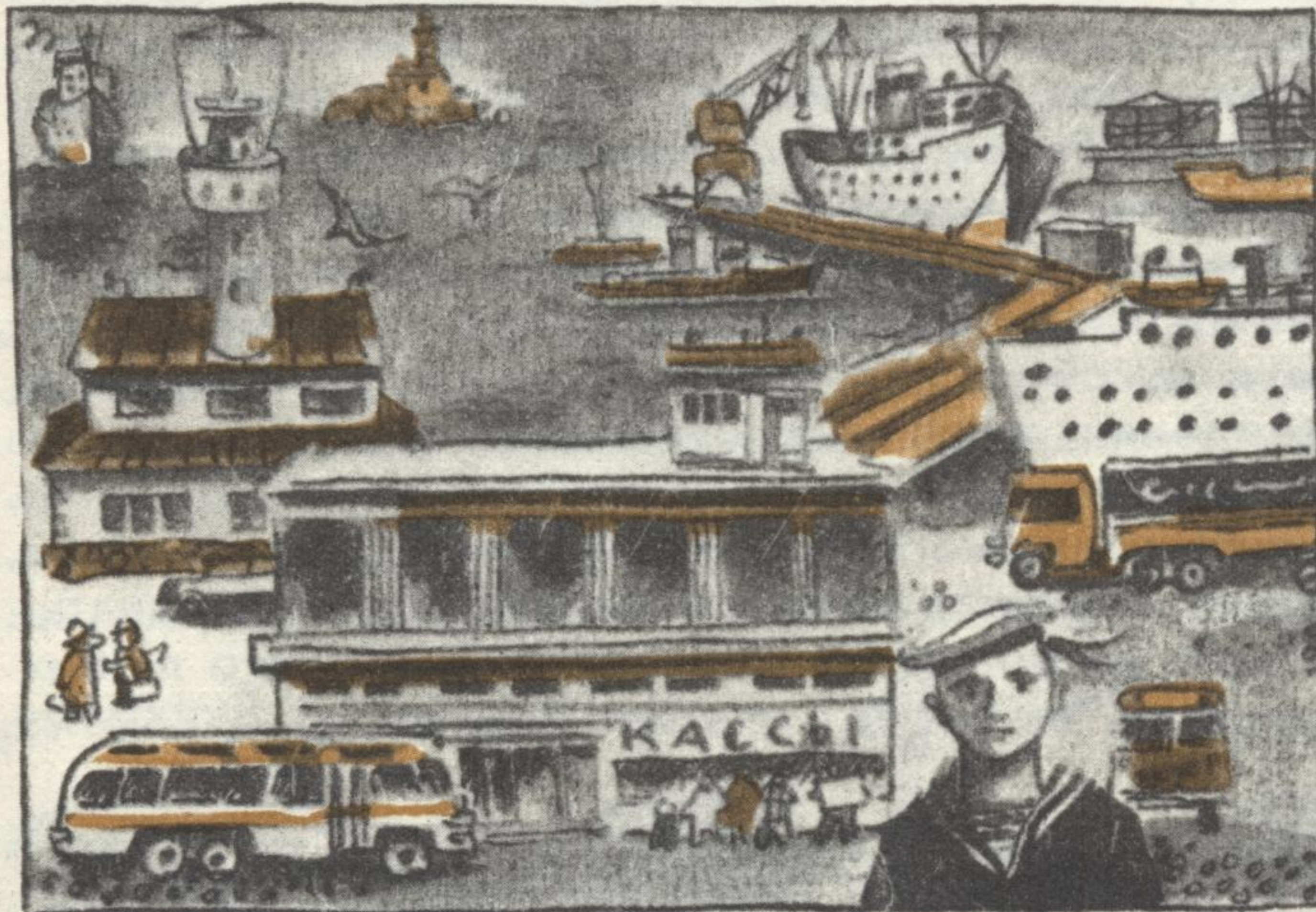
Кюмовец
Антон Бахаев

Художник прислал в редакцию два рисунка: юнга Петя Клотиков в порту. «Не знаю, — писал художник, — который рисунок лучше, выбирайте сами. Но второй сделан через четверть часа после того, как я сделал первый...»

Капитан Быстроходов рассмотрел рисунки и сказал:

— Художник ввел нас в заблуждение! Между вторым и первым рисунками прошло несколько часов...

Почему так решил капитан?

ЗЕЛЕНЫЕ СТРАНИЦЫ

Оформление Т. Панкезич

У нас в гостях журнал юных любителей природы

«ЮНОМУ НАТУРАЛИСТУ» — 60

Этот журнал не спутаешь ни с каким другим. Его яркая обложка — окно, широко распахнутое в удивительный и прекрасный мир Природы. Слово акробат, повис вниз головой ленивец, замерла на изумрудном стебле вот-вот готовая взлететь божья коровка в лакированном красном панцире, а влажную от росы ветку белой сирени так и хочется потрогать руками...

Совсем не таким нарядным и праздничным пришел «Юный натуралист» к своим первым читателям 60 лет назад, в апреле 1928 года. То была тоненькая тетрадка — всего 8 страничек. И тираж журнала тоже был скромным — 2600 экземпляров. Сейчас он вырос в тысячу раз!

Многие поколения советских людей прошли через пионерию, через юннатство. И всегда — «Юный натуралист» был добрым советчиком и наставником ребят. Тридцатые годы — журнал организует шефство школьников над молодняком скота на колхозных фермах, проводит конкурсы по выращиванию кроликов и домашней птицы. По его инициативе в школах страны возникают юннатские кружки, опытнические бригады и звенья. Видные советские ученые — Н. И. Вавилов, В. Р. Вильямс, И. В. Мичурин, В. А. Обручев, А. П. Карпинский, П. П. Лукьяненко, А. Н. Формозов, Н. Н. Плавильщиков, П. А. Мантейфель — выступают на страницах журнала с наставлениями и советами, обращенными к юным натуралистам, верным друзьям природы.

Школьные лесничества, ученические производственные бригады, «зеленые» и «голубые патрули» — все это тоже неразрывно связано с «Юным натуралистом», вышло из журнала, получило его добрую поддержку.

«Колосок». Перелистывая страницы этой юннатской газеты в журнале, вы услышите звонкие голоса сверстников — юных хлеборобов казахстанской целины и оленеводов Якутии, молдавских виноградарей и механизаторов Узбекистана, льноводов Нечерноземья и мастеров свекловичных полей Украины, животноводов Прибалтики и чайеводов Грузии.

В увлекательное путешествие по необъятной нашей стране приглашает читателей рубрика «Моя Родина — СССР». Постоянные авторы журнала — известные ученые и писатели, художники и фотомастера — проведут вас по нашим великим стройкам, помогут заглянуть в потаенную жизнь заповедников, познакомят с уникальными уголками нашей Родины.

На каждом шагу задает нам природа свои бесчисленные загадки. На тысячи «почему», «как» и «зачем» ответит ребятам «Клуб Почемучек». Нет такой проблемы, которую не могли бы решить Почемучки (порой не без помощи ученых) в своем клубе, действующем при журнале почти 30 лет.

Читатели «Юного натуралиста» — народ особенный. Они умеют определять птиц по голосу, читать следы зверей на снегу, знают, где и какой растет гриб и никогда не заблудятся в лесу. По поведению животных и растений они предскажут погоду, точно определяют, который теперь час.

«Юный натуралист» помогает пытливым, любознательным и упорным раскрыть неразгаданные тайны природы, учит знать, любить и охранять ее богатства. Известно же: тот, кто любит и охраняет природу, любит и охраняет Родину.

КОГДА ЕСТЬ НАСТОЯЩИЕ ДРУЗЬЯ

Жигули. Отвесно обрываются к Волге их зеленые кручи. Разлапистые сосны карабкаются ввысь, образуя неприступную стену. Надежной защитой волжской вольницы были Жигули во времена Степана Разина. Упираясь босыми ногами в мокрый песок, тянули вверх по Волге тяжелые баржи бурлаки.

Славен нынешний день Жигулей. Прямо напротив них поднялся красавец Тольятти — город, с заводских конвейеров которого разбегаются по всей нашей стране да и по всему миру знаменитые «Лады» и «Жигули».

Когда архитекторы планировали кварталы города автомобилестроителей, они старались сохранить каждую рощицу, каждое дерево. В приволжской степи отношение к природе особое, поэтому лес, подступивший к городу, — любимое место отдыха тольяттинцев. Народ здесь молодой, спортивный. Зима — все на лыжи, а летом в лесу тропинкам и вовсе нет числа. По силам ли лесу такая нагрузка?

На помощь зеленому другу пришли ребята. В 19-й тольяттинской школе родилось лесничество. Школа стоит в самом центре города. А в двадцати минутах ходьбы, за автовокзалом, начинается лес. Ребятам выделили 204 гектара. Санитарная обработка участков, расселение муравейников, уход за молодыми сосновыми посадками, сбор желудей, привлечение птиц — этот широкий круг забот знаком каждому школьному лесничеству. От них никуда не денешься. Но Тольятти — город. А у города и заботы особые. Народу много, леса мало. Каждому хочется отдохнуть, набрать букетик первоцветов, позагорать на полянке, а то и костерок развести...

Как навести порядок? Кому-то пришла счастливая мысль — проложить тропы здоровья. Пусть гуляют горожане не где вздумается, а по специально разработанным маршрутам. Не только человек, но и лес должен быть здоровым. Чтобы не вытаптывали его где попало, не рвали все подряд, не разводили костров. Ребята составили подробную карту леса. Выделили на ней заповедные участки, чтобы могли любоваться люди, не тревожа лесного покоя.

Есть в ребячьем лесу заветная горочка, огражденная с севера вековыми соснами. Раньше всех подсыхает ее южный склон по весне. Вспыхивают тысячи фиолетовых колокольчиков, редкость в этих краях. Как сохранить эту красоту?

Стали искать решение. Сколько ни выставляй «зеленых патрулей», делу не поможешь, за всеми не уследишь. Тут нужно действовать убеждением, постоянным напоминанием, решили ребята. Так у подъездов домов, на автобусных остановках появились плакатики с изображением сон-травы, горицвета, мать-и-мачехи, купальницы, медуницы. Вот черный сапог навис над хрупким подснежником. И надпись: «Остановись! Не растопчи!»

Не только хранить, но и множить — таков девиз юных тольяттинцев. Чистый, ухоженный лес — это замечательно. Но он должен расти не только ввысь, но и вширь. 13 тысяч саженцев сосны посадили ребята. Они гордятся своей сосновой рощей. Правда, назвать рощей посаженные в 16 рядов сосенки можно пока лишь с оговорками. Роще еще расти и расти! Вместе с ребятами. Но как это прекрасно — расти, когда у тебя есть настоящие друзья.

Л. ВОЛКОВА,
Куйбышевская обл.

ХВОСТ СТАГАЕТ ГОЛОВУ

У некоторых животных хвост и в самом деле часто становится спасителем головы. Представим, что мы спустились в море поблизости от кораллового рифа. Вот проплывает довольно странного вида рыба, создается впечатление, что у нее две головы. Поймать это необычное двуглавое существо совсем не просто. Кажется, вы уже у цели, но вдруг рыбка мгновенно изменяет направление движения и... быстро уплывает от вас

хвостом вперед. Не удивляйтесь — вы встретились с щетинозубом четырехглазым. Его хвост украшен пигментным пятном — «фальшивым» глазом. Плавая «задом наперед», он обманывает хищников, которые стремятся напасть на мнимую голову. Тут-то рыбка резко изменяет направление движения и уплывает от врага головой вперед.

Легко перепутать хвост и голову и у представителей при-

митивного семейства щитохвостых змей. У них маленькая заостренная голова и короткий, косо срезанный хвост, на котором издали хорошо заметны два блестящих пятна — ложные глаза. Когда пернатый хищник бросается на такую «голову», змея быстро прячет «хвост» в нору.

Некоторые из животных обладают удивительной способностью (так называемой автоили аутотомией) — отбрасы-

вать хвост в целях самосохранения. Это одно из главных средств защиты ящериц от врагов: в зубах или лапах хищника остается хвост, а сама ящерица спасается бегством.

А как обстоит дело у млекопитающих? Лесные мыши, например, могут терять не весь хвост, а только кожу с самого его кончика: мышка вытаскивает последние хвостовые позвонки из кожного чехлика, как мы вынимаем пальцы из перчатки. Эта особенность есть и у других видов грызунов, ею обладают по крайней мере пятнадцать видов. Африканские грызуны — изящные сонни-графиурусы имеют в хвосте

много «слабых мест», расположенных на расстоянии примерно 8 миллиметров друг от друга. Соня может вырываться от хищников, теряя каждый раз по кусочку хвоста.

Это все примеры пассивной защиты с помощью хвоста. Реже животные используют его для активной обороны. Так поступают, например, шипохвосты. У этих ящериц короткий приплюснутый хвост, покрытый сверху крупной колючей чешуей, собранной в правильные поперечные ряды. Злейшие враги этих ящериц — змеи. Заслышав шум ползущей змеи, шипохвост сам скрывается в норе, а конец хвоста вы-

ставляет наружу, да еще подергивает им. Наткнувшись на это оружие и ощутив на себе чувствительные удары, змея предпочитает ретироваться.

Хвост у скатов-хвостоколов вооружен одной или несколькими кинжалообразными иглами, загнутыми острием назад. Вдоль нижней поверхности иглы проходит борозда, в дне которой размещаются клетки, выделяющие ядовитый секрет. Горе тому, кто случайно потревожит отдыхающего ската!

Как видите, хвост спасает голову у многих видов животных.

Е. КОТЕНКОВА,
кандидат биологических наук

ЗАГАДКА БУРУНДУКА

Рыжий полосатый комочек перерезал мне путь в каких-нибудь пяти шагах. Легко прыгая по валежинам и кочкам, он подлетел к выгнутой в дугу березке, взметнулся по стволу вверх и замер, заметив меня. Минут десять я, не двигаясь, наблюдал за зверьком, устроившимся куда удобнее меня: на березке, как на коне, обхватив хвостиком ее тонкий стан.

Левую руку уже оттянула корзина с опятами, в правой запотел нож-складешок. А бурундуку что до этого?

Полосатик быстро-быстро двигал челюстями, щечки его тряслись, как от озноба. А я гадал, что же такое проделывал бурундук: то ли обшелушивал семена, то ли сортировал их в защечных мешочках? А главное — какие семена? Кедровых орехов, до которых бурундук большой любитель, в здешнем бору нет, конопля, разумеется, тоже. Разве что зернышки шиповника или костяники?

Бурундук усердно занимался своим делом. Иногда он подносил к самому рыльцу приподнятые передние лапки, и тогда с них осыпались едва заметные крошки. Поймать бы да рассмотреть хоть одну! Жду,

не упадет ли со «стола» что-нибудь покрупнее. Но обед продолжался с той же аккуратностью. Ничего нового наблюдение не давало.

Говорю громко:

— Я — человек. А ты — бурундук. Знаешь ли, дружок, что ты бурундук?

Убедившись, что человеческой речи бурундук не боится, я несколько раз свистнул, как мне казалось, — по-бурундучьи. Ни ответа, ни привета.

Один лесник весной устраивал для своих помощников — ребят из школьного лесничества — небольшое представление, своего рода цирк под открытым небом. Только зрители прятались при этом за выворотень или в густом сосняке, а знаток бурундуков — назовем его так — садился под деревом и начинал тихонько посвистывать. И вот то в одном, то в другом месте слышались ответные посвисты, все ближе, ближе... Вскоре, к удовольствию ребят, появлялись и сами бурундуки. Иногда их собиралось с десяток, они возбужденно бегали вокруг неподвижно сидящего, но продолжающего посвистывать лесника, иногда взбирались на его плечи или шапку...

Бурундук, наконец, закончил дела и убежал своей дорогой, а я устремился к березке. Стоя на коленях, внимательно осматриваю устланную палыми листьями землю. На одном из них я и подобрал коническую белесую чешуйку, потом нашел еще пару. Сомнений не было — это крошки с бурундучьего стола. Покрутил, повертел свои находки, а потом сообразил помять чешуйки в пальцах и понюхать... Ба! Да это же... бурундук, оказывается, обшелушивал почки дикой смородины!

Уже поторапливаясь к дому и перебирая в пальцах смородиновые почки, я думал: что же находит в них бурундук? Может, почки смородины и других кустарников спасают бурундуков от гибели в бедные на ягоды года? А не отведать ли самому? Сначала я усмехнулся своему неумению освободить от чешуек почки, зато, когда их раскусил, почувствовал на языке приятную смолистую терпкость, такую освежающую и бодрящую, что, когда заметил в стороне от дороги куст смородины, завернул к нему, чтобы полакомиться еще.

Ю. ЧЕРНОВ

НАРОДНАЯ НЕБЫЛИЦА НОВОЙ АНГЛИИ

Некий фермер надумал купить мула. А у соседа был мул. Сосед и предложил его фермеру. По словам хозяина, мул был верхом совершенства. Столковались они о цене, и на следующее утро новый владелец взобрался на мула и отправился на ферму. Но не успели они отъехать и двух миль, как мул вдруг остановился, присел на задние ноги — и ни с места. Фермер и понукал его, и толкал, и уговаривал — все напрасно. И лишь когда доведенный до отчаяния фермер огрел его хвостинкой, тот встал и поплелся дальше.

К ночи фермер отвел мула его прежнему хозяину.

— С меня хватит! — заявил он с негодованием. — Вы меня заверили, что он хорошо выезжен и смиренного нрава. Но сегодня я убедился в обратном. Он упрям как осел, этот мул!

— Не подался ли вам кролик навстречу? — спросил сосед.

— Кролик? Нет, не подался. Какое это имеет отношение к мулу?

— Видите ли, я забыл вам сказать, что он прекрасный легавый. Очевидно, он заметил кролика и сделал стойку, как он всегда делает в подобных случаях.

— Никогда не слышал о таких вещах, — удивился фермер.

— Что ж, я в этом не виноват. Он первоклассный легавый, а во всем остальном превосходный мул.

— Тогда я буду стараться не проезжать мимо тех мест, где водятся кролики. Если дело только в этом, я его оставляю за собой.

На следующий день фермер снова поехал на ферму. В пути им пришлось переезжать речку. На середине речки мул, как и в первый раз, присел на задние ноги и едва не сбросил своего седока в воду. Много понадобилось времени, чтобы заставить животное встать и идти дальше. Рассвирепевший хозяин осыпал его ругательствами, какие не часто услышишь в этих местах. Он тут же вернулся в деревню и приволок мула его прежнему владельцу.

— Берите назад эту тварь! Я сегодня чуть не утонул из-за нее. Проклятый дьявол уселся на самой середине речки и ни за что не хотел идти дальше. Мне с трудом удалось вывести его на берег.

— Ну, это и неудивительно — он отлично чует рыбу, ничуть не хуже, чем кроликов.

Перевела с английского П. ДЛУГОЛЕНСКАЯ

Рисунки
Ю. Беломлинской

Путешественница Адель Коновер отстала от группы и заблудилась в тропическом лесу,

полном зверей. Пробовала кричать — выбилась из сил. Спас ее... магнитофон. Записав на него крик «Спасите!» — она залезла на дерево и включила прибор. Через сутки на помощь к ней пришли жители одного из местных племен.

Фауст — герой знаменитых трагедии и оперы — жил на самом деле. И хотя душу дьяволу Мефистофелю не продавал, но причинил современникам немало других хлопот: он был алхимиком. Достаточно сказать, что только за взрывы в лаборатории его дважды соседи приводили в суд.

В английском городе Бредфорде была построена фабрика... моли. Да, да, самой обыкновенной моли, которая ест ткань.

Фабрика понадобилась ученым и промышленникам, чтобы узнать — какие ткани меньше всего моли «по вкусу».

Веселый звонок

Составил и оформил
Л. Каминский

Когда ребята вышли из автобуса, вожатый их распределил по палатам. Мальчики расположились на первом этаже, а девочки — на втором. Разобрали койки, тумбочки.

— А что, уютно! — заявил Витька Шутиков. — Интересно, а как у девчонок? Айда на второй этаж!

Но девочкам бесцеремонность мальчишек не очень понравилась. Они выставили незваных гостей из палаты и на дверях повесили предупреждение: «Кто войдет без стука, тот вылетит со звуком!»

Мальчишки хором прочли записку.

— Надо нам тоже написать, — предложил Витька. — Пусть только сунутся без стука!

— Мы в прошлой смене «без звука» писали, — заметил Пашка Иволгин. — «Кто войдет без стука, тот вылетит без звука». Так складнее.

Мальчишки заспорили: как лучше? «Со звуком» или «без звука»? Решили, что «без звука» лучше.

Шутиков решил посоветовать девочкам, чтобы они исправили свою надпись. Что «без звука» лучше. Он открыл дверь и вошел. Без стука. И вылетел. Со звуком! А то, что сказать хотел, уже в воздухе прокричал.

Но девочки его не расслышали. Потому что уже захлопнули дверь. Со звуком.

Андрей ГОРБУНОВ

День Нептуна

Над рекою хохот и плесканье,
И звенят гитар веселых струны...
В лагере сегодня день купанья,
В лагере сегодня день Нептуна!
Царь морской выходит из пучины,
Он выходит в чешуе блестящей —
С мокрой бородою из овчины,
А в руке — трезубец настоящий.
Царь суров и грозен только с виду,
С пышной шевелюрой из мочалок.
За собою он выводит свиту —
Водяных, кикимор и русалок.
Я смотрю —
Мне времени не жалко —
На участниц этого парада.
Больше всех мне нравится русалка —
Галка из четвертого отряда!

Ю. МАКАРОВ

КОНКУРС

И все
засмеялись!

В пионерлагере мы решили поставить сказку для младших отрядов. Выбрали «Царевну-лягушку». Начали репетировать. Дошли до того места, когда царевич приходит домой печальный. И вот царевна-лягушка (Гая Павлова) говорит: — Ква-ква, Иван-царевич! Почему ты такой печальный? Почему голову развесил? И все засмеялись.

Гульфира Токалова,
с. Шарахалсун,
Ставропольский край

Этот случай произошел в жаркий день у лотка с мороженым. Передо мной стоял маленький мальчик. Когда подошла его очередь, он протянул продавщице тринадцать копеек.

Продавщица сказала: — На одно мороженое у тебя не хватает! — Тогда дайте два мороженых, — ответил мальчик. И все засмеялись!

Лена Стельмашенко,
Чимкент

— Сегодня идем купаться! — объявил вожатый Сережа.

— Урра! — завопили ребята. Через полчаса мы уже были в воде. Барахтались, ныряли. А вожатый с берега давал советы:

— Работайте больше ногами! И гребите животом! И все засмеялись!

Саша Демина,
с. Тимирязево,
Северо-Казахстанская обл.

Погода была холодная, пасмурная, и нам неохота было бежать на полдник в столовую. А вдруг там дают что-нибудь вкусное? Решили послать кого-нибудь на разведку. Бросили жребий — он достался Толе.

Через некоторое время Толя явился из столовой и сообщил: — Там дают молоко с грелками!

И все засмеялись!

Света Шлыкова,
Подольск, Московская обл.

А ЧТО У ВАС
СМЕШНОГО БЫЛО
ЛЕТОМ?
ДРУЗЬЯ, СКОРЕЙ
ПИШИТЕ МНЕ
ОБ ЭТОМ!
Учитель смеха

Люда рассматривала книжку с картинками. Она увидела рисунок с изображением рогатого лося и громко спросила бабушку:

— Бабуля, а почему у коровы на голове вешалка?

Я с сестренкой была в поликлинике. На одной двери я вслух прочитала надпись: «Старшая медсестра».

Тут сестренка сказала:

— Я туда не пойду, я боюсь!

— Почему?

— Там страшная медсестра!

Однажды мама, я и маленькая сестра были в лесу. Там оказалось много комаров, которые нас донимали. И тогда сестренка сердито спросила: — Мама! Когда у них обед кончится!

У моей подруги есть маленький брат Паша. Однажды я его спросила:

— Паша, тебе сколько лет?

— Пять, а могло быть шесть!

— Как это? — удивилась я.

— А я год жил у бабушки, меня здесь не было!

Прислали:

Ира Терехина
(Рузаевка, Мордовская АССР),

Оля Семянова
(Закаменск, Бурятская АССР),

Оля Дудченко
и Нина Вальтер
(Алма-Ата),

Лена Чиппизубова
(Каскеленский р-н, Казахская ССР)

ИГРА ДРЕВНЕЕ ШАХМАТ

Слышали вы о такой настольной игре: ГО?

Игра эта насколько проста, настолько и увлекательна. Доску для нее легко сделать самим. Понадобится лишь картонный лист, линейка и карандаш. Еще нужно приготовить несколько десятков черных и белых фишек, которые называют камнями. Можно использовать обыкновенные пуговицы или вырезать фишки из плотной бумаги.

Квадратная доска для игры в го разделена на 18 горизонтальных и столько же вертикальных рядов, наподобие шахматно-шашечной доски, но поля не закрашиваются. Можно играть и на уменьшенной доске 12×12.

Ходы соперников, черных и белых, состоят в том, что камни по очереди выставляются на любое свободное пересечение линий, но не в квадраты! У малой доски таких пересечений, считая и края, и углы, — 169. Значит, при первом ходе, который делают черные, они могут начать партию любым из 169 способов. Теперь очередь хода за белыми. В их распоряжении остается 168 свободных пересечений. И так далее.

Камни, выставленные на доску, не передвигают, и с очередными ходами доска все более заполняется. Поэтому соперникам на всю партию понадобится не более 80—90 белых и такого же количества черных фишек.

Однако до полного заполнения клетчатого поля дело обычно не доходит, а игра заканчивается раньше. Игроки стараются расставлять свои силы так, чтобы окружить при этом как можно больше камней противника. Полностью окруженный камень снимается с доски и становится трофеем. Например, ходами А, Б или В на диаграмме 1 можно окружить по одному камню. После этих ходов возникают положения, изображенные на диаграмме 2.

Можно окружить и целую группу камней, которые стоят рядом и образуют «стену». Примеры такого окружения показаны на тех же рисунках. После ходов Г, Д или Е с доски снимаются сразу несколько камней противника.

Обратите внимание на позицию Ж, где указанный ход еще не осуществляет полное окружение. Ведь в цепи черных остается свободное поле.

Запрещается ставить камень так, что при этом ходе он сам или вместе со стеной оказывался бы в полном окружении, как показано в позиции И. Однако такой маневр допускается, если при этом вы окружаете хотя бы один камень соперника и можете его снять. Примером служит положение при ходе К.

И, наконец, существенное правило, которое запрещает очередным ходом повторять позицию, уже стоявшую ранее на доске. Ходами Л или М белые окружают камень черных и снимают его. Не будь такого правила, черные, в свою очередь, могли бы поставить новый камень на прежнее место и отыграть белого «обидчика». Сделать это черные могут (если, конечно, им позволят) не ранее, чем через ход, так как после ответа белых положение на доске уже изменится.

Кроме захвата камней, выгодно огораживать своими камнями территории на доске, чтобы соперник не мог поставить внутри такого укрепления свои камни из-за угрозы их уничтожения.

Постепенно доска заполняется боевыми силами черных и белых достаточно густо. Наступает момент, когда очередной ход делать невыгодно. Либо отнимаешь часть своей же огороженной территории, уменьшая ее на поле-очко, либо попадаешь в такой же лагерь неприятеля, где он завоюет лишний трофей.

Не найдя ни одного полезного хода, игрок вправе сделать пас, то есть пропустить ход. На ответ соперника можно вновь выставлять свой камень. Но если второй игрок пасует сразу вслед за первым, значит, оба не видят возможности с пользой для себя продолжать игру.

На этом партия заканчивается и производится подсчет очков. К сумме очков-трофеев добавляются суммы очков-полей внутри огороженных территорий. Например, белые захватили в игре 40 черных камней и огородили на доске свободные участки, внутри которых можно разместить еще 35 фишек. Значит, окончательная сумма белых — 75 очков. Так же определяется сумма черных. Чей результат выше, тот и победил.

Как видите, правила довольно несложные. Интересен отзыв об игре го такого авторитета, как второй чемпион мира по шахматам Эммануил Ласкер. В своей книге «Игры народов на доске», изданной в 1930 году, он посвятил го отдельную главу. Там Ласкер писал: «Го простотой своих правил превосходит шахматы, не уступая им богатством фантазии».

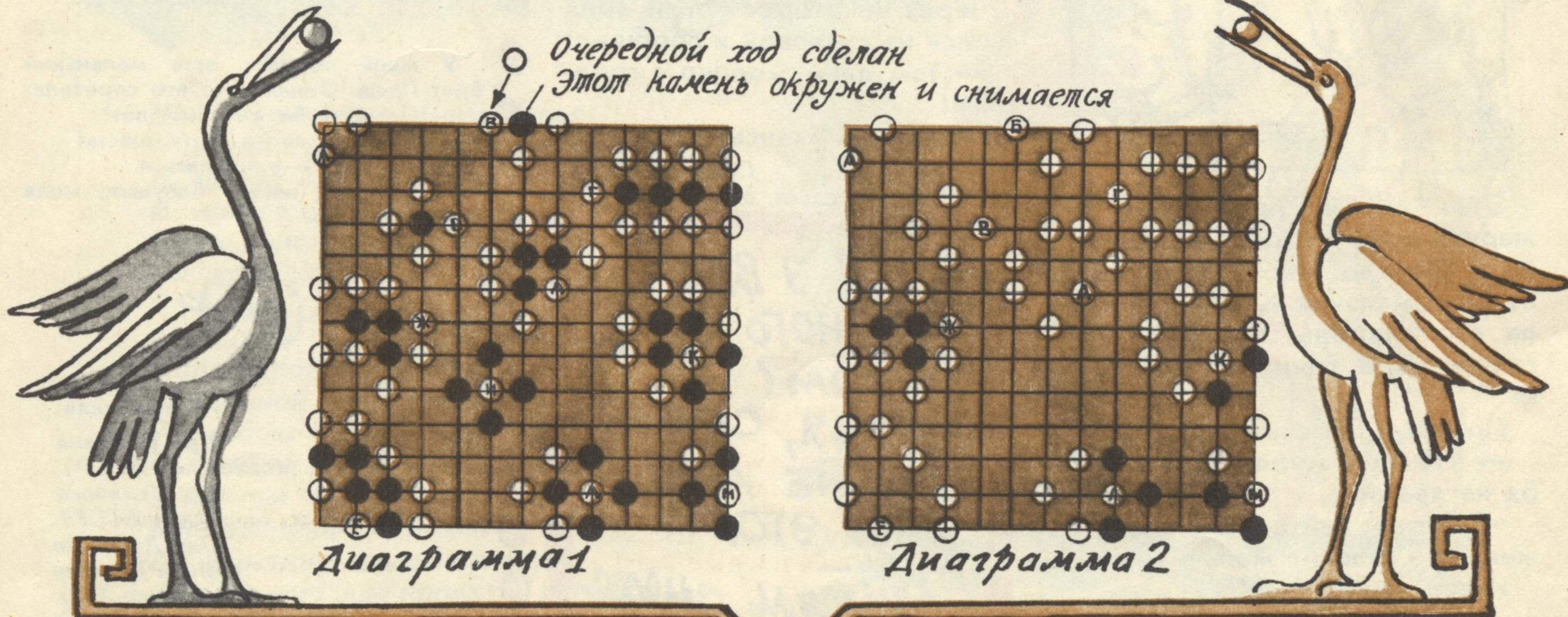
Историки полагают, что игра го появилась около 4000 лет назад в Китае, а затем попала в Японию. Современные правила го стали известны в Европе в конце XIX века, когда Япония устанавливала связи с миром.

В наши дни ряды поклонников го насчитывают многие миллионы людей из более чем 40 стран Азии, Европы, Америки. Организованы клубы любителей го, издаются специальные журналы по теории и практике игры. Прошло уже шесть чемпионатов мира!

Разыгрываются турниры и в СССР. Так что учитесь, тренируйтесь и — включайтесь в соревнования.

С. СТОЛЯР

Оформление В. Шаронова

ЧЕМПИОНАТ-88

В состязании отважных разведчиков объявляется 6-й тур!

ШАХМАТЫ.

А. Белые: Крс6, Ле7, п. с5; черные: Крс8, Фд1, пп. а6, с7.

Б. Белые: Крг5, Сс1, Сг2; черные: Кре5, Кг8.

Цель разведки: уточнить, могут ли в А белые уйти от поражения, а в Б одержать победу.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: а5, с3, е3, е5, г5, h6; черные: а7, с5, с7, е7, f8, h8.

Б. Белые: а5, с3, е3, г3, h4, h6; черные: а7, b8, с5, d8, е5, h8.

Цель разведки: в обеих позициях (С. Ковалев) установить результат.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 25, 30, 38, 42, 43, 46, 47, 49; черные: 8, 9, 10, 17, 19, 27, 28, 36, 40.

Б. Белые: 29, 37, 38, 43, 49; черные: 7, 17, 18, 19, 27, 35. **Ход черных.**

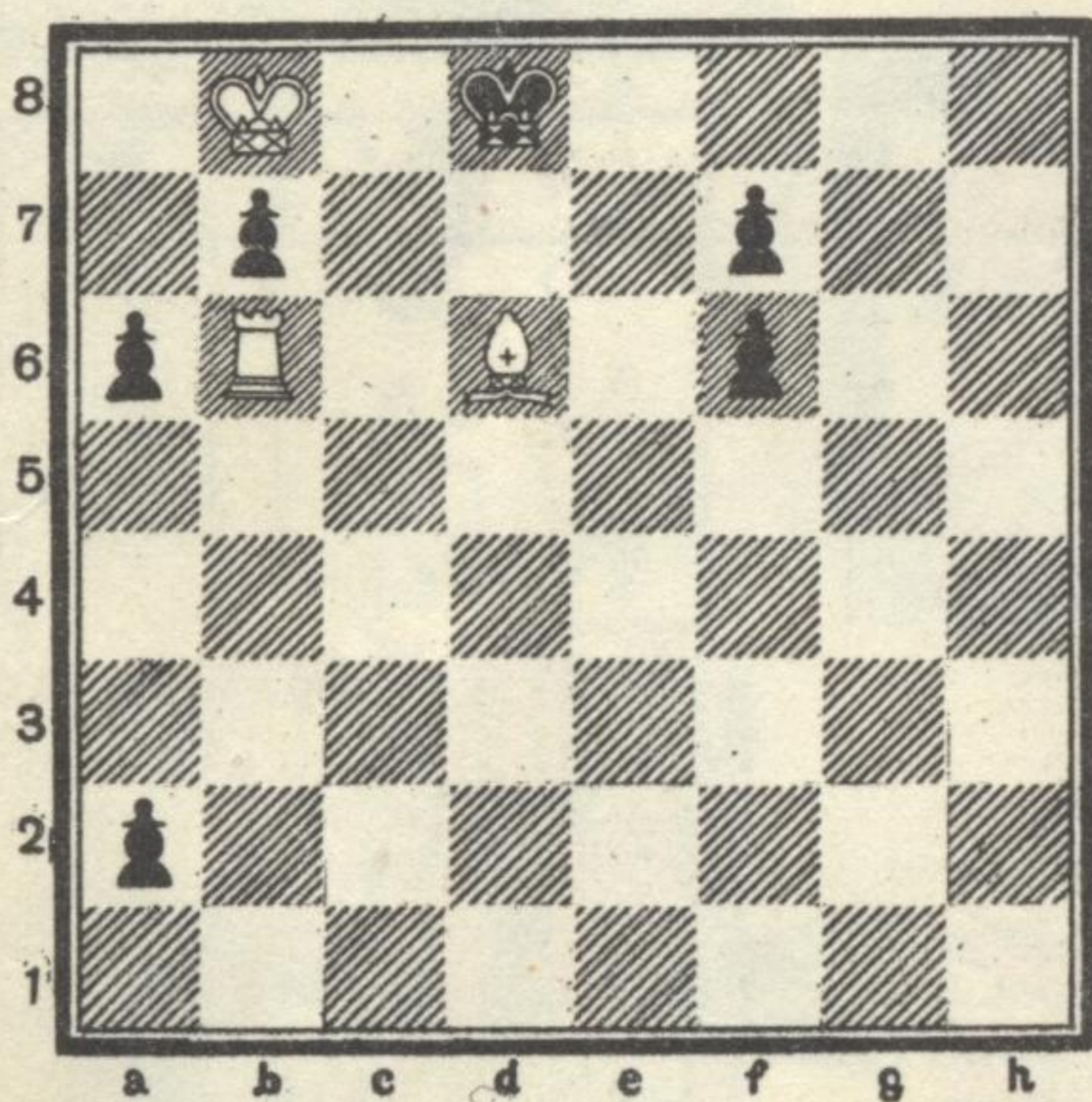
Цель разведки: в А — показать путь белых к победе, в Б — выявить, хорош ли для черных ход 1... 35—40.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

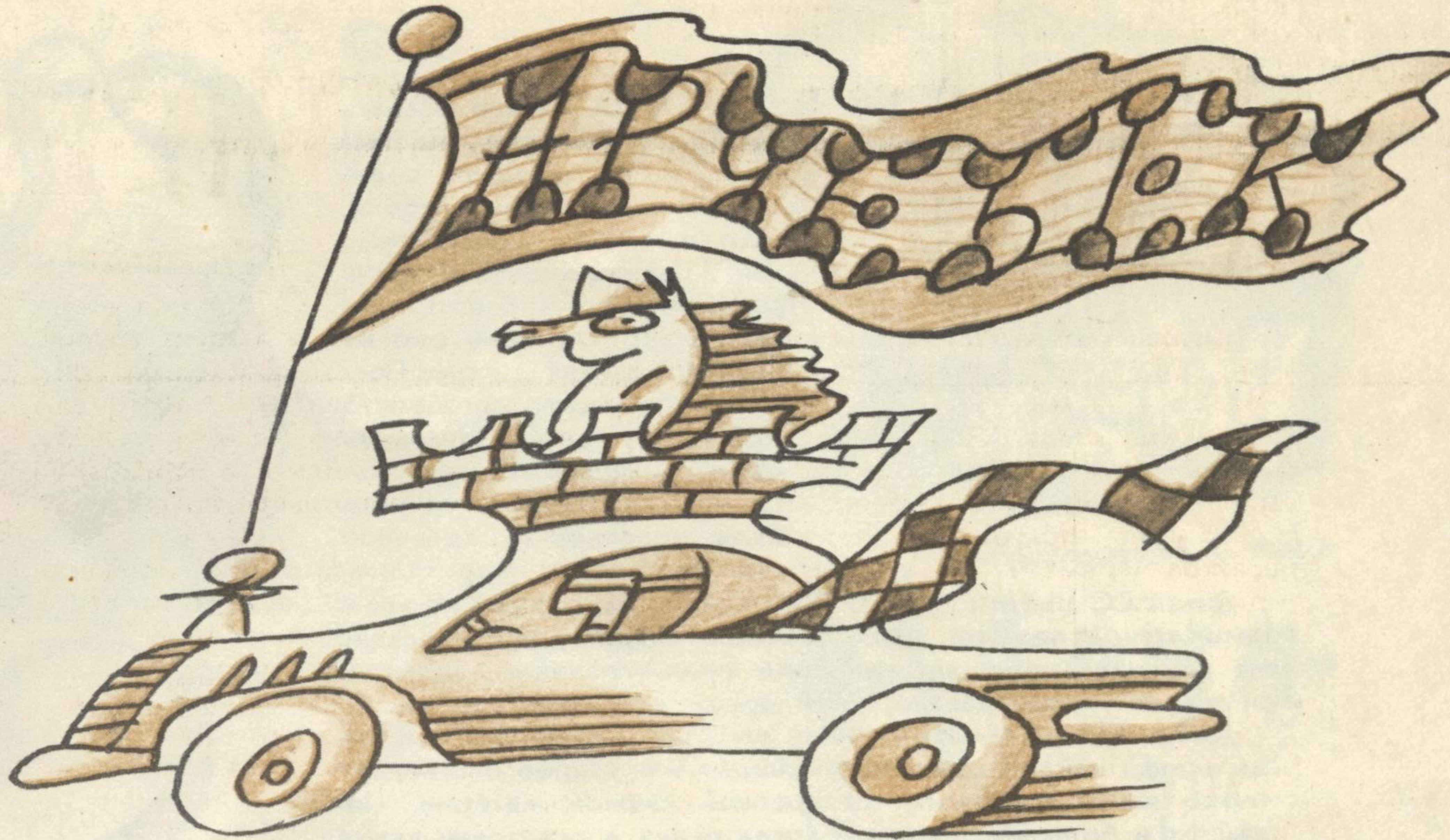
Расставь фигуры — белые: Крс4, Сс3, п. b2; черные: Кра4, Сf4, п. g2. В этой сложной боевой обстановке, где черная пешка грозит следующим ходом превратиться в ферзя, тебе поручается принять командование белыми фигурами и, хорошенько подумав, сделать лучший ход. Выполняй!

МЧИТСЯ «СКОРАЯ ПОМОЩЬ»

В АРЧЕБЕКЕ «скорая помощь», конечно, особая. К кому она сейчас мчится? К тем, кто не знает, как решаются этюды. Итак, на диаграмме этюд Л. Куббеля...

Задание в этом этюде — «Белые выигрывают». Число ходов в этюдах не назначается — выиграть, и все. Ну хорошо... Начнем изучать позицию. У белых две лишние фигуры, но ведь у черных сейчас появится на а1 ферзь — не допустить этого не удастся: слонem пойти на е5 нельзя, ладьей — на b1 тоже нельзя. Что же делать? Попробуем атаковать черного короля! 1. Сс5! а1Ф 2. Лd6+ Кре8 3. Крс8. А ведь получается! Уже ему грозит мат ходом Лd8.

3... Фа5. Защитился... Надо еще что-то придумать. Есть!

4. Лd5! Теперь черные скованы: ферзь должен держать под ударом поле d8, пешка f6 — сторожить поле е5. Пойти может лишь пешка b7.

4... b5. Это спасает? Нет! После такого хода ладье не нужно защищать слона и она устремляется вниз, чтобы оттуда нанести решающий удар.

5. Лd3! и от грозящего б. Ле3Х защиты нет (5... Фе1 б. Лd8Х).

Задание выполнено — этюд решен!

КИОСК «МГНОВЕННАЯ СПРАВКА»

— Что такое «открытые дебюты» и «закрытые дебюты»?

— Открытыми называются шахматные дебюты (т. е. начала партий) с первым ходом 1. е2—е4 и ответом 1... е7—е5; закрытыми — дебюты с иным первым ходом, скажем, 1. d2—d4 или 1. Кg1—f3 и др.

Есть еще и полуоткрытые дебюты — в них на 1. е2—е4 черные отвечают не 1... е7—е5, а 1... с7—с5 (сицилианская защита) или 1... е7—е6 (французская защита) и т. п.

НАГРАДНОЙ ОТДЕЛ АРЧЕБЕКА

В конкурсе «Новогодний приз» («Костер № 12, 1987):

ШХМ. № 1. Мат дается в два хода — 1. Фd1! **№ 2.** В два хода — 1. Сh6! **№ 3.** В два хода — 1. Фе5! **№ 4.** Выигрыш: для белого короля 13 возможных полей. **№ 5.** В два хода — 1. Фа7!

Награждаются: за № 1 — Алеша Климентьев (пос. Дальнее Константиново); за № 2 — Александр Юн (г. Кызыл-Орда); за № 3 — Владимир Хромов (г. Орск); за № 4 — Андрей Грязев (г. Воркута); за № 5 — Назим Мирзоев (г. Баку); за решение всех пяти — Олег Долгополов (г. Владивосток), Оля Жукова (г. Кострома), Олег Трубочев (г. Тулун).

РШ. № 1. 1. ef4!X. **№ 2.** 1. f2! 2. h4X. **№ 3.** 1. b2! 2. hf6!X. **№ 4.** 1. h2! f2 2. g1! e1

3. ge3X. **№ 5.** 1. ed4 e3 (1... h4 2. e3) 2. g3 c5 3. d4! e3 4. b4! — ничья.

Награждаются: за № 1 — Петр Лазарев (п. Жатай); за № 2 — Олег Бордоусов (г. Алма-Ата); за № 3 — Егор Ларионов (г. Стерлитамак); за № 4 — Д. и А. Проскурины (г. Краснотурьинск); за № 5 — Олег Носов (п. Красноармейский); за решение всех пяти — Шариф Гафуров (г. Нурлат); Евгений Зайцев (г. Киев); Сергей Логинов (г. Карталы).

МШ. № 1. 1.40! 50 2.30! 45 3.39X. **№ 2.** 1.27! 2.32! 3.38 4.31X. **№ 3.** 1.21! 2. 28! 3.32X.

Награждаются: за № 1 — Миша Васильев (г. Усть-Илимск); за № 2 — А., Н. и П. Ивашечкины (г. Горький); за № 3 — Владимир Михайлов (д. Бадачуй); за решение всех трех — Наталья Зиминая (г. Оленегорск); Игорь Карпинец (г. Саки); Ольга Ларина (г. Донецк).

Отличные донесения прислали и многие другие разведчики.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 4 решаются так.

Чемпионат. ШХМ. А. 1. Фс7! Крh3 2. Кf4+; 1... Крг2 2. Фh7!; 1... Крh1 2. Кf4. **Б.** 1. Ла1! h4 2. Лg1+; 1... Крh4. 2. Лh1.

РШ. А. 1. g1! d2 2. с7X. **Б.** 1. с3 b4 2. а7 f4 3. b8 b6 4. d2 d4 5. g3 а5 6. e1! b4 7. f2! dc3 8. e1!X.

МШ. А. 1. 42! 2.9 3. 17!X. **Б.** 1. 42! 2. 28! 3. 45:34X, т. к. дамка должна бить так — 3... 30:43:32:23 (правило «турецкого удара»).

Резерву. 1. b6! и если 1... ab, то 2. сb1, а если 1... cb, то 2. ab1.

ПРИКАЗ № 6

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКом, приказываю:

§ 1. Всем арчебековцам отправить рапорты до 15 сентября.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Начались летние каникулы. Теперь можно поспать подольше или встать на рассвете, чтобы встретить солнце. Не надо готовить уроки, можно вволю нагуляться, поиграть, помечтать. Жаль только — время быстро летит. И хорошо, если оно не пройдет у тебя даром. Поставь себе задачу не просто отдохнуть, но и прочесть намеченные книжки, научиться новому, сделать что-нибудь полезное и красивое своими руками.

Давай СОШЬЕМ ПЛЯЖНУЮ СУМКУ. Сделана она из квадрата легкой пестрой ткани. Сложив квадрат, как показано на рисунке, надо зашить бока сумки-трапеции, пришить ручки. А теперь завяжи углы сумки красивым узелком.

Для подобных сумок не надо покупать новую ткань. В доме всегда найдется остаток от шитья или старое платье, которое никто не носит, из крепкой свежей материи. Подойдет и большой платок — тогда ручки и окантовку верха сделай из другой, подходящей по цвету ткани. Не забудь хорошенько промерить квадрат ткани, прикинь, чтобы сумка не оказалась маленькой.

Если пофантазировать, можно превратить обычные стеклянные банки и бутылки в **ОРИГИНАЛЬНЫЕ ВАЗЫ ДЛЯ ЦВЕТОВ.** Самое простое — разрисовать стекло масляными красками. А можно воспользоваться и природным материалом: сделать на банку или бутылку «рубашку». Попробуем сделать ее из бересты. С березового полена (а не с живого дерева!) осторожно сними бересту с подкорковым слоем, делая надрубы топориком до древесины. С прочного куска коры легко снять бересту, обламывая подкорковый слой. Можно «одеть» молочную бутылку или банку в берестяной цилиндр, сшив его нитками или закрыв «замком». На рисунке ты видишь способы сшивания и обработки верхнего края «рубашки». Шей любимыми нитками, но яркая шерсть будет выглядеть на бересте красивее и декоративнее, чем суровая нитка. «Замки» скрепят «рубашку» без сшивания. Но вначале потренируйся на бумаге: вырежь понравившийся «замок» и попытайся соединить его половинки.

Если разрезать бересту на полосы, можно сделать «плетенку». Измерив окружность и высоту банки, нарежь ленты нужной длины. Плетение начинай со сшивания вертикальных лент в кружок, который меньше дна твоей банки. Загнув вертикальные ленты вверх по банке, делай плетенку, как показано на рисунке. Борт заделывай, загибая вертикальные ленты и продевая в паз с внутренней стороны. Для плетенки можно использовать разноцветные ленты пластика или другой подходящий материал.

Алла Конатыгина (Красноярский край) спрашивает, можно ли сделать дома квас для окрошки.

В магазинах иногда продается «сухой квас» в пакетах, выпускаемый нашей промышленностью. Можно сделать квас и своими руками, из сухарей. **ХЛЕБНЫЙ КВАС** — старинный русский напиток, он хорош в жару и необходим для приготовления холодного супа — окрошки.

Ржаной хлеб нарежь мелкими кубиками и высуши в духовке, не пережигая. Вскипяти воду и, немного остудив ее, всыпь туда, помешивая, сухари (5 литров воды — 250 г сухарей) и поставь настаиваться под крышкой в теплом месте. Периодически помешивай. Через 1—1,5 часа жидкость слей, а в сухари добавь 2,5 л воды и снова настаивай такое же время. В жидкость, слитую после первого и второго настаивания, положи немного сахара и дрожжей «с ноготок», предварительно разведя их сахарной жидкостью. Через 8—12 часов квас готов.

Напоминаю **РЕЦЕПТ МЯСНОЙ ОКРОШКИ.** Нарежь мелкими кубиками вареное мясо и огурцы. Нашинкуй зеленый лук и разотри с солью до появления сока. Наруби крутые яйца. В сметану положи яйца, зеленый лук, горчицу, сахар, соль, хорошо перемешай, разведи квасом и добавь мясо с огурцом. Не забывай пробовать то, что готовишь.

Так же делают и **ОВОЩНУЮ ОКРОШКУ**, только вместо мяса кладут картофель (варить в кожице и натереть на терке для улучшения вкуса) и морковь с репой (сварить отдельно, очищенные).

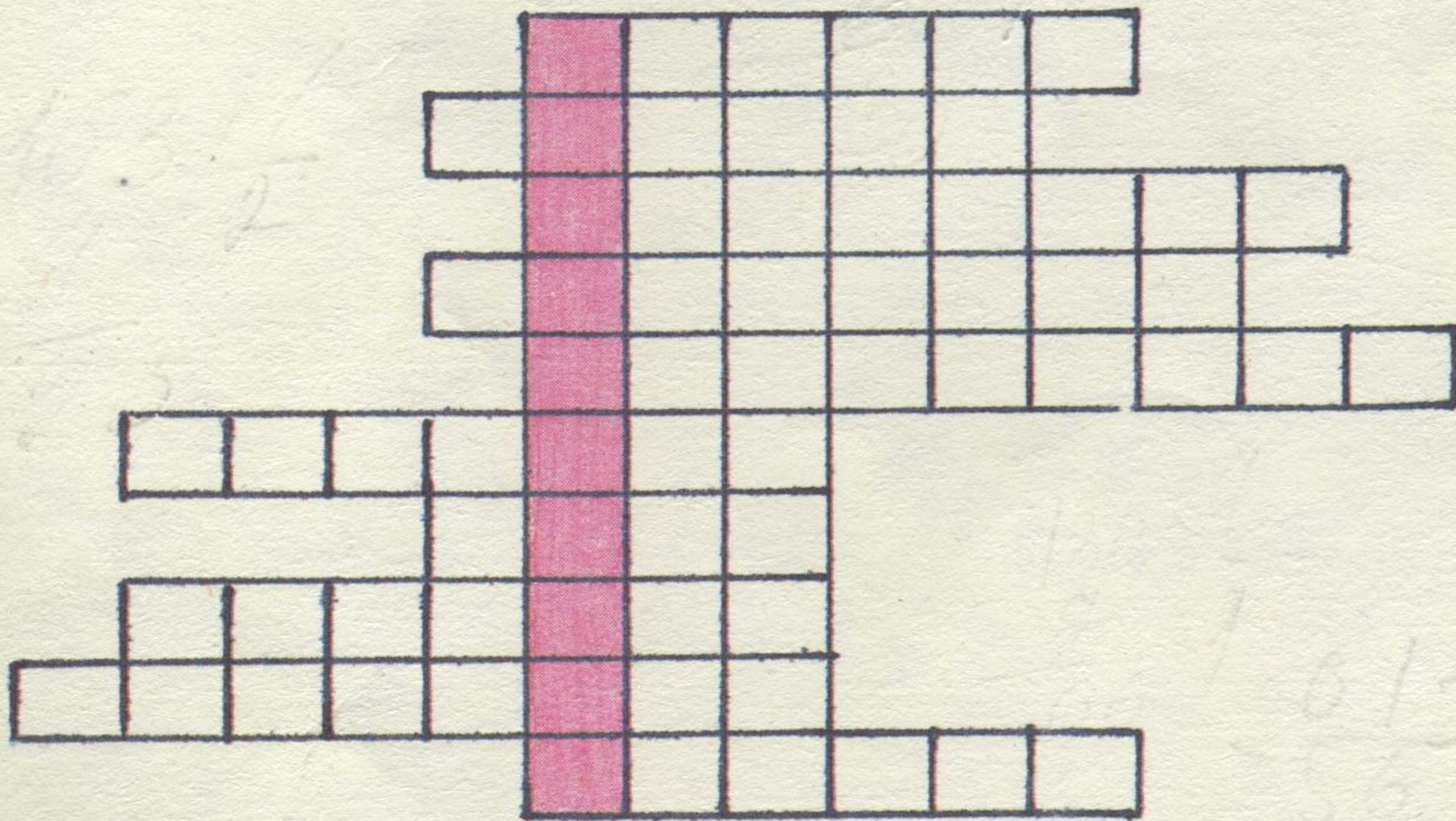

Рисунки Т. Петуховой

Однажды, прогуливаясь по городу со своим внуком, профессор Синицын заметил, как водитель автомобиля нарушил правила уличного движения — проехал на красный свет. Целиком номер машины профессор не заметил, он помнил только, что первые две цифры были семерки, а последние две цифры совпадали между собой. При этом внук профессора утверждал, что все это число является точным квадратом.

Итак, можете ли вы узнать по этим данным номер автомашины, водитель которой нарушил правила?
20 очков.

КОНКУРС КРОССВОРДОВ

Андрей Степанов из города Дмитрова Московской области придумал шахматный кроссворд. В нем зашифрованы фамилии чемпионов мира по шахматам. Если вы правильно заполните горизонтальные ряды, то в вертикальном столбике сможете прочитать еще одну фамилию.

ЗА СЕМЬЮ ПЕЧАТЯМИ

Оформление А. Януса

Каким образом должны расположиться эти трое мальчишек, чтобы цифры на их одежде образовали число, которое делилось бы без остатка на 7?

Профессор Синицын на карусели
Число людей, катавшихся на карусели, включая самого профессора, равно 13.

Конкурс кроссвордов

По горизонтали: 7. Сахара. 8. Байкал.

По вертикали: 1. Кушка. 2. Китай. 3. Тихий. 4. Эверест. 5. Сахалин. 6. Токио.

Слово «фокус»

Слово «фокус» надо вписать обычным порядком в каждый горизонтальный ряд. По горизонтали оно будет читаться пять раз и по двум диагоналям два раза.

Главный редактор О. А. ЦАКУНОВ

Редакционная коллегия:

Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. Н. ЗАРУДНЕВ (зам. главного редактора), О. П. ОРЛОВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, А. Я. ТОЛСТИКОВ (отв. секретарь), Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

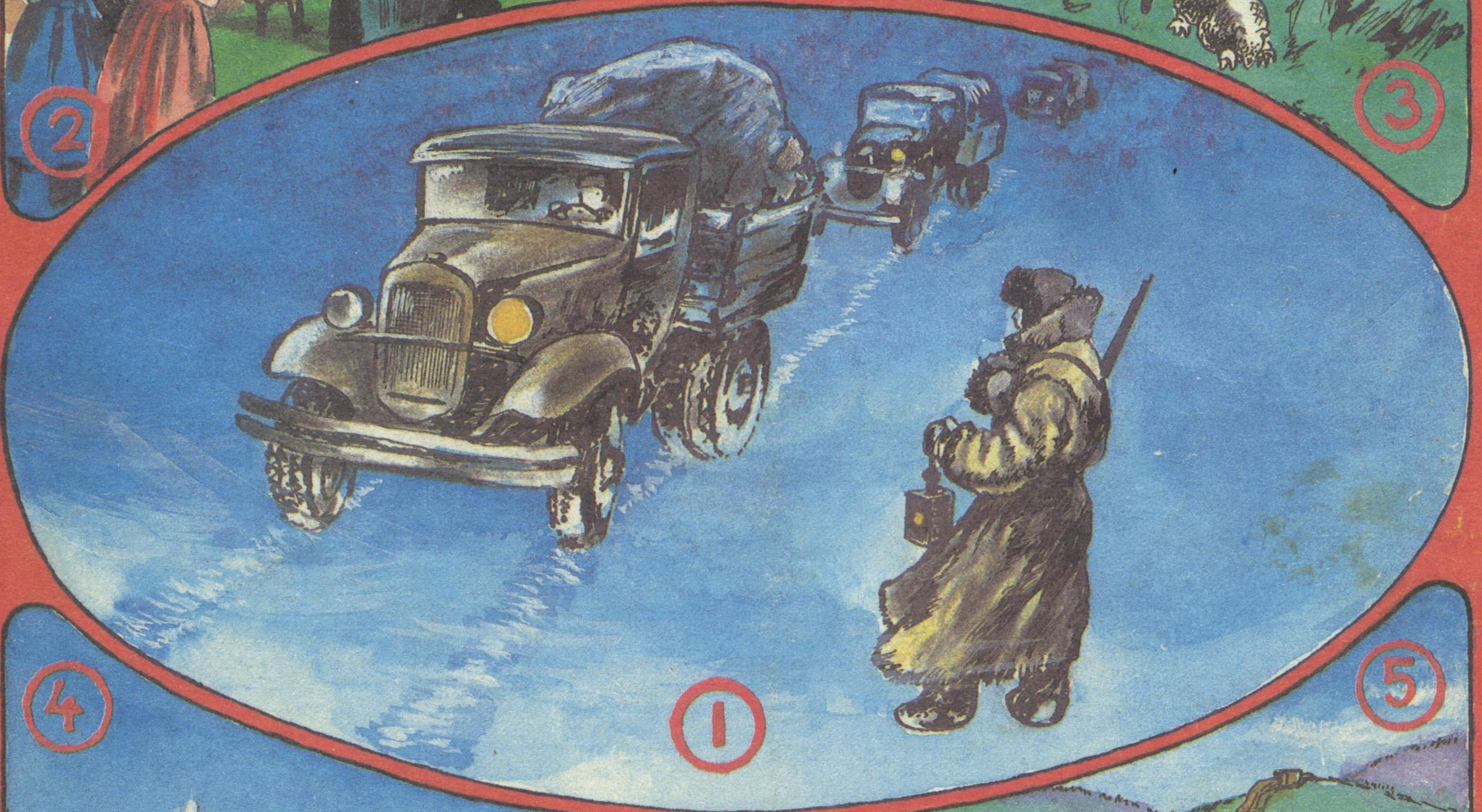
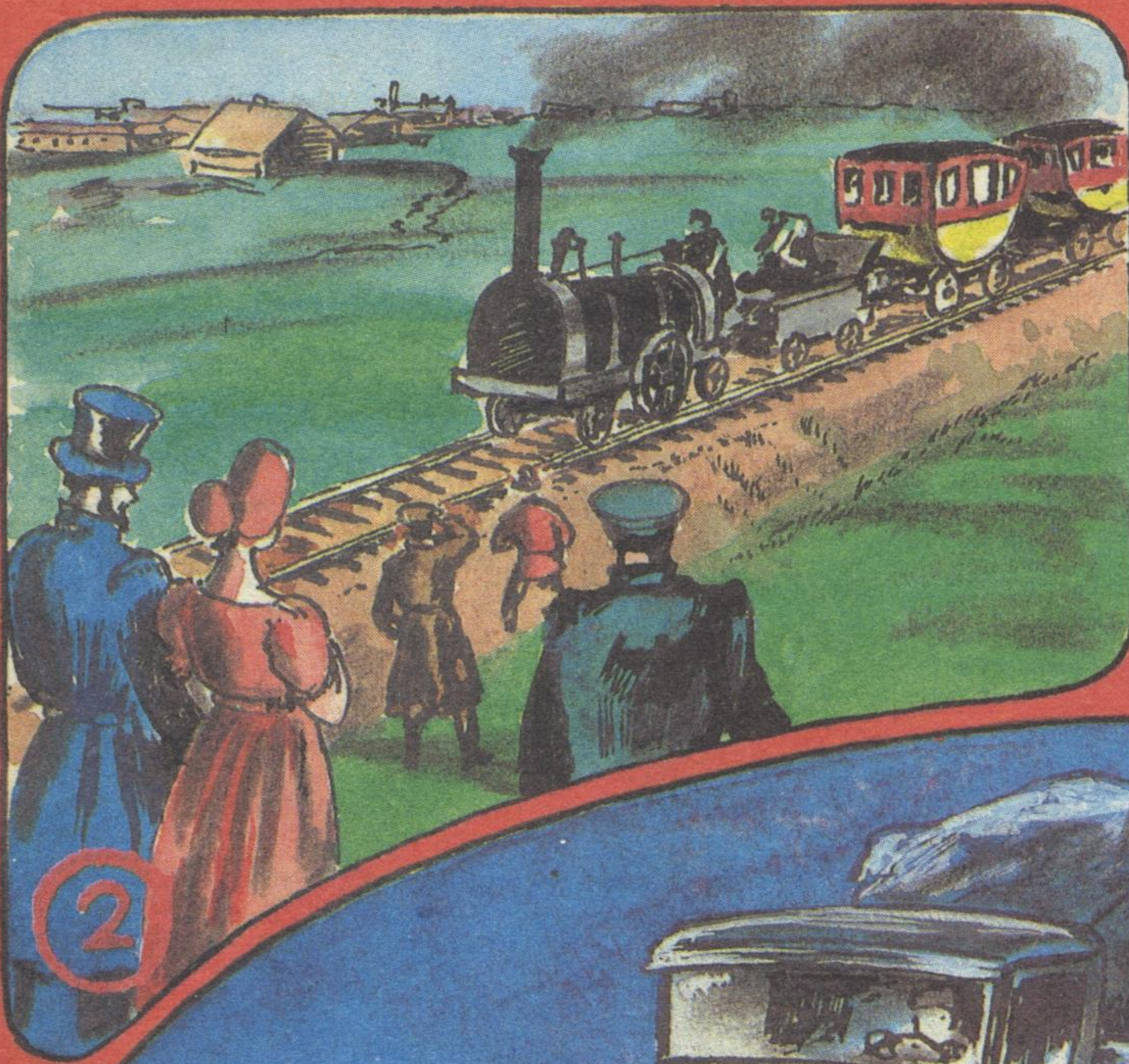
Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор Д. Г. ЛАЗДАН

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-37603. Сдано в набор 04.02.88. Подписано к печати 14.04.88. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 8,1. Печать офсетная. Тираж 1 300 000 экз. Заказ 3886. Цена 30 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 дважды ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского производственного объединения «Типография им. Ивана Федорова» Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, г. Ленинград, ул. Мира, 3.

1. Это — дорога. В трудное время Великой Отечественной войны по ней везли в Ленинград продукты и боеприпасы. Поэтому и прозвали дорогу — « ».

2. Это первая железная дорога в России. Она была построена в году между и

3. Сквозь непроходимые тропические заросли бассейна пролегла совсем недавно эта дорога. Но ученые сомневаются: не нанесет ли вред дорога уникальной природе лесов.

4. Эту дорогу называют Чаще всего она строится в горах.

5. Четверо конных воинов в ряд могли ехать по этой дороге. Она идет по верху